

АСТРАПОЛИС

*Астраханские
политические исследования*

ASTRAPOLIS

Astrakhan Political Studies

*Das ist ein provint hies
d Der Markt
e Crana porte
f kloster porte
g Karanske
h Koffin
i Wornesfinski
k Roffek
l Massagofiki
M Tartarn Stad*

2021 (Том 11)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АСТРАПОЛИС

Астраханские политические исследования

ASTRAPOLIS

Astrakhan Political Studies

2021
(11)

Издательский дом «Астраханский университет»
2021

УДК 32
ББК 66.3
А91

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Редакционная коллегия:

Гришин Н.В. – доктор политических наук, профессор;
Головин В.Г. – доктор биологических наук, профессор;
Карабущенко П.Л. – доктор философских наук, профессор;
Кудряшова Е.В. – кандидат политических наук, доцент;
Маркелов К.А. – кандидат экономических наук, профессор;
Оськина О.И. – кандидат политических наук, доцент;
Подвойский Л.Я. – кандидат философских наук, доцент (ответственный редактор);
Усманов Р.Х. – доктор политических наук, профессор (зам. глав. редактора)

АСТРАПОЛИС: Астраханские политические исследования : ежегодник кафедры политологии Астраханского государственного университета. – Электрон. текстовые, граф. дан. (2, 78 МБ). – Систем. требования: MS Windows XP и выше; 1 ГБ ОЗУ; CD-ROM; мышь. – Астрахань : Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2021. – Т. 11. – 240 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): 12 см. – Загл. с экрана. – Диск помещен в контейнер 14×12 см.

ISBN 978-5-9926-1328-5

В настоящем издании публикуются материалы по социокультурным и политическим проблемам современности. К исходной политической проблематике добавлены актуальные проблемы современной философии, культурологи и филологии. Издание адресуется научно-педагогическим работникам, аспирантам, практическим работникам, всем, кто интересуется вопросами современной политической науки и культуры.

Издание подготовлено Департаментом социально-политических и экономических исследований Евразии и Востока Астраханского государственного университета при поддержке:

- * кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета,
- * Астраханского отделения Российского общества политологов,
- * Астраханского отделения Российского философского общества,
- * Кафедры ЮНЕСКО «Обучающееся общество и социально-устойчивое развитие» Астраханского государственного университета.

На обложке использована карта Астрахани из книги Адама Олеария 1636 г.

На титульной странице использован герб Астраханского царства из «Титулярника» царя Алексея Михайловича 1672 г.

© Астраханский государственный университет,
Издательский дом «Астраханский университет», 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Стремина А.И., оформление обложки, 2021

Editorial Board:

Grishin N.V. – Doctor of Political Sciences, Professor;
Golovin V.G. – Doctor of Biology Sciences, Professor;
Karabushchenko P.L. – Doctor of Philosophy, Professor;
Kudryashova E.V. – Political Science, Associate Professor;
Oskina O.I. – Political Science, Associate Professor;
Podvoisky L.Y. – PhD, associate professor (editor);
Usmanov R.H. – Doctor of Political Sciences, Professor (vice chief editor)

ASTRAPOLIS: Astrakhan Political Studies : Yearbook of Political Science Department of Astrakhan State University. Electron. text, graph. bases (716 Kb). – System requirements: MS Windows XP and higher; 1 GB of RAM; CD-ROM; mouse. – Astrakhan : Astrakhan State University, Publishing House “Astrakhan University”, 2021. – Vol. 11. – 241 p. – 1 electron. optic disk (CD-ROM): 12 cm. – Title from the screen. – The disc is placed in a 14×12 cm container.

ISBN 978-5-9926-1328-5

This edition publishes materials on the sociocultural and political issues of our time. For the initial political issues added problems of modern philosophy, culture and philology. The publication is addressed to science teachers, graduate students, practitioners, all who are interested in contemporary political science and culture.

This edition was prepared by the Department of Socio-Political and Economic Research of Eurasia and the East of the Astrakhan State University,
produced with the support of:

- * Departments of Political Science and International Relations of Astrakhan State University
- * Astrakhan branch of the Russian Society of Political Scientists
- * Astrakhan branch of the Russian Philosophical Society.
- * UNESCO Chair “Learning Society and Socially Sustainable Development” of Astrakhan State University

On the cover of the yearbook is used the map of Astrakhan by Adam Olearius 1636

On the cover page is used coat of arms of the Astrakhan kingdom from «Titulyarnika» by the Tsar Alexei Mikhailovich 1672.

© Astrakhan State University, Publishing House
“Astrakhan University”, 2021
© Team of authors, 2021
© Stremina A. I., cover design, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

«ЕВРАЗИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ»

Материалы научно-практической конференции 7

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Кудряшова Е.В., Каширская Л.В.

Роль образования в формировании избирательной активности молодежи 9

Голова Д.В.

Политические партии в России как инструмент политики:
проблемы и перспективы 14

Баштовая Д.Ю.

Проблема развития местного самоуправления в современной России 23

Мулдашева Н.Д.

Перспективы и проблемы развития
Евразийского экономического союза 27

Пушнина А.С.

Telegram-каналы как инновационные цифровые СМИ в России 32

Сажин Н.В.

Русские общины в Украине, Казахстане, Эстонии 38

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Шашкин Д.А.

Концепция «Исламского пробуждения» как внешнеполитическая
доктрина Исламской Республики Иран в XXI в. 45

Таирова Ш.С.

Прокси-конфликты в Африке: основные зоны влияния 52

Пахомов А.В.

Непризнанные государства в современном мире 58

ГЕОПОЛИТИКА

Бедаев А.И., Михайлова Е.А.

Внешнеполитические интересы Турции в Каспийском регионе 69

Джанталеева М.Ш.

Сотрудничество Казахстана и Китая на Евразийском пространстве
в рамках программы «Один пояс – один путь» 78

Кондратьев В.В.

Незавершённость территориального разграничения в Каспийском море
как угроза региональной стабильности и безопасности 84

Упир И.Р.

Проблема дезинформации в политической
интернет-коммуникации Китая 91

Абкаи́ров Абхайи́р-Челе́би Яку́б оглы́ Теоретические основы формирования региональных международных систем на примере Черноморско-Каспийского региона	98
Галани́на Д.С. Насилие в международных отношениях: актуальные проблемы евразийской безопасности	106
Степа́нян Г.Э. Место и роль Большого Каспия в современной геополитике	111
Хали́мова Д.Т. Каспийское море. Борьба в энергетическом бассейне новый статус: соглашение века?	116
Сине́губова Е.Н. Гибридная война в современной внешнеполитической стратегии России	126
Ручки́н В.А. Нефть и исламский фактор в двусторонних отношениях королевства Саудовская Аравия со странами Каспийского региона	132
Голови́на Е.Е. Каспий как геополитический и экономический проект большого евразийского партнёрства.....	140
Голови́на Я.В. Роль Китая в современном международном процессе.....	145

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТОЛОГИЯ

Карни́цкая В.Р. Политическая элита Украины и русофобские принципы регулирования процессами государства	151
---	-----

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Оськи́на О.И. Современная политическая культура Ирана	159
Кудря́шова Е.В. Политическая культура современной Турции.....	165
Подво́йский Л.Я. Особенности политической культуры современной Индии.....	170

Трибуна молодого учёного

Челна́кова И.Ю. История развития дипломатических традиций и культурный код Индии	175
Во́щинский К.Е. Концепция самоорганизованной критичности: на примере протестной активности в Иране и Азербайджане	182

Фридсон Е.В.	
Основные вопросы обеспечения международной информационной безопасности в контексте международных переговоров.....	188
Селезнева А.О.	
Проблема правового статуса Каспийского моря.....	195

РЕЦЕНЗИИ

Голова Д.В.	
Новый взгляд на случайности: рецензия на книгу Нассима Талеба «Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости» (2006)	203
Паршков Е.А.	
Истоки и смысл современного антиамериканизма (анализ концепции Пола Холландера)	209

НАУЧНАЯ ЭЛИТА

Юбилеи	219
--------------	-----

**Департамент социально-политических и экономических исследований
Евразии и Востока Астраханского государственного университета**

**Кафедра ЮНЕСКО «Обучающееся общество и социально-устойчивое
развитие» Астраханского государственного университета**

**Кафедра политологии и международных отношений
Астраханского государственного университета**

**Научная практическая конференция
«ЕВРАЗИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
И ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ»**

12 мая 2021 г.

В начале нынешнего столетия наблюдается усиление геополитической и экономической роли стран евразийского континента, при параллельном ослаблении бывших западных центров. Центры принятия решений смешаются из Западной Европы и Северной Америки в Пекин и Дели, Москву и Тегеран. Мир стремительно меняется и общественной науке постоянно приходится уточнять свои прежние теоретические позиции. Требуется постоянно действующий мониторинг глобальных политических, культурно-религиозных и социально-экономических изменений.

Цель конференции: повышение значимости интеллектуального капитала как важнейшего фактора инновационного развития науки.

Задачи конференции: проанализировать и оценить проводимые научные исследования с точки зрения их результативности и применимости, проследить историю развития и современное состояние науки.

Миссия конференции: популяризация российских исследований, в первую очередь, в молодежном сообществе, а также создание профессиональной площадки для опубликования основных научных результатов проведенных исследований, научной дискуссии и практик.

Для обсуждения организаторами мероприятия были предложены следующие темы:

- Большой Каспий: современные геополитические процессы в регионе;
- Интеграционный потенциал Большого Каспия на евразийском пространстве;
- Современные геополитические интересы ведущих стран мира в Прикаспийском регионе;

- Политико-правовой статус Каспия: современное состояние и перспективы развития;
- Актуальные проблемы безопасности, рисков и устойчивого развития;
- Политическая культура и дипломатия стран Прикаспийского содружества;
- Проблемы межкультурного диалога и коммуникации стран Прикаспийского региона
- Политическая философия и ее практические аспекты;
- Политические лидеры: современные вызовы и угрозы.

В работе приняли участие профессорско-преподавательский состав АГУ, студенты, магистры и аспиранты университета.

Материалы конференции (доклады и сообщения) публикуются редакцией ежегодника АСТРАПОЛИС (Астраханские политические исследования) в авторском варианте.

*Оргкомитет конференции и редакция ежегодника
«АСТРАПОЛИС»*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ¹

Кудряшова Е.В., канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры политологии и международных отношений, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, Татищева, 20а
E-mail: eafanasova@mail.ru

Каширская Л.В., д-р экон. наук, доцент, профессор департамента учета, анализа и аудита, Финансовый университет при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 51/1
E-mail: kashirskaya76@mail.ru

Аннотация. На современном этапе избирательная активность молодежи характеризуется незаинтересованностью и отсутствием вовлеченности в политический процесс. В данной работе анализируются причины низкой избирательной активности молодежи и способы их преодоления. Кроме того, выявляется роль образования в формировании активности молодых людей и предлагаются методы, способствующие стремлению молодежи участвовать в политической жизни страны.

Ключевые слова: образование, молодежь, выборы, избирательная активность, избиратели

THE ROLE OF EDUCATION IN THE FORMATION OF THE SELECTIVE ACTIVITY OF YOUTH

Kudryashova E.V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science and International Relations, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, Tatishcheva 20a
E-mail: eafanasova@mail.ru

Kashirskaya L.V., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Financial University under the Government of the Russian Federation
125993, Moscow, Leningradsky prospect, 51/1
E-mail: kashirskaya76@mail.ru

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31247.

Annotation. At the present stage, the electoral activity of young people is characterized by disinterest and lack of involvement in the political process. This paper analyzes the reasons for the low selective activity of young people and the ways to overcome them. In addition, the role of education in the formation of the activity of young people is revealed and methods are proposed to promote the desire of young people to participate in the political life of the country.

Keywords: education, youth, elections, electoral activity, voters

В настоящее время в большинстве демократических государств мира избирательная активность молодежи выступает основополагающим фактором эффективности государственной власти, так как она демонстрирует функционирование институтов гражданского общества в должной степени. В России же, напротив, усиливаются тенденции аполитичности среди молодежи, что проявляется в смещении её системы ценностей на семью и материальное благополучие. Это может негативно сказаться на будущем государства, поскольку данный пласт населения в дальнейшем должен принимать важные политические решения [4].

Именно низкий уровень доверия к власти и политический абсентеизм современной российской молодежи способствует распространению мнения о недостаточной легитимности всей политической системы. В связи с этим государственные структуры должны уделять особое внимание повышению избирательной активности среди данной возрастной категории, что в дальнейшем также может положительно сказаться на развитии гражданского общества. Повышение уровня избирательной активности молодежи и вовлеченность её в политическую жизнь страны возможны лишь в условиях, когда молодые люди видят реальное исполнение предвыборных обещаний и поддержку со стороны властных структур [4, с. 19].

В современных условиях большинство молодых людей не находят перспектив для своего личностного и карьерного роста, поскольку широкого распространения получают коррупционные методы достижения желаемого, из-за чего формируется отстраненность молодежи от политики, а также неудовлетворенность государственной властью, не способной реализовать их амбиции.

Результатом становится игнорирование молодыми людьми любых проявлений политической активности, в том числе выборов, так как они считают, что итог голосования никак не зависит от их участия. Так, в качестве примера, можно привести результаты совместного статистического исследования Левада-центра с Фондом им. Ф. Эберта «Российское «поколение Z»: установки и ценности», согласно которым практически 60 % молодежи не заинтересованы в политической жизни государства, а их доверие к национальным властным институтам находится на низшем уровне [8].

Иными словами, большинство молодых людей не чувствуют поддержку от государственных структур и не могут определить перспективы развития своего региона, что ставит под угрозу развитие отдаленных субъектов федерации. Еще одним фактором, обуславливающим подобное абсентеистское отношение

к избирательному процессу, выступает недоверие не только к руководящим лицам, но и ко всем политическим институтам [2; 3].

Можно также говорить о том, что достаточно низкий уровень избирательной активности молодежи выступает следствием взаимосвязанных процессов. Одним из них является нежелание государства заниматься проблемами молодых людей, тем самым способствуя абсолютной незаинтересованности последних в политической жизни страны. Другим процессом выступает попытка использования данной возрастной категории государственными и иными влиятельными группами лиц в рамках избирательного процесса для достижения собственных целей [1, с. 126].

В связи с тем, что органы государственной власти не стремятся способствовать развитию избирательной вовлеченности молодежи, последние могут стать объектом манипуляции иных политических сил, что в дальнейшем может пагубно сказаться на желании молодых людей принимать участие в избирательном процессе.

Большую роль в данной связи играет система образования, поскольку она способствует формированию у молодых людей политических предпочтений и развитию политической культуры. В современной России усиливаются тенденции поступления молодежи после школы в вузы и колледжи, что демонстрирует высокое значение создания в образовательных учреждениях системы, при которой избирательная активность молодых людей значительно возрастет.

Особое внимание в образовательных структурах должно уделяться политической культуре молодежи, поскольку она оказывает непосредственное воздействие на формирование взглядов и предпочтений. Кроме того, благодаря формированию политической культуры у молодых людей возможна нормализации общественных отношений и четкое понимание функционирования основных политических явлений.

Избирательная активность также зависит от политической культуры, так как чем выше уровень культурной образованности, тем более сбалансирован и взвешен политический выбор данной возрастной категории лиц. Помимо этого, от формирования в образовательных учреждениях политической культуры зависит адекватность представлений молодежи об основных принципах работы государственного аппарата и о важности принятия участия в политической жизни страны [2].

Однако, стоит отметить, что образование не ограничивается лишь образовательными учреждениями, большое значение в нем играют и другие социальные институты, среди которых семья и различные молодежные объединения также занимают значительную позицию. Вследствие этого важно, чтобы все образовательные институты работали во взаимосвязи и были направлены на повышение избирательной активности молодежи и формирования у неё политических предпочтений.

На современном этапе органы государственной власти стремятся проводить молодежную политику, направленную на правовое воспитание молодых людей и увеличение их избирательной активности. Так, издаются различные

законодательные акты, способствующие повышению политической и правовой культуры избирателей среди молодежных и детских объединений. Кроме того, в образовательных учреждениях проводятся соответствующие олимпиады и творческие конкурсы по избирательному праву и смежным дисциплинам [5, с. 86].

Центральная избирательная комиссия также стремится привлечь молодых людей к участию в мероприятиях, способствующих повышению избирательной активности. Одним из инструментов выступает введение празднования дня молодого избирателя в России, в рамках которого по всем регионам страны проводятся акции, позволяющие молодежи сформировать политическую грамотность.

Исследовав причины и факторы, влияющие на низкую избирательную активность молодых людей, необходимо рассмотреть основные пути её повышения, в результате которых возможно увеличение степени заинтересованности молодежи политической жизнью страны.

Первоочередной задачей органов государственной власти в данной связи выступает создание и осуществление мер, способствующих обеспечению легитимности избирательного процесса. Результатом подобных мер должна стать высокая явка избирателей и соблюдение всех норм законодательства. При этом важно реализовать механизмы, направленные на мобилизацию молодежи, как важной электоральной группы, чаще всего пассивно относящейся к принятию участия в голосовании или выборах.

Одним из способов формирования и повышения избирательной активности молодежи в рамках образовательных учреждений выступает практика проведения встреч представителей территориальных избирательных комиссий с обучающимися, а также организации ими различных форумов и конференций. Помимо того, что подобные мероприятия повысят мотивацию молодых людей принимать участие в избирательном процессе, на обучающихся также могут повлиять программы обучения и возможность тщательнее разбираться в избирательном процессе.

Кроме описанных способов повышения избирательной активности у студентов, для несовершеннолетней молодежи также существуют механизмы формирования политической точки зрения. Для этого в школах и других образовательных учреждениях проводятся занятия по избирательному праву, а также часто привлекаются местные политические деятели, преподаватели и студенты для организации мероприятий познавательной направленности. Привлечение студентов считается наиболее эффективным и важным, поскольку взаимодействие несовершеннолетних избирателей с людьми, не сильно отличающимися по возрасту, способствует более открытому диалогу и большему доверию между ними [6, с. 66].

Стоит отметить, что проблема роли образования в формировании избирательной активности молодежи довольно противоречива, поскольку многие действия образовательных учреждений, направленные на повышение заинтересованности обучающихся политической жизнью, могут быть расценены, как агитация. Примером можно назвать стремление преподавателя в ходе образовательного процесса высказывать субъективную точку зрения по поводу того или

иного политического события, а также навязывать и транслировать собственные политические предпочтения.

В связи с этим, важно осуществлять тщательный подбор профессиональных педагогических работников, отвечающих за гражданско-патриотическое воспитание или за формирования политической культуры молодежи.

Другим способом формирования и повышения избирательной активности молодежи в рамках образовательного процесса выступает проявление особого внимания данному вопросу в период школьного обучения. При этом для обучающихся надо создать все условия, предоставляющие им возможность понять важность собственного выбора и свою ответственность за будущее страны [7, с. 172].

Помимо этого, в образовательных учреждениях необходимо регулярно проводить встречи с кандидатами на выборах для того, чтобы молодежь могла высказывать точку зрения, описывать свои проблемы и выражать пожелания. Вместе с тем, кандидаты должны слушать и слышать проблемы молодых людей, стремиться их разрешить, а также продолжать работать в данном направлении и после избрания, поскольку только в подобных условиях молодежь сможет удостовериться в честности избирательного процесса и в важности выражения своей позиции.

Иными словами, для того, чтобы повысить заинтересованность молодых людей в избирательном процессе и в политической жизни страны, необходимо показывать результат влияния их позиции на реальные политические решения. Для этого важно привлекать к образовательному процессу политических деятелей и профессиональные педагогические кадры, предоставляющих обучающимся возможность приобщиться к избирательному процессу.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что роль образования в повышении избирательной активности молодежи является важной и неоспоримой, поскольку образовательные учреждения выступают одним из первых институтов становления политических предпочтений молодых людей, что требует от них разработки механизмов формирования избирательной ответственности последних.

Список литературы

1. Грибанова В.А. Электоральная пассивность молодежи: причины и пути преодоления // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2018. – № 5 (56). – С. 125–129.

2. Гришин Н. Б. Общественное участие в процессе делимитации избирательных округов // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 130–146.

3. Гришин Н. В. Участие граждан в управлении выборами: процесс делимитации избирательных округов // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 4. – С. 66–81.

4. Гришин Н. В. Деятельность международных организаций по подготовке и обучению электоральных экспертов // Вопросы элитологии. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 63–81.

5. Логунова В. П. Повышение политического участия молодежи как фактор снижения уровня абсентеизма посредством государственной политики // Вопросы управления. – 2017. – № 5 (48). – С. 17–22.

6. Махора Е. В. Государственная молодежная политика в области электорального просвещения // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2018. – № 1. – С. 84–88.

7. Митюнова И. Г. Факторы повышения электоральной активности российской молодежи // Beneficium. – 2020. – № 1 (34). – С. 65–71.

8. Орлова Е. В. Роль образования в формировании политических предпочтений молодежи // МНИЖ. – 2020. – № 5–2 (95). – С. 171–175.

9. Российское «поколение Z»: установки и ценности // Friedrich EbertStiftung. – 2020. – Режим доступа: <https://www.fes-russia.org/pokolenie-z/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 01.02.2021).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Голова Д. В., студентка, Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dasha.golova.98@bk.ru

Аннотация. В статье представлен анализ взаимоотношений политических партий и органов государственной власти в современной России, а также возможность влияния политических партий на процесс принятия политических решений. Также в статье анализируются перспективы развития новых политических партий в совместном диалоге с органами власти.

Ключевые слова: политическая партия; партийно-политическая система; государственная власть

POLITICAL PARTIES IN RUSSIA AS A POLITICAL INSTRUMENT: PROBLEMS AND PROSPECTS

Golova D. V., student, Astrakhan State University
414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st.
E-mail: dasha.golova.98@bk.ru

Annotation. The article presents an analysis of the relationship between political parties and state authorities in modern Russia, as well as the possibility of the influence of political parties on the process of political decision-making. The article also analyzes the prospects for the development of new political parties in a joint dialogue with the authorities.

Keywords: political party; party-political system; state power

На современном этапе развития система власти и общества постоянно между собой взаимодействуют. В этом плане, благодаря информационной революции, конструктивного диалога можно добиться с помощью различных инструментов, а именно: прямые линии с Президентом, административные сайты, обычные письма, горячие линии, взаимодействие через общественные движения, занимающиеся в основном социальными функциями. Однако все эти средства никаким образом не могут влиять на политику государства.

Даже некоторые митинги и собрания большого количества населения не всегда помогают в достижении конкретных целей. В отличие от европейских стран, в которых, как правило, митингующие добиваются своего, в России же некоторые требования государство удовлетворяет, некоторые нет. Такая политика весьма оправдана в современных реалиях. Безусловно, что каждое требование государство не должно удовлетворять, во многом государство само определяет, на что стоит обратить внимание, а что оставить без него.

Наиболее реальным институтом воздействия гражданского общества на власть в Российской Федерации является политическая партия. «Политическая партия - это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления» [12, с. 91]. Из определения становится ясно, что государство закрепляет за политической партией особую роль – участие граждан в политической жизни. Именно политическая партия — это тот инструмент, с помощью которого гражданское общество и может влиять на жизнь в стране.

Авакьян С.А. дает по этому поводу очень важный комментарий: «В Российской Федерации партийно-политические процессы стали важной составляющей происходящих перемен с начала трансформации политической системы государства. С тех пор в России активно проводится курс на формирование устойчивой партийной системы и повышение роли политических партий для осуществления дальнейших реформ в стране» [5, с. 247].

Ведущие исследователи политических партий сходятся в том, что этот институт является ключевым в демократических политических системах. С.М. Липсет отмечал, что партии являются незаменимыми для демократии, а в стабильных демократических системах они обеспечивают консенсус, опираясь на поддержку всех крупных сегментов общества [13, с. 98]. Дж. Сартори считал, что в условиях политического плюрализма, понимаемого как свободная конкуренция разнообразных групп, роль главных субъектов этого процесса исторически закрепились за политическими партиями как структурами, наиболее приспособленными для целей коммуникации между государством и гражданским обществом [16, с. 24].

Теоретики системного подхода сходятся в том, что политические партии играют существенную роль в процессе артикуляции политических интересов. Если же говорить об агрегировании политических интересов, то в современных

демократиях партии являются главным институтом, выполняющим эту функцию, поскольку они способны обеспечить представительность, публичность и состязательность этого ключевого политического процесса.

Политические партии защищают социальные интересы граждан, являются субъектами властеотношений, образованные в соответствии с нормами, закрепленными в Конституции РФ и федеральном законе «О политических партиях в РФ» [4]. Деятельность политических партий направлена на продвижение партийных программ, образование и воспитание граждан, формирование и выражение общественного мнения, мнения граждан по различным вопросам общественной жизни, доведение этого мнения до сведения широкой общественности и органов государственной власти.

Политические партии играют важнейшую роль в политической системе общества. Являясь одним из основных институтов политической системы, политические партии активно участвуют в борьбе за власть, обеспечивая действенность механизма циркуляции политической элиты.

Функционирование политических партий невозможно как без общества с его многообразными интересами, так и без государства, олицетворяющего публичную власть. В отличие от других общественных объединений, действующих на политической арене, партии, преследуя собственные политические цели, открыто борются за места в парламенте и правительстве, дающие возможность осуществлять управление государством, а через него – всем обществом. Консолидируя политические интересы граждан, они способствуют формированию политической воли народа.

В конкурентной борьбе партий за политическую власть создается та необходимая демократическая среда, которая позволяет многонациональному российскому народу как носителю суверенитета и единственному источнику власти в Российской Федерации осознанно выбрать оптимальные направления развития общества и государства и достичь гражданского согласия.

Право каждого на объединение, как следует из закрепляющей данное право статьи 30 (часть 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 1 (часть 1), 2, 13 и 14, относится к базовым ценностям общества и государства, основанным на принципах господства права и демократии, и включает в себя право свободно создавать объединения для защиты своих интересов и свободу деятельности общественных объединений [1]. Этому корреспондируют положения Международного пакта о гражданских и политических правах (пункт 1 статьи 22) [3] и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 1 статьи 11) [2] о праве каждого на свободу объединения (ассоциации) с другими.

Статья 30 Конституции Российской Федерации непосредственно не закрепляет право граждан на объединение в политические партии, однако, по ее смыслу во взаимосвязи со статьями 1, 13, 15 (часть 4), 17 и 32 Конституции Российской Федерации, в Российской Федерации названное право, включающее право создания политической партии и право участия в ее деятельности, является неотъемлемой частью права каждого на объединение, а свобода

деятельности политических партий как общественных объединений гарантируется [1]. Возможность для граждан свободно объединиться в политическую партию, образовать партию как юридическое лицо, с тем чтобы действовать коллективно в области реализации и защиты своих политических интересов, — одна из необходимых и наиболее важных составляющих права на объединение, без чего данное право лишалось бы смысла. Поэтому Конституция Российской Федерации защищает не только свободу деятельности политических партий, но и свободу их создания.

На основе Конституции Российской Федерации и с учетом положений международно-правовых актов, участницей которых является Российская Федерация, — правовой статус политических партий, в том числе условия и порядок их создания, принципы деятельности, права и обязанности, установить необходимые ограничения, касающиеся осуществления права на объединение в политические партии, а также основания и порядок государственной регистрации политической партии в качестве юридического лица. При этом осуществляемое законодателем регулирование — в силу статьи 17 (часть 1) Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что в Российской Федерации гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, — не должно искажать само существо права на объединение в политические партии, а вводимые им ограничения — создавать необоснованные препятствия для реализации конституционного права каждого на объединение и свободу создания и деятельности политических партий как общественных объединений, т.е. такие ограничения должны быть необходимыми и соразмерными конституционно значимым целям [1].

Принцип многопартийности означает также законность политической оппозиции. Конституция легализует мирное, ненасильственное соперничество политических партий за участие в осуществлении государственной власти и ее институционализацию в установленных Конституцией РФ парламентских и иных формах. Практическое значение для развития многопартийности, в том числе с точки зрения интересов политической оппозиции, имеет внедренное в законодательство предложение о поэтапном снижении минимального количества членов организации, требуемых для регистрации новой политической партии.

Свобода создания и деятельности политических партий, наличие которых необходимо для надлежащего функционирования представительной демократии, гарантируется в Российской Федерации признанием многопартийности, идеологического и политического многообразия. Однако Федеральный закон «О политических партиях» в статье 9 определяет ограничения на создание и деятельность политических партий, что и указано в названии статьи [4]. В основе регулирования, содержащегося в данной статье, лежит норма п. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья,

прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1].

Таким образом, как видим, партия является многоплановым инструментом, который взаимодействует с обществом, отражает важные стороны общественной и политической жизни. Политическая партия является властной силой общества, которая объединяет граждан с одним политическим направлением. Партия высказывает общественное мнение представляемого класса.

Однако, по факту, при реализации политической партией своих основных функций, она сталкивается с рядом проблем.

В первую очередь нельзя отрицать тот факт, что между государством и партиями есть своя форма взаимодействия: Во-первых, это участие политических партий в формировании выборных органов власти. Основное назначение политической партии – это захват власти. Это предполагает, что все политические партии в той или иной степени участвуют в избирательных кампаниях, выдвигают своих кандидатов в депутаты, реализовывают свою программу, в которой отражаются цели и задачи партии, методы их реализации, позиция политической партии по ключевым вопросам общественной жизни. Политическая партия является единственным видом общественного объединения, которое обладает правом выдвигать кандидатов (списки кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти [14].

Политические партии также участвуют и в формировании системы органов исполнительной власти в России – практически все руководители регионов являются членами политических партий. Представители политических партий осуществляют свою деятельность в общественных и совещательных органах – Общественных палатах РФ и субъектов РФ, избирательных комиссиях всех уровней.

Во-вторых, политические партии участвуют в формировании политического курса государства. При этом стоит обратить внимание на оппозиционные партии, нельзя сказать, что их роль мала по сравнению с правящими. Оппозиционные партии имеют определенные возможности для влияния на политическую жизнь путем участия в предвыборных дискуссиях, дебатах. Они выражают свои подходы к решению определенных проблем, опубликовывают предвыборные программы, подготавливают и выдвигают своих лидеров на государственные посты, формируют общественное мнение и при его помощи оказывают влияние на государственные органы и курс политики государства.

В-третьих, это влияние политической партии на правотворческий процесс. Это выражается во внесении законодательных инициатив, направленных на принятие новых законов, изменение или отмену существующих. Право законодательной инициативы реализуется через избранных депутатов – представителей партии в законодательных органах власти. Комитеты формируются на основе принципа пропорционального представительства фракций, что в условиях парламентского доминирования одной партии сводит деятельность комитетов к выражению воли одной политической силы. Стоит отметить, что субъекты РФ вправе наделить правом законодательной инициативы и региональные отделения политической партии.

В-четвертых, это контроль за государственными органами и процессами управления страной [9, с. 125].

Государство, в свою очередь, воздействует на политические партии следующим образом: Во-первых, регулирует посредством нормативных актов правовой статус партий, порядок их регистрации, рамки их деятельности.

Во-вторых, регламентирует и лимитирует участие политических партий в избирательных кампаниях: путем установления порядка выдвижения депутатов, участия наблюдателей в избирательных кампаниях, в работе избирательной комиссии; государство решает вопрос о конституционности партии через Конституционный суд РФ.

В-третьих, государство контролирует финансовую деятельность партии.

В-четвертых, внешнее регулирование действий партий, внутреннее же регулирование осуществляется посредством партийных документов, в которых определяются структура партии, ее цели и задачи, партийная дисциплина. В ст. 13 Конституции РФ закреплено политическое, идеологическое многообразие и многопартийность [8, с. 25]. Закон о политических партиях закрепляет недопустимость вмешательства органов власти и должностных лиц в деятельность политических партий, равно как и вмешательство политических партий в деятельность органов власти [4].

Получается, что в силу особенностей политической системы, некоторые функции российские партии выполняют лишь «условно», другие же не выполняют вовсе, к примеру, правительство формируется де-факто Президентом РФ, партии в этом не участвуют. Согласно Конституции РФ, Государственная Дума дает согласие на назначение Председателя Правительства РФ, но это право нивелировано полномочием Президента РФ по роспуску Государственной Думы в случае троекратного неутверждения ею предложенной кандидатуры [10, с. 310].

Реализация функций политического представительства осложняется особенностью происхождения политических партий, они создаются «сверху», представителями политических элит, не имеют социальной базы. Функцию же обратной связи партии используют только в момент избирательной кампании сосредоточение партийной деятельности исключительно на проведении избирательных кампаний, при отсутствии систематической работы с избирателями в виде регулярных публичных акций и иных законодательно разрешенных мероприятий.

Несмотря на присутствие некоторых проявлений политической конкуренции (наличие в стране нескольких политических партий, доступ к СМИ кандидатов во власть, периодические проходящие выборы), политический рынок настоящего времени склоняется, прежде всего, к командно-административной системе регулирования политических ресурсов, чем все еще напоминает советскую политическую систему с «руководящей и направляющей партией». Последствиями этого стала подмена открытой и честной конкуренции между партиями, некой имитацией «игрой в выборы», когда для достижения цели идут в ход все доступные методы борьбы за власть.

Формальность принципа конкуренции в политической борьбе между партиями приводит к авторитаризму правящей элиты. Оппозиционные партии не смогли составить конкуренцию и обеспечить сменяемость власти в законодательном органе. О причинах недоразвития российской партийной системы можно спорить, но следует признать, что в 2000-х годах внутри нее произошли значительные изменения. Система стала более управляемой и рационализированной. Количество партий резко сократилось, но те, которые выжили, укрепили свои позиции. Кроме того, режим стал идентифицировать себя с одной крупной партией, «Единой Россией», хотя его отношения с ней были не так просты. [9, с. 247]

«Единая Россия» оказалась самой сильной «партией власти» за всю современную историю России. Это стало возможным благодаря популярности президента, который в ходе избирательной кампании 2007 г. дал партии официальное разрешение использовать его имя и образ в целях получения конституционного большинства в Государственной Думе 5-го созыва и до сих, но уже не открыто, Президент поддерживает ее, что способствует укреплению самой власти: элиты консолидировались вокруг фигуры президента, выстроена знаменитая властная вертикаль, «олигархи» превратились в обычных бизнесменов (а ведь раньше именно крупный бизнес принимал самое активное участие в партийном строительстве). Сильная власть – сильная «партия власти». Но в то же время и политическая «ценность» «партии власти» для Кремля значительно выросла [9, с. 90].

В целом, государственный строй России можно охарактеризовать как систему доминирующей власти. Защищая свою автономию, эта система сопротивлялась возникновению доминантной партийной системы.

1. Результаты выборов последних лет показывают, что сложившаяся партийная система и ее основные игроки, прежде всего «старая» парламентская оппозиция, не пользуются в достаточной степени доверием граждан. По опросам ВЦИОМ, абсолютное большинство – 71% заявляют, что политические партии нужны современной России, противоположного мнения придерживаются лишь 24 %, меньшинство [16]. В то же время мы видим, что по данным за 2 апреля 2021г. уровень доверия населения партиям выглядит следующим образом: «Единую Россию» поддерживает 30,3 % населения (это, несмотря на тот факт, что деятельность Президента одобряют 61,2 %), за КПРФ – 12,4 (рейтинг упал на – 0,02п.п.), ЛДПР имеют рейтинг доверия 10,3 %, «Справедливая Россия – Патриоты – за правду» – 6,9 % [wciom.ru]. Как видим, рейтинги доверия граждан не так уж и велики, а значит, страдает главная функция партии – эта их способность выражать интересы россиян. Хотя партийная система стабилизирована (в политическом пространстве присутствуют четыре парламентские партии, среди которых выражено доминирование «Единой России»), основным электоральным ресурсом является принадлежность к «партии власти», способная обеспечить победу и в одномандатных округах, и на выборах должностных лиц. Голосование за оппозиционные партии, как парламентские, так и не парламентские, не нарушает этой тенденции. Причем сломить ее, как правило, не

удается не только на общенациональных выборах, но и на выборах в субъектах Федерации, а также на местном уровне.

Тем не менее, углубление кризиса партийной системы в условиях отсутствия проекта ее реформирования проявляется не только в снижении явки и в падении поддержки партий и представительных органов, но и в электоральных результатах на региональном уровне [9, с. 47].

Таким образом, несмотря на стабильность и узнаваемость основных партий, партийная система Российской Федерации переживает определенный кризис, во многом обусловленный выбранной в самом начале демократизации институциональной моделью. Сегодня «Единая Россия», как партия власти, служит центром притяжения для самых разнообразных групп интересов, но, занимая доминирующую позицию, она неизбежно бюрократизируется и теряет идеологическую определенность. Миноритарные же члены российского партийного картеля погружаются в застой: электораты этих партий размыты, харизма их лидеров ослаблена, а политические позиции порой неразличимы. Их партийные бренды сформировались в совершенно иных политических условиях. Слабость оппозиции может негативно сказаться на имидже и легитимности правящей партии, победы которой обесцениваются, а также на легитимности парламента. Проявляется риск, связанный с возникновением запроса на политическую альтернативу, которая может оказаться радикальной и инициативной. В этих условиях актуальной задачей является широкое общественное обсуждение перспектив партийной системы, необходимое для поиска такого решения проблемы, которое позволит выйти за пределы существующей модели партийной политики, осуществляемой преимущественно с использованием методов прямого регулирования, и, возможно, создать более конструктивные основы взаимодействия между государством и обществом в рамках партийной системы [9, с. 52].

Определить способы повышения эффективности управления позволяет анализ политического спектра. Положение партии в нем есть производная от ответов на общественно значимые вопросы, артикулированных партией в программных документах и имеющих правую или левую ориентацию. Она отражает те пути, по которым партия предлагает идти обществу при решении проблем общенационального значения [12, с. 66].

В заключении отметим, что, несмотря на всю сложность существования политических партий в современной России, она остается пока что единственным инструментом реализации прав народа. Российские политические партии, сами являющиеся объектом реформирования на протяжении последних 20 лет, но так и не ставшие полноценными посредниками между государством и гражданским обществом, испытали на себе и все негативные последствия кризиса партийных систем [15].

Необходимость повышения эффективности партийной системы в сфере выполнения ими функций посредничества между обществом и системой государственной власти и государственного управления не вызывает сомнений, но можно ли изменить ситуацию к лучшему? Большая часть независимых экспертов по вопросам социального управления считает, что перспективы есть.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант Плюс
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с "Протоколом [N 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), "Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом N 7" (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Консультант Плюс.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Консультант Плюс.
4. О политических партиях: Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 29. – Ст. 2950.
5. Авакьян С. А. Конституционная теория и практика публичной власти : закономерности и отклонения // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 10. – С. 247.
6. Алешкова И. А., Умнова И. А. Политические партии в России: статус, природа, конституционно-правовые основы // Российское правосудие. – 2017. – № 10 (78). – С. 90–92.
7. Вятр Е. Социология политических отношений. – М. : Владос, 2019. – 460с.
8. Гельман В. Я. О становлении российской партийной системы и практиках политических коалиций // Полис. – 2017. – № 3. – С. 189–195.
9. Глебова И. И. Партия власти // Полис. – 2018. – № 2. – С. 85–92.
10. Дюверже М. Политические партии. – М. : Статут, 2016. – 654с.
11. Коргунюк Ю. Г. Становление партийной системы в современной России. – М. : Фонд ИНДЕМ, Мос. гор. пед. ун-т. 2017. – 610 с.
12. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии. – М. : Статус, 2018. – 556 с.
13. Липсет С. М. Политический человек : социальные основания политики / пер. с англ. Е. Г. Генделя, В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. – М. : Мысль, 2016. – 612 с.
14. Оськина О. И. Трансформационные переменные политической культуры современной политической элиты // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 3. – С. 52–73.
15. Усова Ю. В. Административно-политические элиты современной России в региональном измерении // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 4. – С. 122–137.
16. Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. – ECPR Press, 2005.

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Баитовая Д.Ю., студентка, Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: bdada888@mail.ru

Аннотация. В данной статье проводится анализ проблем местного самоуправления, выявляются ключевые проблемы местного самоуправления, мешающие дальнейшему развитию местного самоуправления в Российской Федерации. Проведён сравнительный анализ размышлений ряда авторов касательно данных проблем, причин низкой эффективности местного самоуправления. Представлены пути их решения, выявлены условия, при которых может быть реализован потенциал местного самоуправления.

Ключевые слова: геополитика, политические акторы, политические партии, СМИ, манипулирование, информационная война, социальные, информационные сети

THE PROBLEM OF LOCAL SELF-GOVERNMENT DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA

Bashtovaya D. Yu., student, Astrakhan State University
414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st.
E-mail: bdada888@mail.ru

Annotation. This article analyzes the problems of local self-government, identifies the key problems of local self-government, preventing the further development of local self-government in the Russian Federation. A comparative analysis of the reflections of a number of authors on these problems, the reasons for the low efficiency of local government. The ways of their solution are presented, the conditions under which the potential of local self-government can be realized are revealed.

Keywords: local self-government, local self-government bodies, problems of local self-government development, ways of solving problems of local self-government

В условиях демократизации общества все возрастает роль местного самоуправления. В настоящее время происходят социально-экономические реформы общественной жизни, что является необходимой предпосылкой становления гражданского общества. Актуальность темы исследования состоит в том, что одной из важнейших народнохозяйственных проблем является становление местного самоуправления в России. Решение данной ключевой проблемы предполагает улучшение деятельности системы местного самоуправления.

Проведя подробный анализ нормативно-правовой базы регулирования местного самоуправления и изучив зарубежный опыт управления, можно

утверждать, что в Российской Федерации местное самоуправление находится на стадии развития. Мы придерживаемся мнения, что данного института власти пока в России фактически нет. Для убедительности приведем несколько аргументов.

Происходит огромное давление на города, особенно Москву, из-за массового притока населения из других регионов. При этом остается неиспользованным колоссальный созидательный потенциал нации, который по своим масштабам (как показывает зарубежный опыт) не меньше того, который заключен в нефтегазовом комплексе страны.

Следует иметь в виду, что уровень развития местного самоуправления является главным показателем степени демократизации социально-экономической жизни общества. При этом следует весьма неутешительный вывод: сформированная в России в результате реформ система общественно-экономических отношений не имеет ничего общего с демократией. Таким образом, пока эти отношения не будут изменены в необходимом направлении, сельские территории России не будут развиваться, а бюджетная обеспеченность сельских поселений останется на низком уровне.

Иначе говоря, если нет дееспособного института местного самоуправления, то нет реальной демократии, то есть условий для формирования гражданского общества, развития территорий, решения многих иных актуальных проблем российского села и общества в целом.

Важную роль в социальном развитии поселений играет уровень развития местного самоуправления. Если условия хозяйствования важны для развития экономики, то имеют решающее значение. Изучив причинно-следственные связи в области развития экономики и территорий, мы пришли к выводу о наличии двух взаимосвязанных цепочек развития:

1. Демократизация государственного управления > развитие местного самоуправления > укрепление экономической базы сельских поселений > рост созидательной активности селян > формирование гражданского общества > развитие сельских территорий.

2. Демократизация государственного управления > формирование многоукладной экономики на селе > формирование приемлемых условий хозяйствования > развитие экономики > развитие сельских территорий.

Практика показывает, что актуальность и эффективность местного самоуправления определяется тем, что уровень развития местного самоуправления является главным показателем степени демократизации общественно-экономической жизни страны. В свою очередь, в современном мире демократизация, то есть децентрализация власти и ресурсов, является ключевым условием социально-экономического развития государства. Таким образом, будущее России зависит от развития местного самоуправления. Следует отметить, что ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» имеет для страны фундаментальное значение. Это говорит о необходимости особо ответственного отношения к его качеству.

В 2010 г. в Астраханской области начался процесс укрупнения муниципальных образований путем их объединения. Так, два муниципальных образования "Раздорский сельсовет" и "Каспийский сельсовет", входящие в состав территории муниципального образования "Камызякский район", были преобразованы путем объединения в муниципальное образование "Раздорский сельсовет".

По состоянию на 01.12.2014 в Астраханской области действуют 176 муниципальных образований, в том числе 2 городских округа (один из которых – закрытое административное территориальное образование Знаменск Астраханской области), 11 муниципальных районов, 11 городских поселений, 152 сельских поселения.

В настоящее время налоговые и неналоговые доходы местных бюджетов не перекрывают расходы местных бюджетов. В бюджетах городских и сельских поселений налоговые и неналоговые доходы за 9 месяцев 2014 года составили чуть более 40 %, при этом в 12 сельских поселениях – не более 10 %.

В 50,3 % городских и сельских поселений доля межбюджетных трансфертов (за исключением субвенций) из бюджета Астраханской области и (или) налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений в размере, не превышающем расчетного объема дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности (части расчетного объема дотации), замененной дополнительными нормативами отчислений, в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет превышала 30 % объема собственных доходов местного бюджета, в 37 % городских и сельских поселений превышала 70 % объема собственных доходов местного бюджета, что характеризует высокий уровень дотационности городских и сельских поселений.

В органах местного самоуправления замещают должности муниципальной службы 1577 муниципальных служащих, треть которых работает в органах местного самоуправления поселений. Среди муниципальных служащих высшее образование имеют 74,5%. В связи с этим необходимо принимать меры по укреплению кадровой основы муниципальной службы, формированию эффективной комплексной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для органов местного самоуправления.

Ежегодно с 2009 года утверждается ведомственная целевая программа "Развитие муниципальной службы в Астраханской области" (далее – программа). Одной из задач программы является повышение квалификации и уровня профессиональной переподготовки муниципальных кадров.

За 2009–2014 годы в рамках программы обучились на курсах повышения квалификации 600 человек, обучились на краткосрочных семинарах 2767 человек.

Реализация концепции развития местного самоуправления в Астраханской области на 2015–2017 годы позволит реализовать муниципальный интерес и создаст условия для устойчивого социально-экономического развития муниципальных образований и повышения качества жизни населения данных территорий. В 2014 году была утверждена концепция развития местного самоуправления благодаря которой создались условия для формирования наиболее

оптимальной организации местного самоуправления в Астраханской области. С учетом развития кадрового потенциала это повысит эффективность управления территориями. Своевременное выявление и прогнозирование процессов, происходящих в сфере межнациональных отношений, позволит предотвратить межнациональные конфликты, а также минимизировать их последствия.

Совершенствование законодательной базы в сфере местного самоуправления уменьшит расходы местного бюджета на выплату штрафов, налагаемых на местные администрации, снизит административные барьеры, обеспечит четкую регламентацию деятельности должностных лиц органов местного самоуправления.

В области экономической основы местного самоуправления осуществление заложенных в концепции задач позволит оптимизировать расходы на содержание органов местного самоуправления, будет способствовать увеличению собственных доходов муниципальных образований, повысит инвестиционную привлекательность территорий, а также создаст условия для организации новых рабочих мест и, как следствие, минимизирует отток жителей в иные муниципалитеты.

Реализация мероприятий концепции в части повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления приведет к эффективному управлению территориями муниципальных образований, управлению муниципальной собственностью, улучшит качество и доступность предоставляемых муниципальных услуг.

Четкая кадровая политика с учетом положений концепции позволит сформировать команду профессиональных управленцев на местах, которые способны принимать быстрые и качественные управленческие решения.

Вовлечение населения в осуществление местного самоуправления, развитие форм общественного контроля повысит политическую активность населения и эффективность взаимодействия органов власти с населением, будет способствовать улучшению качества жизни, снижению коррупционных проявлений и укреплению доверия к власти.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

2. Девятов С. А. Проблемы развития местного самоуправления в субъектах РФ // Академический вестник. – 2008. – № 2. – С. 43–49.

3. Ляхов В. П. Проблемы и противоречия в развитии местного самоуправления в современной России // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС. – 2013. – № 4. – С. 88–93.

4. Коршунова А.А. Современные проблемы развития местного самоуправления в РФ // МОАУ ВО «Воронежский институт экономики и социального управления». – 2018. – № 2. – С. 24–27.

5. Маллакурбанов А. А., Абдулаева И. А., Бабошина Е. В., Аскеров А. Г. Развитие местного самоуправления в России: некоторые особенности, проблемы и перспективы // Современный учёный. – 2017. – № 6. – С. 321–324.

6. Шемякина Н. В. Основные проблемы и направления развития местного самоуправления в субъектах РФ // Местное самоуправление на современном этапе: теория и практика : сб. ст. IV Междунар. научно-практ. конф. / отв. ред. Т. О. Третьякова. – Чита, 2015. – С. 35–42.

7. Усова Ю. В. Административно-политические элиты современной России в региональном измерении // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 4. – С. 122–137.

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Мулдашева Н. Д., магистрант, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: nelya_25.12@mail.ru

Аннотация. Статья раскрывает основные проблемы функционирования Единого экономического союза, автором рассмотрены проблемы нормативно-правовой базы функционирования данного интеграционного объединения, проблемы формирования эффективных структур управления и проблемы несовершенства единых мер таможенного регулирования. Выявлено влияние проблем на экономику государств-членов, а также предложены рекомендации по совершенствованию инструментов таможенно-тарифного регулирования

Ключевые слова: экономическая интеграция, Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз, тенденции

PROSPECTS AND PROBLEMS OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION DEVELOPMENT

Muldasheva N.D., master's student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.
E-mail: nelya_25.12@mail.ru

Annotation. The article reveals the main problems of the functioning of the Single Economic Union, the author considers the problems of the regulatory framework for the functioning of this integration association, the problems of forming effective management structures and the problems of imperfection of common customs regulation measures. The impact of the problems on the economy of the member states is revealed, as well as recommendations for improving the tools of customs and tariff regulation are proposed

Keywords: economic integration, Customs Union, Common Economic Space, Eurasian Economic Union, trends

В современном мире доминантой развития мировой экономики является активизация региональных интеграционных процессов. Реализация интеграционной политики способствует росту взаимной торговли и объемов регионального рынка, а также позволяет ее участникам отстаивать общие интересы перед экспансией развитых стран на мировых рынках. В качестве долгосрочной перспективы интеграционная политика содействует институциональным изменениям в экономике, росту благосостояния населения.

В настоящее время защита экономических и политических интересов в рамках интеграционных объединений становится все более актуальной в отечественной и зарубежной науке в связи с нарастающими тенденциями глобализации и регионализации. Это находит свое отражение в работах по стимулированию внешнеторговой деятельности путем использования избирательных инструментов, применяемых на двусторонней и многосторонней основе между отдельными странами или интеграционными объединениями. Значительный интерес представляет вопрос защиты общего рынка интеграционного объединения с помощью таможенно-тарифных инструментов и нетарифных ограничений [1].

Евразийский экономический союз является интеграционным объединением, созданным в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и созданий условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов.

В 2010 году было достигнуто соглашение о создании Евразийского экономического союза на базе Единого экономического пространства Белоруссии, Казахстана и России. Союз стал экономически привлекательным в результате чего присоединились новые страны, такие как Армения и Киргизия, на наш взгляд, в ближайшем будущем возможно вступление в ЕАЭС новых стран, таких как Узбекистан, Иран, Азербайджан, Таджикистан. Вхождение в союз упомянутых выше стран могло бы стать решением для многих социально-экономических проблем.

Вопреки существующим разногласиям нормативно-правовой базы, непониманием интересов друг друга, сегодня Союз является признанным экономическим интеграционным объединением, обладающим международной правосубъектностью. Почти 40 стран официально выразили желание развивать торгово-экономическое сотрудничество с ЕАЭС, создавая зоны свободной торговли. Основными целями ЕАЭС является сокращение торговых барьеров и объединение национальных экономик государств-членов союза как одно целое в общий рынок [11].

Объем взаимной торговли товарами между государствами – членами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) за январь – декабрь 2019 года, исчисленный как сумма стоимостных объемов экспортных операций государств – членов ЕАЭС во взаимной торговле, составил 61 млрд долл. США, или 101,3 % к уровню января – декабря 2018 года. По сравнению с январем – декабрем 2018 года удельный вес взаимной торговли в общем объеме внешней торговли ЕАЭС увеличился (с 13,7 до 14,3 %). Доля взаимной торговли

по Республике Армения возросла с 28,8 до 30,1 %, по Республике Беларусь – с 50,7 до 50,8 %, по Республике Казахстан – с 21,3 до 22,2 %, по Российской Федерации – с 8,4 до 8,8 %. По Кыргызской Республике показатель снизился с 39,3 до 38,4 % [2].

Исследователи отмечают, что ЕАЭС имеет все предпосылки стать одним из ключевых элементов современной глобальной экономической архитектуры. Евразийская интеграция делает внутренний рынок более прозрачным, понятным для бизнесменов и инвесторов, тем самым способствуя его дальнейшему расширению. Развитие экономической интеграции на фоне замедления глобального экономического роста может стать одним из основных стимулов диверсификации и экономического развития государств-членов.

Одним из главных аспектов на сегодняшний день является определение места Союза в мировой экономической системе, а также выстраивание системы взаимоотношений с экономическими, интеграционными объединениями и другими странами [10].

Можно выделить несколько этапов развития Союза.

Во-первых, это формирование общего рынка труда, которое подразумевает открытие экономических границ для свободного перемещения через них товаров, рабочей силы, услуг и иных экономических факторов.

Во-вторых, это формирование общего энергетического рынка. Россия и Казахстан являются крупными производителями и экспортёрами энергетических ресурсов, остальные же страны такие как Беларусь, Кыргызстан, Армения вынуждены импортировать большинство из этих ресурсов.

В-третьих, это формирование к 2025 году единого рынка углеводородов, что позволит странам Евразийского экономического союза быть конкурентоспособными на мировых рынках.

В-четвертых, это создание к 2025 году наднационального органа, который будет регулировать общий рынок финансовых услуг Союза.

Проблемы на пути формирования единого экономического пространства ЕАЭС. Необходимо знать экономические трудности, с которыми сталкиваются страны ЕАЭС.

1. Государства – члены ЕАЭС находятся на разных стадиях развития, у них существуют различия в моделях функционирования экономик, неравные условия в связи с различными объемами государственного субсидирования экономик, а также разная структура собственности.

2. Невысокие объемы внутренней торговли продукцией. К ним относятся машины и оборудование. Только Российская Федерация и Беларусь показывают рост в указанном направлении. Однако, 90 % потребляемых инвестиционных товаров изготавливается за границами ЕАЭС [3].

3. Проблемы формирования эффективных структур управления. Данная проблема заключается в необходимости создания наднациональных структур для осуществления оперативного руководства процессами экономической интеграции.

Решением проблемы, по мнению Н.Б. Новикова может послужить создание структур, аналогичных ранее действующим, функционирование которых должно учитывать новый уровень интеграции [4, с. 136].

4. Проблемы нормативно-правовой базы функционирования. В настоящее время в ЕАЭС большинство вопросов урегулированы и согласованы с нормативно-правовой точки зрения, однако, остаются аспекты, которые требуют принятия соответствующих мер. Для решения данной проблемы необходимо систематизировать и гармонизировать нормативно-правовую базу государств-членов ЕАЭС [5]. В частности это касается налоговых кодексов государств-членов. Так, к примеру, между государствами-членами союза не существует единого документа, который бы регламентировал обложение косвенными налогами алкогольной продукции. В результате чего каждое государство руководствуется своим национальным законодательством. Поэтому эффективно было бы сблизить перечни алкогольной и табачной продукции, являющихся подакцизными в государствах-членах Союза путем принятия единого подхода к их определению.

5. Проблема, связанная с обеспечением реального и фактического равноправия стран – участниц ЕАЭС. Суть данной проблемы состоит в недопущении дисбалансов в отношениях между «ядром», которые образуют страны – первоучредители ЕАЭС, и его новыми членами, и прежде всего между входящими в этот союз государствами, отличающимися друг от друга по экономическому потенциалу.

Решению данной проблемы способствовало бы признание на уровне институтов ЕАЭС возможности разноуровневой и разнотемповой интеграции, а также многообразия возможных форм включения новых членов и партнеров в структуру объединения.

6. Отсутствие единых подходов в валютной и финансовой политике. Негативное влияние на процесс формирования финансового рынка оказывает девальвация национальных валют государств-членов союза. В настоящее время данная проблема только обсуждается, одним из вариантов решения проблемы, как отмечают эксперты, может стать создание криптовалюты в качестве единой валюты Еразийского экономического союза [6].

Перспективы развития ЕАЭС

Первый этап включает в себя формирование финансовой системы общего экономического пространства. Нужно постепенно проводить углубление экономической интеграции, наряду с этим осуществляя согласование законодательств государств-членов союза. Регулирование должно основываться на формировании единых условий для всех участников рынка [7].

Второй этап заключается в создании нормативно-правовой базы и разработкой единых процедур надзора регулирующими органами за участниками финансового рынка. Для того чтобы модернизировать финансовую систему государств-членов союза необходима разработка единой концепции развития и роста рынка [8].

Третий этап состоит в решении задачи по созданию международных регулирующих институтов, которые необходимы для обеспечения эффективного функционирования общего финансового рынка стран-участниц ЕАЭС. С помощью этого можно достичь гармонизации и унификации законодательств стран-участниц ЕАЭС, повышению прозрачности рынка, а также защиту интересов участников финансовых рынков [9].

Подводя итоги рассмотрения проблем и перспектив развития таможенно-тарифного регулирования, следует сделать вывод, что, несмотря на противоречивость процесса становления ЕАЭС, очевидно, что изменение курса внешнеторговой политики России в сторону стран ЕАЭС является необходимым и перспективным в нынешней как экономической, так и политической ситуации России и всего мира. Модернизация и повышение конкуренции экономик государств-членов ЕАЭС, расширение и укрепление взаимных торговых связей остаются главными направлениями деятельности союза, реализация которых будет способствовать социально-экономическому развитию всех стран объединения.

Список литературы

1. Фишер Б. Эрозия преференций, государственные доходы и нетарифные торговые барьеры // *Мировая экономика*. – 2006. – № 29 (10). – С. 1377–1393.
2. Аналитический обзор (2020). Об итогах взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2019/Analytics_I_201912.pdf.
3. Финансовая архитектура посткризисного мира: эффективность и/ или справедливость? // Резюме доклада по материалам международного исследования «Финансовая архитектура посткризисного мира: эффективность решений». – Режим доступа: http://www.posterisisworld.org/files/book_small_all.pdf (дата обращения: 09.01.2018).
4. Новиков Н. Б. Анализ проблем функционирования единого экономического пространства Евразийского экономического союза и разработка мер по их решению. – М., 2015. – 136 с.
5. Каширкина А. А., Морозов А. Н. Россия в Евразийском экономическом союзе и Всемирной торговой организации: международно-правовое регулирование : монография. – М. : НИЦ ИНФРА-М: ИЗиСП, 2014. – 295 с.
6. Дворецкая А. Е. Влияние финансовой нестабильности глобальной экономики на Россию // *ЭКО. Всероссийский экономический журнал*. – 2015. – № 5. – С. 5–25.
7. Финансовая политика в рамках евразийской интеграции // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/ЕЕС_finpolit_150629_2.pdf (дата обращения: 09.01.2018).
8. Черные дыры мировой экономики // Информационный портал «Фонд стратегической культуры». – Режим доступа: <https://www.fondsk.ru/news/2013/01/23/chernyedyru-mirovoj-ekonomiki-i-18813.html> (дата обращения: 15.01.2018).

9. Ткаченко А. А. Внешнеэкономическая политика России в условиях глобальных вызовов : монография. – М. : Вузовский учебник, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 231 с.

10. Лебедева И. В., Подулясская А. Ю. Новая сверхдержава на пути к мировому лидерству // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 177–184.

11. Маркелов К. А. Современные геостратегические концепции политических элит прикаспийских государств // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 147–170.

TELEGRAM-КАНАЛЫ КАК ИННОВАЦИОННЫЕ ЦИФРОВЫЕ СМИ В РОССИИ

Пушнина А.С., магистрант, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, Татищева, 20а
E-mail: alina_chmelyuk1799@mail.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает Telegram-каналы как инновационные цифровые СМИ в России. Проведен анализ современных российских Telegram-каналов, выступающих в роли полноценных источников информации в современных условиях. Изучены такие Telegram-каналы, как «Медуза», «Незыгарь», «Кремлевский мамковед», «Сталингулаг». Проанализировано влияние попыток ограничения деятельности Telegram-каналов в российском сегменте Интернета, в том числе Telegram-кампании по деанонимизации ключевых политических каналов. Кроме этого, автор рассматривает современное состояние в публичном пространстве Telegram, как полноценное поле для информационной борьбы между сторонниками и противниками российской государственной власти. Объектом исследования выступают инновационные цифровые СМИ в России. Предметом исследования являются Telegram-каналы, распространенные среди российского населения. Целью данной статьи является анализ специфики функционирования Telegram-каналов в российском пространстве средств массовой коммуникации.

Ключевые слова: Telegram, социальные сети, политические коммуникации, СМИ, Россия

TELEGRAM CHANNELS AS INNOVATIVE DIGITAL MEDIA IN RUSSIA

Pushnina A.S., master's student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishcheva st.
E-mail: alina_chmelyuk1799@mail.ru

Annotation. In the article, the author considers Telegram channels as innovative digital media in Russia. The analysis of modern Russian Telegram channels, acting as full-fledged sources of information in modern conditions, is carried out. Telegram channels such as «Meduza», «Nezygar», «Kremlin Mamkovved», «Stalingulag» have

been studied. The impact of attempts to restrict the activities of Telegram channels in the Russian segment of the Internet, including the Telegram campaign to de-anonymize key political channels, has been analyzed. In addition, the author considers the current state of the public Telegram space as a full-fledged field for information warfare between supporters and opponents of the Russian state power. The research object is innovative digital media in Russia. The subject of the research is Telegram channels that are widespread among the Russian population. The purpose of this article is to analyze the specifics of the functioning of Telegram channels in the Russian space of mass media.

Keywords: Telegram, social networks, political communications, media, Russia

Современные условия позволяют информационному пространству сочетать в себе одновременно многообразие различных форм, жанров и типов текстов, распространенных с помощью медиа ресурсов. Огромное значение в данном случае имеет массовая доступность информационно-коммуникационных технологий, позволяющая охватывать своей деятельностью различные группы населения, имеющие отличительные социальные, экономические, интеллектуальные и другие характеристики.

Однако, параллельно с получением доступа к широкому спектру инструментов распространения информации, современное российское общество сталкивается с ужесточением законодательного надзора за деятельностью граждан на различных площадках в Интернете. Ввиду сложившихся условий, возможность сохранения приватности в пространстве всемирной паутины становится важным фактором для распространения информации, которая может быть противопоставлена той, которой распространяют, как источники, представляющие государственные интересы, так и те, которые опираются в своих выводах на интересы оппозиционных сил.

Средства массовой информации в современной России представлены в качестве традиционных каналов передачи информации посредством телевидения и печатных изданий, существующих как в онлайн, так и в офлайн пространстве. Однако, особенностью традиционных российских СМИ стала тотальная трансляция единственно принятой политической позиции, даже в условиях, так называемой, системной оппозиции [2, с. 160]. Таким образом, в данных условиях на передний план в политической коммуникации выходят различные социальные медиа, существующие и активно развивающиеся в Интернет-пространстве.

Ярким представителем социальных медиа для политической коммуникации в последние годы стал мессенджер Telegram, который дает возможность своим пользователям создавать публичные каналы для распространения актуальной информации, таким образом превращая Интернет-площадку в инновационный вид цифрового средства массовой информации. Данную заслугу платформа получила благодаря возможности сохранения анонимности авторов, что, в свою очередь, позволяет говорить о должной степени защиты информатора от различных внешних факторов, в том числе государственной цензуре, с которой сталкиваются классические СМИ [3, с. 262].

Продолжая говорить об отличительных особенностях Telegram как инновационной форме СМИ, следует упомянуть отсутствие возможности комментирования постов, что выделяет данный мессенджер среди прочих социальных медиа. С одной стороны, это позволяет говорить об отсутствии оценочного давления на авторов публикаций, однако, в тот же момент, данный фактор не позволяет тем же авторам публичных каналов справедливо дать оценку степени «цифрового шума» вокруг публикуемых новостей и позиций в рамках политической коммуникации.

По сути, в большинстве случаев, публичные каналы, представленные на платформе Telegram, отражают актуальную повестку дня в России, тем самым превращаясь в альтернативный медиадискурс в отношении традиционных СМИ, поскольку они нацелены на демонстрацию реальности, незатронутой государственной цензурой. Однако, в данном случае, стоит также брать во внимание тот факт, что Telegram-каналы требуют большей вовлеченности в ситуацию и умения читать между строк для правильного понимания истинной позиции автора. Именно благодаря этому, нельзя говорить о том, что данные каналы передачи информации представляют исключительно независимый взгляд на политическую систему России.

На сегодняшний день, несмотря на отчаявшиеся попытки блокировки национальными властями на территории Российской Федерации, данная платформа занимает почетное место в Интернет-пространстве для публикации аналитических записок согласно повестке дня. Так, свой публичный канал имеют также крупные российские СМИ разного толка, среди которых можно назвать радиостанцию «Эхо Москвы», Интернет-издание «Медуза» и новостное сообщество «Мэш». Кроме этого, в Telegram также представлены и традиционные средства массовой информации такие, как «Российская газета», РБК и иные [4].

Например, исследуя публикуемый контент Интернет-СМИ «Медуза», следует отметить, что в рамках платформы Telegram редакция использует в своих постах разговорный стиль повествования, различные художественные приемы для привлечения интереса пользователей к своему каналу [9]. Так, «Медуза» стремится совмещать в своем официальном Telegram-канале, как публицистику, так и различные развлечения, в том числе мемы и милые видеозаписи, которые, по мнению редакции, способны предоставить возможность публичному каналу занять особое место среди ключевых цифровых СМИ в современных реалиях.

Однако большую аудиторию собрали каналы, выражающие альтернативную политическую точку зрения и критически настроенные относительно происходящих событий в государстве. Так, например, Telegram-канал «Незыгарь» насчитывает на сегодняшний день более 300 тысяч пользователей, активно узнающих последние политические новости под призмой взглядов авторов канала [10]. Рассматривая основную тематику публикаций данного канала, стоит сделать акцент на том, что большинство постов посвящены закулисной современной политической жизни Российской Федерации. Согласно размещенной информации в традиционных СМИ, данный канал пользуется популярностью не только среди рядовых пользователей, но его увлеченно изучают представители российской политической элиты.

Кроме этого, следует упомянуть Telegram-канал «Кремлевский мамковед», который насчитывает около 140 тысяч подписчиков [11]. Данный проект изначально планировался как проект о политике для молодого поколения РФ, однако на данный момент он выступает в качестве источника информации для федеральных СМИ и представителей политической элиты России. По сути, феномен канала заключается в том, что авторы стремятся объяснить простым языком сложные вещи, серьезную политическую аналитику и актуальную повестку дня. В целом, «Кремлевский мамковед» является доказательством того, что современные условия позволяют Telegram-каналам включаться в процесс интеграции с традиционными средствами массовой информации.

В рамках исследования, проведенного SimilarWeb, было установлено, что около трети российских пользователей Telegram выражают свое недоверие в отношении традиционных средств массовой информации и стремятся получать всю необходимую информацию из проверенных источников, которыми в их глазах стали публичные каналы в Telegram [13].

Говоря о явных недостатках данной платформы, следует, в первую очередь, отметить, что Telegram-каналы характеризуются определенной долей манипулятивности, формированием особого информационного фона вокруг событий, в некоторых случаях, отличающихся от действительности и пониженной грамотностью, которая, в свою очередь, является характерной чертой современных социальных сетей [8, с. 5].

Следует отметить, что в 2020 г. все чаще стала появляться информация в различных новостных ресурсах, что некоторые прокремлевские группы подчинили под свое влияние крупнейшие политические Telegram-каналы. Так, некоторые эксперты говорят о завершении процесса отмены блокировки данного мессенджера, который длился с апреля 2018 по июнь 2020 года. В качестве результатов в медиа пространстве, можно назвать тот факт, что в данных каналах исчезли посты, посвященные компромату на представителей сегодняшней политической элиты, а также внезапно возросла степень самоцензуры.

В качестве примера можно привести тот же Telegram-канал Незыгарь, из ленты которого исчезли публикации вплоть до сентября 2018, содержащие информацию, порочащую репутацию российских государственных структур. В целом, отчетливо заметны изменения в повестке канала, поскольку инсайды о состоянии чиновников и их сложных схемах ухода от ответственности за ряд коррупционных правонарушений сменились оценкой состояния оппозиционного лидера и результатов единого дня голосования.

Высказываются мнения, что в последнее время Telegram стал использоваться для дезориентации в обществе благодаря тому, что многие недавно авторитетные политические каналы стали публиковать, так называемые, мнимые новости. В результате этого, можно говорить о трансформации независимой площадки в полноценное поле для ведения информационной войны между сторонниками и противниками официальной российской власти.

Во многом подобная ситуация сложилась после проведенной Кремлем кампании, ориентированной на деанонимизацию основных каналов в данном

мессенджере, за которой последовал переход каналов от основателей к новым владельцам, настроенных лояльнее по отношению к действующей власти и ключевым инсайдам, распространяемым через традиционные средства массовой информации [5].

Одной из первых жертв Telegram-кампании по деанонимизации стал публичный канал Сталингулаг, в котором обычно встречаются небольшие публикации, содержащие в себе остроумную критику современной ситуации в российском государстве. До некоторых пор, посты в Telegram-канале выходили семь раз в неделю. Отечественный политолог Л. Давыдов утверждает, что главный феномен Сталингулага в наличии жесткой критической позиции автора, который можно отчасти назвать юношеским нигилизмом.

По мнению самого же автора данного Telegram-канала, популярность подобных инновационных цифровых СМИ в России появилась благодаря тому, что никакой другой российский медиаресурс не может предоставить обществу такую надежду и веру в перемены, именно за счет того, что адресант, надевая маску анонима, рассказывает секреты, а адресат, желая прикоснуться к тайне, верит в надежду, что существует возможность изменения существующей ситуации, как в общественной жизни, так и в политической повестки России [6].

Однако, в 2019 г. автор канала раскрыл свое имя после череды попыток проведения обысков представителями МВД РФ у его родственников, причастность к которым, на самом деле, отрицали представители правоохранительных органов. Но, стоит отметить, что в среде политических аналитиков сложилось мнение, что такой канал, созданный на площадке Telegram, автор которого не боится в открытую критиковать существующий порядок в Российской Федерации, не мог появиться и развиваться без помощи влиятельных политических сил, в том числе Федеральной службы безопасности России или же Украины [7].

Последующий этап Telegram-кампании по деанонимизации прошел весной прошлого года, в рамках которого стали известны авторы каналов, связанных с, так называемой, сеткой «Незыгаря», выступающие с резкой критикой отдельных политических деятелей, в том числе, мэре Москвы С. Собянина. По сути, данный процесс оказал воздействие на читаемость и, соответственно, цитируемость их, как инновационных средств массовой информации. Тот же «Незыгарь» потерял около 16 млн просмотров в среднем за месяц после начала Telegram-кампании по деанонимизации [12].

Следует заметить, что подобная ситуация демонстрирует современные медиаинструменты, в роли которых выступает мессенджер Telegram, превращаются в полноценных политических акторов, оказывающих влияние на восприятие тех или иных событий в политической действительности Российской Федерации. Кроме этого, особая значимость данной медиа площадки в Интернете заключается в том, что Telegram, по сути, играет свою, уникальную, роль в процессе транзита власти, в ситуации, когда медиа пространство традиционных средств массовой информации соблюдает рамки государственной цензуры и действует в рамках государственных интересов [1].

Таким образом, можно резюмировать, что успех Telegram-каналов, представленных в качестве инновационных цифровых СМИ в России произошел благодаря отсутствию реальной политической журналистики и сильных независимых средств массовой информации. В данном случае происходит пренебрежение прозрачности источников информации, что, в свою очередь, доказывается тем фактом, что активные политические деятели являются одними из читателей подобных новостных платформ, размещенных в интернет-пространстве.

Список литературы

1. В России завершили зачистку политического Telegram // URA.ru. 2020. – Режим доступа: <https://ura.news/articles/1036281358> (дата обращения: 22.05.2021).
2. Кириллов А. Г. Телеграм-каналы как новейшая трансформация социальных медиа в условиях авторитарных режимов // Современный дискурс-анализ. – 2018. – № 3–2 (20). – С. 159–164.
3. Кириллов А. Г. Трансформация жанра блога в программах обмена мгновенными сообщениями // Жанры речи. – 2017. – № 2 (16). – С. 260–267.
4. Молчанова О. И. Специфика современных интернет-СМИ // Интернет-СМИ: проблемы, возможности, технологии, позиции. – Режим доступа: http://www.enges.ru/media_konf2012/MolchanovaOI (дата обращения: 26.04.2021).
5. Оськина О. И. Трансформационные переменные политической культуры современной политической элиты // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 3. – С. 52–73.
6. Скандальный критик власти «Сталингулаг» больше не аноним // Новая газета. – 2019. – Режим доступа: https://www.ng.ru/politics/2019-05-02/100_stalingulag20519.html (дата обращения: 22.05.2021).
7. Сталингулаг: кто ведет главный анонимный Telegram-канал // RBC. 2018. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/magazine/2018/07/5b3f76169a794754b7b46693> (дата обращения: 22.05.2021).
8. Татур И. А., Кознова Н. Н. Особенности присутствия СМИ в «Telegram» // E-Scio. – 2019. – С. 1–7.
9. Telegram-канал Медуза-LIVE. – Режим доступа: <https://t.me/meduzalive> (дата обращения: 26.04.2021).
10. Telegram-канал НЕЗЫГАРЬ. – Режим доступа: <https://t.me/s/russica2> (дата обращения: 26.04.2021).
11. Telegram-канал Кремлевский мамковед. – Режим доступа: https://t.me/kremlin_mother_expert (дата обращения: 26.04.2021).
12. Телеграм-пространство: кто его контролирует и почему разблокировали мессенджер. 2020. – Режим доступа: <https://poligraf.media/tehnologii/20200921/razbor-telegram> (дата обращения: 21.02.2021).
13. TelegramAnalytics. – Режим доступа: <https://www.similarweb.com/app/google-play/org.telegram.messenger/statistics/> (дата обращения: 26.04.2021).

РУССКИЕ ОБЩИНЫ В УКРАИНЕ, КАЗАХСТАНЕ, ЭСТОНИИ

Сажин Н.В., магистрант, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и современное состояние русских общин в таких государствах, как Украина, Казахстан и Эстония. Особо отмечается историческая значимость подобных общин на территории государств постсоветского пространства. При этом одну из ключевых ролей в настоящее время играет проблема языка, характерная для описываемых стран.

Ключевые слова: русские общины, Украина, Казахстан, Эстония, русская диаспора

RUSSIAN COMMUNITIES IN UKRAINE, KAZAKHSTAN, ESTONIA

Sazhin N.V., master's student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.

Annotation. The article examines the features and the current state of Russian communities in countries such as Ukraine, Kazakhstan and Estonia. The historical significance of such communities on the territory of the post-Soviet states is especially noted. At the same time, one of the key roles is currently played by the problem of language, which is characteristic of the described countries.

Keywords: Russian communities, Ukraine, Kazakhstan, Estonia, Russian diaspora

На протяжении веков, когда этническая миграция и расселение населения стали широко распространенными и очень разнообразными, термин общины начал широко и свободно применяться к множеству этнических групп, чье затруднительное положение можно было смоделировать на основе еврейского опыта расселения, даже если иногда только отдаленно [1, с. 119].

Хотя понятие «этническая община» часто используется в социальных исследованиях, его определение варьируется. Более того, мало что известно о субъективном понимании этого термина обычными людьми, хотя он часто используется в социальном дискурсе.

Термин «этнический» произошел от слова «этнос», что с греческого переводится как «люди», «нация». Слово «этнический» было использовано Гомером для описания стаи животных, как биологически определенной группы. Позже данное слово было применено к людям для обозначения единства людей с общей культурой и языком или с общей кровью и происхождением. В какой-то момент слово «этнический» также обозначало язычников, а к XX в. оно использовалось для обозначения «других», тех, кто не был «нами».

Одним из наиболее распространенных определений этнической общины выступило ее понимание как относящейся к подгруппе населения, в рамках

более крупной или доминирующей национальной, или культурной группы, с общими национальными или культурными традициями. Однако исследователи расходятся во мнении о том, связана ли этническая группа с национальным и культурным происхождением или же с происхождением по рождению, а не по нынешней национальности [2, с. 74].

В связи с этим, широкого распространения получили исследования и подходы к пониманию этничности. Этническая идентичность может относиться к идентификации с группой, которая воспринимается как отличная от большинства, будь то по культурным, «расовым» или религиозным причинам. В какой-то момент историческое значение слова «этнический», означающее «отличный от большинства» или «посторонний», сместилось с подразумеваемых религиозных различий на культурные.

Так, например, исследователи конца XX в. считали, что понятие этничности необходимо для обозначения социально и или психологически определенного набора людей, которые имеют общую культуру или культурное происхождение, часто из-за сходства «расы», национальности или религии. Интересно, что «этнический» в этом контексте часто означает идентификацию с культурой происхождения, а не с новой культурой или обществом, которое может быть полиэтничным [3, с. 355].

Однако с 1975 г. понимание этничности стало быть связано с необходимостью обозначения всех групп в обществе, характеризующихся отчетливым чувством различия из-за культуры и происхождения, включая группы большинства. Этот способ определения этничности и этнических общин также можно найти в современных словарях. Благодаря этой эволюции значение этничности приблизилось к европейской концепции национальности.

Подход большинства к пониманию этнической общины был решительно поддержан в XIX в. Максом Вебером, который сосредоточился на субъективной вере членов группы в то, что они имеют общее происхождение, предполагаемое происхождение, культуру и язык. По его мнению, субъективная вера в общее происхождение может быть основана на сходстве физического типа и обычаев, но то, какие культурные компоненты важны, варьируется от группы к группе. Добавление физических характеристик к определению этнической общины приблизило его к термину «раса», который, по Веберу, принадлежал к одной категории с этничностью [9].

Другими словами, этнические общины подвержены изменениям и переопределению в результате социального процесса, в котором люди очерчивают границы вокруг себя, производят и воспроизводят культуру, признают родословную и используют свой язык в качестве эмблемы группы. Кроме того, согласно ряду исследований, общины не фиксированы, вместо этого они открыты, гибки и часто самоопределяются. Этот подход предполагает, что этническая принадлежность передается другим людям, потому что культурные черты усваиваются.

Анализируя определения этничности и этнической общины, необходимо выделить наиболее общие их составные части, а именно: общие географические корни или общее происхождение; общая культура, обычаи, религия, физическая

или расовая принадлежность; язык; лояльность и общность; господство социальных связей; общие ценности; отдельные учреждения; статус меньшинства; и иммиграционный генезис.

В современных исследованиях этнической общины, ее определение отходит от классических, поскольку для теоретиков настоящего времени данный термин представляет собой социальную конструкцию, которая возникает во многих исторических обстоятельствах и постоянно развивается. Иными словами, этническая община выступает любой существенной совокупностью людей, которые воспринимаются ими самими или другими как имеющие уникальный набор культурных и исторических общих черт [10].

В данной связи также уместно определить взаимосвязь понятий «община» и «диаспора». Так, в наиболее общем виде, община представляет собой группу людей, которые имеют некоторые общие социокультурные особенности и обычно взаимодействуют друг с другом по-разному. Диаспора же также выступает общиной, однако она определяется больше в терминах транснациональных измерений, и ее члены часто могут проследить свое коллективное происхождение через границы в некоторые другие части мира [4, с. 81].

В начале 1990-х гг. численность русской общины за пределами государств постсоветского пространства составляла приблизительно 2 миллиона человек. Около половины представителей русской диаспоры традиционно находилось в США, однако большое количество располагалось и в иных крупных странах. Так, в Германии и Израиле в конце XX в. суммарно проживали около 600 000 человек, представляющих русскую диаспору, в Латинской Америке – 150 000 человек, в Канаде – приблизительно 100 000, а оставшаяся часть была расселена по иным крупным западным государствам.

Описанные русские общины были сформированы в рамках миграционных процессов, в особенности после революции в России 1917 г. Кроме того, советский период также характеризовался увеличивающимися миграционными потоками. После распада СССР и становления целого ряда новых независимых стран, значительному увеличению подверглись непосредственно и русские общины. Данный процесс выступил закономерным результатом активной эмиграции из России и других стран бывшего Советского Союза. На современном этапе размер русской общины (русских, проживающих за пределами Российской Федерации) превышает 25 миллионов человек, что по размеру уступает только китайской диаспоре [5, с. 52].

Несмотря на подобные данные, согласно официальной статистике МИД России, лишь 1,5 миллиона российских граждан зарегистрированы в консульствах как постоянно проживающие в иностранном государстве. Однако, стоит отметить, что данная оценка сильно занижена, поскольку на современном этапе можно утверждать, что это всего 10 % от общего числа российских граждан, фактически проживающих за границей.

Согласно данным, приведенным в Таблица 1, на территории Украины и Казахстана находится наибольшее число представителей русской общины на постсоветском пространстве, в то время, как Эстония занимает лишь восьмое место в рейтинге.

Таблица 1

**Количество представителей русской общины
в государствах постсоветского пространства**

Страна	Количество человек
Украина	8 300 000
Казахстан	3 512 925
Беларусь	800 000
Узбекистан	640 000
Латвия	471 276
Кыргызстан	400 000
Молдова	370 000
Эстония	310 000

В связи с этим, актуальным представляется рассмотрение на примере каждого из этих государств особенностей и условий, в которых находятся русские общины в настоящий момент. Для начала стоит рассмотреть этнический состав данных стран, представленный в Таблица 2.

Таблица 2

Этнический состав населения Украины, Казахстана и Эстонии

Украина	Казахстан	Эстония
Украинцы (77,82 %)	Казахи (63,1 %)	Эстонцы (68,4 %)
Русские (17,28 %)	Русские (23,7 %)	Русские (24,7 %)
Белорусы (0,57 %)	Узбеки (2,8 %)	Украинцы (1,9 %)
Молдаване (0,54 %)	Украинцы (2,1 %)	Белорусы (0,8 %)
Крымские татары (0,51 %)	Уйгуры (1,4 %)	Финны (0,6 %)
Болгары (0,42 %)	Татары (1,3 %)	Латыши (0,2 %)
Венгры (0,32 %)	Немцы (1,1 %)	Немцы (0,2 %)
Румыны (0,31 %)	другие (4,5 %)	Литовцы (0,2 %)
Поляки (0,30 %)		Евреи (0,2 %)
Другие (1,93 %)		Другие (2,8 %)

Исходя из этих данных, можно отметить, что русская община играет значительную роль в политических процессах, протекающих на территориях Украины, Казахстана и Эстонии, что непосредственно связано со значительным её присутствием в описываемых государствах.

Так как наибольшее количество представителей русской диаспоры располагается на территории Украины, целесообразно рассмотреть историческое развитие общины в данном государстве. Так, после образования независимой Украины, значительно усилились процессы притеснения русских общин. Наиболее распространенным и эффективным методом подобных процессов выступило стремление искоренить русский язык из общественной жизни населения и из информационной среды в целом. Помимо этого, увеличивалось число

русофобских высказываний и действий, что негативно сказывалось на жизнедеятельности русской диаспоры [6, с. 11].

Постепенно языковой кризис в Украине политически обострился, а конфликты и социальные волнения, особенно в политическом и культурном контексте страны. Использование языка как инструмента для общения с разными украинскими политиками оказывает влияние на всю среду. Язык был важным вопросом в сложных политических играх на протяжении многих лет и нередко сказывался на спокойном существовании общин в различных странах. Так, наиболее ярким примером выступает изменение законодательства Украины в области запрета использования русского языка, что значительно ограничивает деятельность русскоговорящего населения в стране.

Однако, можно говорить о том, что столь многочисленная русская община не может не влиять на политические процессы, в особенности в городах с преобладающим количеством русскоговорящих. В связи с этим распространения достигает тенденция стремления русской общины участвовать в различных избирательных процессах, требуя нормального внедрения родного языка России как второго государственного [7, с. 8].

В 2014 г. Россия, опираясь на свою многочисленную общину в Украине, попыталась поднять их на бунт против Украины, на отделение регионов их компактного проживания и инкорпорацию в том или ином виде в состав России. Поэтому захватить удалось именно те регионы или их части, где русских было больше всего. К примеру, в Донецкой области русских было 38,2 %, в Луганской – 39 %, а в Крыму – 58,5 %.

Русская община в Казахстане в силу территориальной разобщенности не является сплоченным и инклюзивным сообществом. Однако характерной чертой является стремление русской диаспоры цепляться за культуру своей страны происхождения. Подобная ситуация становится возможной в результате широкого использования русского языка, поскольку большое количество русскоговорящего населения, проживающего на территории Казахстана, может использовать лишь свой родной язык.

На современном этапе русский язык постепенно утрачивает свое значение, так как согласно Конституции Республики Казахстан официальным языком является лишь казахский. Несмотря на это, русский язык все еще воспринимается в государстве как официальный, что непосредственно связано с его значимостью и ценностью как инструмента эффективного международного общения [7, с. 17].

Для определения принадлежности к русской общине в Казахстане наиболее распространенным методом выступает именно язык, позволяющий проводить различия между представителями различных диаспор. Способность говорить по-русски означает принадлежность человека к русской культуре. Русские и казахи живут в одном районе Республики Казахстан и регулярно встречаются в культурном плане.

Многие исследования показали, что русские заимствованы из казахского образа жизни и культуры (62 %), таких как восточное гостеприимство,

уважение к пожилым людям, трудолюбие и толерантность к чужой культуре. По словам исследователей, казахи переняли у представителей русской общины элементы «европейской культуры» в надежде улучшить свое образование, интеллект, работу и выбранную ими профессию.

В России Казахстан рассматривается как модель для решения национального вопроса, особенно на правовом уровне. В основном это связано с наблюдением политологов о том, что действующий в Казахстане закон не допускает дискриминации любого человека по любой причине. Парламент Казахстана не принимает законы, наносящие вред личному характеру или религии. В целом ситуация стабильная. На юге Казахстана существует локальная напряженность у себя дома, но наиболее часто она возникает между этническими членами и узбеками и таджиками. Иными словами, русская община не подвергается особым трудностям и серьезным проблемам.

В то же время некоторые представители русской диаспоры в Казахстане жаловались, что представителей русской общины не допускают к престижной работе, а также присутствует бытовой национализм. Так, около 2,5 миллионов россиян покинули Казахстан с 1991 года, это больше, чем из любой другой постсоветской страны. Подобным образом численность русскоговорящего населения в Казахстане за обозначенный период снизилась с 51 до 23,7 %.

В эстонской печати часто можно было встретить утверждение, что представители русской общины в Эстонии представляют собой пришлый элемент, «чужаки», не имеющие ничего общего с местными культурными традициями, это люди «без корней», лишенные какой-либо связи с прошлым, с историей края. Причем подобные утверждения встречались не только в газетных статьях националистически настроенных журналистов и политиков, но и в несколько смягченной форме в публикациях эстонских политологов и социологов.

Несмотря на это, за последние несколько лет была проделана работа по установлению доброжелательных отношений с русской диаспорой. Русские, проживающие сегодня в Эстонской Республике, в своем подавляющем большинстве совсем не люди «без корней». Неслучайно русские из Эстонии, переехавшие на жительство в Россию, часто чувствуют себя там крайне неуютно [8, с. 17].

Подобному процессу «укоренения», без сомнения, способствует наличие среди русских Эстонии особой прослойки, так называемого старожильческого русского населения Эстонской Республики. Они представляют собой потомков всех тех русских, которые проживали в Эстонии еще до советской власти.

Эстонскими исследователями обычно замалчивается тот факт, что русские проживают на территории Эстонии не менее тысячи лет. По крайней мере, первые бесспорные факты существования русских поселений на эстонской земле относятся к первой половине XI в., что не отрицается и эстонскими историками.

В независимой Эстонской Республике старые русская община, как следует из предоставленных ранее данных, выступает наиболее интегрированной частью русского населения страны, они практически все имеют эстонское гражданство, в большинстве владеют эстонским языком и не испытывают многих из тех трудностей, которые выпали на долю бывших мигрантов.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что на современном этапе русская община выступает одной из наиболее широко представленных диаспор в мире. Большинство представителей данной общины находятся на территориях государств бывшего Советского Союза, современное состояние которых и представляет особый интерес.

Список литературы

1. Масликов В. А. Социоисторический анализ проблем и преимуществ Русской общины // Материалы Афанасьевских чтений. – 2017. – № 1 (18). – С. 116–125.

2. Игошева М. А. Экономический ресурс этнической идентичности в условиях современных миграционных процессов // Философская мысль. – 2020. – № 7. – С. 72–84.

3. Солодова Г. С. Теоретические аспекты этничности и этнокультурной идентификации в условиях глобализации // Живая психология. – 2017. – № 4 (16). – С. 353–358.

4. Дробижева Л. М. Изучение этничности и межнациональных отношений в социологии // Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. – 2018. – С. 74–100.

5. Козлов В. А. Демографическое поведение русской диаспоры в странах Прибалтики и Центральной Азии // Вестник Института экономики РАН. – 2018. – № 3. – С. 50–60.

6. Суций С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. – 2020. – № 2. – С. 6–30.

7. Баранчик Ю. В., Гойденко В. Г., Грозин А. В., Докучаева А. В., Лавренов С. Я., Новиков В. В., Фадеев А. В. Политика постсоветских государств в отношении русскоязычного населения // Постсоветский материк. – 2020. – № 2 (26). – С. 4–56.

8. Михайлов Д. А. Проблемы изучения русскоязычного населения Эстонии // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 7 (72). – С. 14–25.

9. Маковская Д. В., Гарас Л. Н. Этнонациональная виктимизация украинского общества в дискурсе научной элиты Украины: тенденции и содержание // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 4. – С. 104–121.

10. Карницкая В. Р. Политическая элита Украины: противоречия становления и развития // Вопросы элитологии. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 123–140.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

КОНЦЕПЦИЯ «ИСЛАМСКОГО ПРОБУЖДЕНИЯ» КАК ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН В XXI В.

Шашкин Д.А., магистрант, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, Татищева, 20а
E-mail: dmitriskat147@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются сущность и функционирование концепции «Исламского пробуждения» (ИП) (перс. – бидарийе эслами) в Иране, которая была актуализирована иранской политической элитой в качестве описания событий, связанных с «Арабской весной», а также внешнеполитической доктрины Исламской Республики Иран (ИРИ) в 2010-х годах. Как показывает данное исследование, этот термин появился в иранском социально-политическом дискурсе еще в предыдущие десятилетия и имеет сходство с понятием «исламское возрождение», охватывающем в исламском мире в разные исторические периоды огромное число разнородных движений.

Мы проведем анализ идеологических корней данной концепции, которые восходят к идеям основателя ИРИ аятоллы Рухоллы Хомейни, получившим название «Экспорт исламской революции» (перс. – содур-е энгелаб-е эслами). Большое внимание уделяется выявлению сущности данной концепции, и ее отличию от ИП, что также было выявлено настоящим исследованием.

В настоящей статье также анализируются основные принципы концепции «Исламского пробуждения», проявляемые как в высказываниях высших представителей иранской политической элиты, так и в школьном учебнике по современной истории Ирана. Мы также рассмотрим динамику употребления термина «Исламское пробуждение» в иранском социально-политическом дискурсе, заключающимся в сильном росте его упоминания в 2011 г. и постепенном сокращении его использования после 2013 г., что было связано как с уменьшением влияния событий «Арабской весны» в регионе Ближнего и Среднего Востока, так и с изменением внешнеполитических взглядов главных политических деятелей внутри Ирана.

Ключевые слова: Иран, Исламское пробуждение, Экспорт исламской революции, «Арабская весна», внешняя политика

THE CONCEPT OF «ISLAMIC AWAKENING» AS THE FOREIGN POLICY DOCTRINE OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN IN THE 21ST CENTURY

Shashkin D.A., undergraduate, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatischev st.
E-mail: dmitriskat147@mail.ru

Annotation. The article examines the essence and functioning of the concept of «Islamic Awakening» (IA) (Persian – bidariye eslami) in Iran, which has been actualized by the Iranian political elite as a description of events related to the Arab Spring, as well as the foreign policy doctrine of the Islamic Republic of Iran (IRI) in the 2010s. As this study shows, this term appeared in Iranian socio-political discourse in previous decades and has similarities with the concept of «Islamic revival», covering a vast number of diverse movements in the Islamic world in different historical periods.

We analyze the ideological roots of this concept, which dates back to the ideas of the founder of the Islamic Republic of Iran, Ayatollah Ruhollah Khomeini that received the title «Export of the Islamic Revolution» (Persian – sodure engelabe eslami). Much attention is paid to identifying the essence of this concept and its difference from IA, which was also revealed by the present study.

This article also analyzes the basic principles of the concept of «Islamic Awakening», manifested both in the statements of the highest representatives of the Iranian political elite and in the school textbooks on the modern history of Iran.

We also examine the dynamics of using the term «Islamic Awakening» in the Iranian social and political discourse, which demonstrates a strong increase in its mentioning in 2011 and a gradual decrease after 2013, which was related to a decline in the influence of Arab Spring in the Near and Middle East region and changes in the foreign policy views of the main political figures inside Iran.

Keywords: Iran, Islamic Awakening, Export of the Islamic Revolution, Arab Spring, foreign policy

Мы полагаем, что интерес к изучению иранской внешнеполитической концепции «Исламского пробуждения» появился после 2011 г., когда он стал основной идеологией Ирана в описании событий «Арабской весны» и его взаимоотношений со странами региона Ближнего и Среднего Востока. Сам термин «Исламское пробуждение» на тот момент не был новым в иранском религиозно-политическом дискурсе и в какой-то степени соотносился с понятием «Исламское возрождение», охватывающем в исламском мире в разные исторические периоды «огромное количество разных движений, как радикальных и обособленных, так и плюралистичных; как расположенных к научной картине мира, так и антинаучных; как прежде всего религиозных, так и главным образом политических; как демократических, так и диктаторских; как миролюбивых, так и воинственных» [1, с. 58].

В отечественной и западной историографии данной концепции уделяется не очень много внимания. В России сюжетами, связанными с «Исламским пробуждением», занимается А.В. Баранов. В своих работах он подробно разбирает принципы данной концепции в контексте событий «Арабской весны». Среди западных исследователей следует выделить работы П. Мохсени и С. Хадери-Арайи, в которых авторы дают полный анализ концепции ИП в контексте внешней политики Ирана.

Вместе с этим в научном дискурсе на данный момент наблюдается недостаток комплексного исследования проблемы концепта «Исламского пробуждения»

в его взаимосвязи с историческим процессом, а также причинами усиления его проявления и затухания в иранском социально-политическом дискурсе.

Тем не менее, об актуальности проблемы и ее социополитическом значении свидетельствуют данные статистических обследований, например данные Информационного агентства ИСНА (рис.).

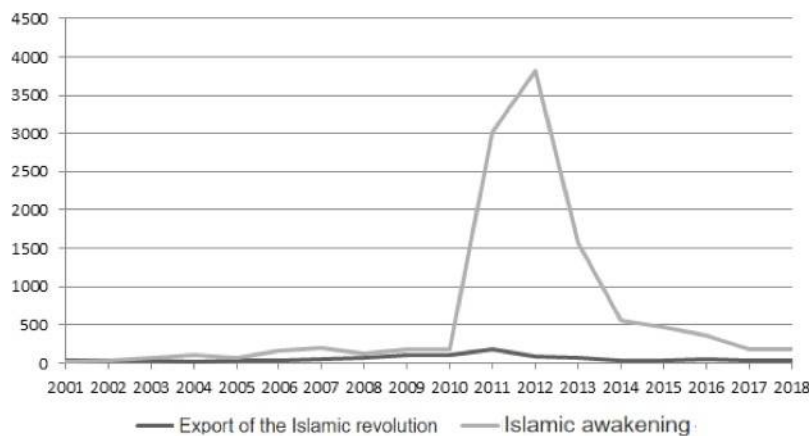

Рис. Частота упоминания фраз «Экспорт исламской революции» и «Исламское пробуждение» с 2000 по 2018 г. в иранском политическом дискурсе [2, с. 74]

Концепция «Исламского пробуждения» является многогранной, и ее интерпретации можно обнаружить в политических и религиозных концепциях различных исламских государств и организаций. Тем не менее один из ключевых концептов модели «Исламского пробуждения» сформировался в Республике Иран после Исламской революции. Данный концепт стал одним из первых и оказал большое влияние на остальной исламский мир. Более того, это влияние сохраняется. В данной связи проблема исследования существует в двух измерениях. Во-первых, неоднозначны сроки существования в Иране концепции «Исламского пробуждения». Во-вторых, проблема связана с формулировкой реального смысла концепции, который многократно трансформировался вслед за изменениями в национальном политическом и религиозном дискурсе.

Предметом данной статьи, таким образом, выступает иранская интерпретация концепции «Исламского пробуждения» в контексте эволюции ее религиозно-политического содержания. Раскрывая общий современный смысл данной концепции, следует пояснить, что под ней подразумевается «процесс подъема осознанности в исламской уме, возрождение ислама в человеке и обществе... Воскресение исламских ценностей и возвращение к исламской самости» [2, с. 73].

Во многом формирование и развитие концепции «Исламского пробуждения» порождает религиозно-политический конфликт, что также связано с проблемой исследования. В частности, современная, даже школьная трактовка концепции констатирует поиск «действительной, исламской идентичности, через возвращение к исламской самобытности» [3, с. 195].

Цель данной статьи – представить результаты исследования концепции «Исламского пробуждения», рассмотренной в том числе как внешнеполитическая

доктрина Исламской Республики Иран в конце XX – начале XXI в. Достижение поставленной цели в рамках данного подхода сопряжено с 1) выявлением идеологических корней и основных принципов концепции и 2) в анализе эволюционных трендов данной концепции вплоть до настоящего времени.

По итогам проведенного многостороннего анализа обозначенной проблемы нами было установлено, что идеологи «Исламского пробуждения» в Иране возводят происхождение данного термина к речам и трудам основателя Исламской Республики Иран Рухоллы Хомейни, который, хотя и применял данный термин, делал это, говоря о пробуждении либо иранской нации, либо мусульман, не используя слово «исламское».

По нашему мнению, основополагающей внешнеполитической концепцией во время нахождения у власти Рухоллы Хомейни с 1979 по 1989 г. был «Экспорт исламской революции», воплотивший в себя его религиозно-политические идеи. По его мнению, «Экспорт» являлся неотъемлемой частью политики Ирана. Среди важных целей революции можно выделить следующие: 1) отрицание колонизации и иностранного господства; 2) поддержка мусульман и угнетенных во всем мире; 3) развитие убеждений, идей и культуры ислама, поддержка мусульман во всем мире; 4) стремление к укреплению основ единства исламской уммы во всем мире; 5) стремление к пробуждению и единству угнетенных во всем мире; 6) предупреждение и осуждение нарушающих права людей во всем мире.

Однако основополагающей главной чертой концепции «Экспорта исламской революции» был взгляд на Иран как на центр «революции», а на иранского руководителя как на лидера всех мусульман. Несмотря на шиитскую ориентированность, Исламская революция 1979 г. в Иране послужила мощным катализатором для развития исламизма в странах мусульманского мира¹.

Однако в скором времени ситуация изменилась, поскольку под «экспортом революции» подразумевалось главенство шиитской версии ислама, и идеи аятоллы Хомейни встретили резкое отторжение со стороны государств с преобладающим суннитским населением.

После смерти Рухоллы Хомейни в 1989 г. концепция «Экспорта исламской революции» стала отодвигаться на второй план, что было связано с прагматической внешней политикой президента страны (1989–1997) Али Акбара Хашеми-Рафсанджани.

Следующий президент Мохаммад Хатами (1997–2005) выдвинул внешнеполитическую концепцию «Диалога цивилизаций», подразумевающую равенство народов и государств².

¹**Иранская революция, Революция 1979 года** – цепь событий в Иране, результатом которых стали эмиграция шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, упразднение монархии и установление новой администрации, которую возглавил аятолла Хомейни. Исламская революция в Иране стала одним из ключевых событий XX века и имела огромное историческое значение для всего мира. Установление прочной исламской власти в богатом углеводородами Иране поставило под сомнение неформальное лидерство суннитской Саудовской Аравии в мусульманском мире.

²**Мохаммад Хатами** был одним из первых интеллектуалов, предложившим концепцию диалога цивилизаций. Став президентом Ирана, он использовал свое положение для того, чтобы привлечь внимание людей к данной проблеме: благодаря его усилиям 2001 год был объявлен ЮНЕСКО «годом диалога цивилизаций».

Пришедший ему на смену Махмуд Ахмадинежад (2005-2013), несмотря на некоторые радикальные внешнеполитические взгляды (например, по поводу уничтожения Израиля), в целом заявлял о стремлении Ирана к равноправному отношению со странами мирового сообщества¹.

Нынешний президент Ирана Хасан Роухани в своих выступлениях отказался от радикальных внешнеполитических высказываний, настаивая на прагматичной политике страны.

Вместе с этим упоминание в официальных выступлениях концепции «Экспорта исламской революции» полностью не ушло из иранского социально-политического дискурса, но оставалось незначительным.

Другую динамику показывает употребление выражения «Исламское пробуждение». Как видно из рисунка, данный термин начал набирать популярность с начала 2000-х. В 2011 г. термин «Исламское пробуждение» набрал крайне высокую популярность в русле иранской политической риторики, что имеет явную связь с интерпретацией иранской политической элитой событий «Арабской весны».

Здесь показательна эволюция смыслового содержания концепта «Исламское пробуждение».

Первое известное упоминание относится к 15 августа 2000 г. и связано с высказываниями уполномоченного представителя Лидера страны в Корпусе стражей исламской революции Салеком Кашани. Он сказал: «...Духовный лидер [Али Хаменеи] считает исламско-духовное пробуждение и единство мусульман стратегическими факторами для создания великой исламской уммы, и все должны стремиться к ее созданию. Первое влияние, которое оказал имам [Хомейни] на силы, заинтересованные в Исламской революции во всем мире, – их стремление к пробуждению и вере в себя»².

В данный период наблюдается неотделимость понятий «Экспорт исламской революции» и «Исламское пробуждение». В этот период понятие «Исламское пробуждение» относилось главным образом к Палестине. Затем с 2003 г. в речах иранских политических деятелей оно стало касаться все больше стран, так как на этот период приходится вторжение США в Ирак. Это привело к тому что весь регион Ближнего Востока оказался под ударом каскадного политического

¹Махмуд Ахмадинежад – иранский политический и государственный деятель. На посту президента свернул некоторые либеральные реформы, имевшие место при его предшественниках — Хатами и Рафсанджани. Была начата крупная энергетическая реформа: введены квоты на продажу бензина населению, ускорилось развитие иранской ядерной программы.

Во внешней политике придерживался консервативных взглядов, жёстко критиковал администрацию Буша и выступал за усиление связей Ирана с Россией и арабским миром. Также он неоднократно выступал с резкими заявлениями в адрес Израиля. Один из известных отрицателей Холокоста.

²**Исламское возрождение** или **таджид** (араб. تجديد, — «возрождение, обновление») или **исламское пробуждение** (араб. الصحوة الإسلامية) – термин, которым обозначают различные виды распространения или усиления ислама, начиная со второй половины XX века. В рамках исламской традиции термин таджид был важной религиозной концепцией, которая проявлялась на протяжении всей истории ислама в периодических призывах к возобновлению приверженности основополагающим принципам ислама и восстановлению общества в соответствии с Караном и традициями исламского пророка Мухаммеда (хадисов). Концепция таджиды сыграла важную роль в современном исламском возрождении.

конфликта, который стал приобретать все больше черты конфликта цивилизаций [6; 7].

Мы считаем, что в этот период начало формироваться и идеологическое обоснование данной концепции. Примером может служить высказывание одного из главных идеологов «Исламского пробуждения» советника Лидера страны доктора Али Акбара Велаяти: «Иран и ислам имеют друг с другом неразрывную связь. За два последних века без ислама и исламского пробуждения не было бы возможности сохранения нашего народа, и за кулисами всех социально-политических движений прошлых лет был сильный исламский стимул», а также «Пробуждение мусульман само по себе важнейшее оружие для их правления»¹.

В более поздний период, 15 марта 2009 г., поддержкой идей «Исламского пробуждения» отметился и будущий президент ИРИ Хасан Роухани. Он заявил, что «Исламская революция в Иране принадлежит не только шиитам и не только народу Ирана, но была большим извержением в исламском мире, первый шаг на пути которого сделал Иран»².

Проведенное исследование выявило, что события «Арабской весны» дали сильный импульс к развитию идей «Исламского пробуждения» в Иране. Это использовалось в качестве платформы для расширения влияния Ирана на региональные события. Отправной точкой актуализации данной концепции можно считать речь Али Хаменеи 4 февраля 2011 г.

В 2013 г. взгляды Али Хаменеи получили более подробную интерпретацию. По его мнению, корень «Исламского пробуждения» заключается в «возрождении человеческой чести и достоинства в тени ислама», а приоритетом победивших (Арабских) революций является создание «строения на основе исламских принципов» и «процветающей исламской цивилизации»³.

Однако Хаменеи отказывается соглашаться с мнением, что Иран стремится экспортировать в страны региона собственную религиозно-политическую модель. «Это все тридцатилетняя ложь, которую распространяют, чтобы отделить народы друг от друга и лишить их помощи друг другу, и ее все время повторяют... мы не оставим задачи, которые возложил на наши плечи ислам» [4, с. 77].

В итоге концепция «Исламского пробуждения» получила не только официальную трактовку, но и официальное выражение, в том числе в системе школьного образования, что стало свидетельством ее реального внутривнутриполитического потенциала в сфере формирования национального самосознания. Примером этого может служить учебник современной истории Ирана для 11-го класса под авторством А. Велаяти, Дж. Манеш и др. Интересно, что при

¹Али Акбар Велаяти – иранский врач и политик. Глава МИД Ирана при президентах Хаменеи и Рафсанджани, советник по международным делам Высшего руководителя Ирана, двукратный кандидат в президенты Ирана.

²Хасан Рухани – иранский религиозный, духовный и государственный деятель, политик и шиитский богослов, действующий президент Ирана с 3 августа 2013 года.

³Сейед Али Хосейни Хаменеи – иранский религиозный, духовный, государственный и политический деятель, второй Высший руководитель (глава государства) Ирана с 1989 года по настоящее время, президент Ирана (1981–1989), один из ближайших соратников лидера Исламской революции великого аятоллы Р. Хомейни.

сравнении разных изданий данного учебника, 2009 и 2016 гг., обнаруживается добавление информации об «Исламском пробуждении». Например, в учебнике версии 2016 г. оказывается, что антитабачное движение 1890-х годов «привело к большей консолидации шиитского духовенства и верующих, тем самым показав, что исламское пробуждение в Иране достигло политической и интеллектуальной зрелости» [5, с. 238], а также что в 1940–1950 гг. Кумская семинария «не избежала движения исламского пробуждения и сыграла важную роль в сохранении мусульманского общества Ирана от политических и социальных кризисов того периода» и т. п. Таким образом, концепция «Исламского пробуждения» постепенно обретает характеристики идеологической модели, которая опирается на исторические факты для расширения и укрепления своего современного, формирующего мышление нации содержания.

Заключение. По нашему мнению, главным отличием от концепции «Экспорта исламской революции» (где Иран представлялся центром мусульманского мира) для «Исламского пробуждения» стала идея полицентричности возникновения данного феномена, а также естественного хода его развития без опоры на шиитский ислам. Это должно было избавить Иран от обвинений в стремлении искусственно революционизировать исламский мир, как это было с «Экспортом исламской революции». Продвижение идей «Исламского пробуждения» можно охарактеризовать как политику «мягкой силы», которую Иран начал использовать в 2000-х гг. для продвижения своих внешнеполитических интересов, но постепенно, особенно после событий «Арабской весны» 2011–2013 гг., расширил ее и на внутривнутриполитический контекст, обратившись к своеобразному процессу идеологической интеграции внешней и внутренней политики, примеры которой сегодня можно обнаружить в большинстве исламских государств региона.

Список литературы

1. Lapidus I. M. A History of Islamic Societies. – Cambridge: CambridgeUniversityPress, 2014. – 971 p.
2. Баранов А. В. «Исламское пробуждение» и «Арабская весна»: внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2013. – Т. 13, вып. 3. – С. 71–77.
3. Баранов А. В. Концепция «исламского пробуждения» аятоллы Али Хаменеи // История и историческая память. – 2014. – № 9. – С. 190–204.
4. Ghaderi Araee S. M. Impact of Islamic Revolution in Iran And Islamic AwakeningIntheworld // International Journal of Humanities and Social Science Invention (IJHSSI). – 2018. – Vol. 7, № 1. – P. 76–81.
5. Пластун В. Н. Деятельность экстремистских сил и организаций в странах Востока. – Новосибирск : Сова, 2005. – 474 с.
6. Гукасов А. В., Косов Г. В. Технологии формирования нового мирового порядка в период «interregnum»: к вопросу формирования новых элитарных зон и территорий распада (кейс Большого Средиземноморья) // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 4. – С. 82–103.

7. Косов Г. В., Татарков Д. Б. Ближневосточный узел Большого Средиземноморья в контексте элитологического анализа // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 111–129.

ПРОКСИ-КОНФЛИКТЫ В АФРИКЕ: ОСНОВНЫЕ ЗОНЫ ВЛИЯНИЯ

Таирова Ш.С., магистрант, Астраханский государственный университет
414056, Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: tairova.shaxnoza@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется характер конфликтов, произошедших в Африке после окончания холодной войны. Особое внимание уделяется роли внешних факторов в процессе развития конфликта и эскалации насилия на африканском континенте. Фактически, в данной статье проводится критическое рассмотрение значения марионеточной войны как зоны влияния или провокации нестабильности в регионе. Новая потенциальная конфронтация между США и Китаем основана не только на столкновении мировоззрений относительно структуры и характера международных отношений и безопасности, но в основном на контроле над стратегически важными энергетическими ресурсами, базирующимися в Африке.

Ключевые слова: провокационная нестабильность, холодная война, марионеточная война, зона влияния, конфликты, крупные державы, повстанческие группировки, Африка, природные ресурсы, Китай

PROXY CONFLICTS IN AFRICA: MAIN AREAS OF INFLUENCE

Tairova Sh.S., master student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatischev st.
E-mail: tairova.shaxnoza@mail.ru

Annotation. The article analyzes the nature of the conflicts that occurred in Africa after the end of the Cold War. Special attention is paid to the role of external factors in the development of the conflict and the escalation of violence on the African continent. In fact, this article critically examines the significance of the puppet war as a zone of influence or provocation of instability in the region. The new potential confrontation between the US and China is based not only on a clash of worldviews regarding the structure and nature of international relations and security, but mainly on the control of strategically important energy resources based in Africa.

Keywords: provocative instability, cold War, puppet war, zone of influence, conflicts, major powers, rebel groups, Africa, natural resources, China

Во время холодной войны война по доверенности была ключевой стратегией непрямого конфликта между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Целью этих прокси-войн было либо поддержание, либо изменение баланса

сил между сверхдержавами / великими державами в зонах конфликтов за пределами центрального фронта в Европе. В условиях гарантированного взаимного уничтожения и Соединенные Штаты, и Советский Союз стремились избежать прямой конфронтации между своими обычными вооруженными силами в региональных конфликтах из опасения, что это перерастет в тотальную ядерную войну. В этом состоянии обе державы напрямую взаимодействовали не друг с другом, а с мелкими державами. Это повлекло за собой возникновение непрямой войны через посредников, которая свела к минимуму угрозу прямой конфронтации между сверхдержавами. Спустя почти два десятилетия после падения Берлинской стены было очень мало обсуждений прокси-войн между крупными международными державами, обладающими ядерным потенциалом. Советского Союза больше не существует, и Россия не представляет собой экзистенциальную угрозу Соединенным Штатам, как Советский Союз когда-то. Международный фокус сместился в сторону вмешательства западных государств в небольшие локальные конфликты. Соединенные Штаты и Советский Союз использовали иностранные правительства и международные организации в качестве доверенных лиц, например, во время операции Организации Объединенных Наций в Конго в 1960 году и гражданской войны в Анголе в 1975 году, чтобы повлиять на исход местного конфликта и изменить его в соответствии с национальными требованиями, а также с целью изменить региональный баланс сил [13, с. 173].

Сегодня на международной арене появилась новая потенциально великая держава, основное развитие которой приходится на экономику и наращивание военного потенциала. Интересы Китая и США сталкиваются на африканском континенте, поэтому стратегия «война по договоренности» может возвратиться. Африка стала основным местом стратегического соперничества между Соединенными Штатами и Китаем, как это было до некоторой степени во время холодной войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Китай значительно изменил стратегический контекст в Африке, а мотивы Пекина стали более прозрачными. Растущие отрасли промышленности Китая и средний класс требуют новых поставщиков энергии и сырья, и Африка также имеет решающее значение для удовлетворения этих потребностей. Поскольку Китай становится все более вовлеченным в мировую экономику, он приобретает жизненно важные интересы во все большем количестве регионов по всему миру. По мере роста жизненных интересов Китай пытается формировать международный порядок таким образом, чтобы он отвечал его политическим интересам, даже если они противоречат основным интересам Соединенных Штатов.

Участие США и Китая в Африке приводит к потенциальному конфликту. Однако прямой конфликт между двумя крупными державами маловероятен, в основном из-за появления ядерного оружия и экономических и человеческих потерь, связанных с прямой войной между двумя крупными ядерными державами. Опасность начала катастрофической крупной войны между Соединенными Штатами и Китаем ограничит их двумя местными театрами. Стратегия войны по доверенности используется для сохранения «мира» между двумя

державами напрямую. Теперь это стало жизнеспособной национальной стратегией великих держав, обладающих ядерным оружием, по продвижению и / или защите своих глобальных национальных интересов в биполярной / многополярной международной системе. Насилие было и до сих пор присутствует в большинстве стран Африки, например, в Центральноафриканской Республике, Кот-д'Ивуаре, Нигерии, Эритрее, Ливии, Мали, Демократической Республике Конго, Сомали, Руанде, Бурунди, Судане. Эта основная тенденция хаотизации Африки проявляется в форме опосредованной войны, провоцируя нестабильность. Что, однако, рассматривается как вторая схватка за природные и минеральные ресурсы континента [5, с. 66].

Войны через посредников – относительно низкий риск для сверхдержавы по сравнению с прямым вмешательством или традиционной войной. При прямом вмешательстве существует риск поражения, потери ресурсов, остракизма со стороны международного сообщества и сопротивления со стороны собственных граждан, по крайней мере, в демократических государствах. Учитывая структурные препятствия для прямого конфликта, это еще один фактор, который сделал прокси-войны преобладающей стратегией в ядерный век. Неудача в стратегии войны через посредников относительно незначительна по сравнению с неудачей при прямом вмешательстве. Этот метод помогает сверхдержаве продвигать свои интересы на чужой территории, держась в стороне от войны, позволяя ей лучше справляться с любыми международными последствиями своего вмешательства.

Поставка оружия и военные отношения с иностранным правительством или повстанческой группировкой с намерением повлиять на дела иностранного конфликта являются одним из факторов, которые способствуют разгоранию косвенного конфликта через посредников между сверхдержавами. Поставка оружия не ведет автоматически к прямому участию сверхдержавы в конфликте, как считалось до Второй мировой войны. Напротив, это обычно заменяет прямое участие, поскольку позволяет сверхдержаве поддерживать одну сторону в конфликте для удовлетворения национальных интересов, не втягивая себя в него. Поддерживая доверенное лицо вооружением, сверхдержава может избежать использования собственных вооруженных сил [1, с. 227].

Наиболее заметное различие между войнами по доверенности и другими формами вмешательства извне состоит в том, что нет прямого вооруженного военного вмешательства сверхдержавы. Доверенное лицо принимает на себя большую часть риска, напрямую участвуя в конфликте. Другой компонент войн по доверенности – это предоставление сверхдержавой военной помощи, что приводит к некоторому уровню эскалации конфликта. Поставка материальной помощи, такой как оружие или другое военное оборудование, является наиболее важной формой поддержки, которую сверхдержава может предложить, если не считать тайного направления своих войск. Передача военной техники направлена на повышение военного потенциала доверенного лица в надежде повлиять на исход самого конфликта.

Конфликт в Судане, связанный с США и Китаем. Для записи важно отметить, что нефть в Судане была обнаружена американской компанией

«Chevron», но из-за небезопасной обстановки в стране из-за начала войны в 1983 году Chevron отказалась от проекта разработки нефти в Судане в 1984 году [10, с. 160]. После того, как United States Company Chevron отказалась от проекта разведки нефти, правительство Судана обратилось к китайской компании (Китайской Национальной нефтяной компании), чтобы продолжить проект по разработке нефти, и, наконец, в 1999 году добыча нефти была завершена. Китайская национальная нефтяная компания (CNPC) была крупнейшим иностранным инвестором Судана, вложив в разработку нефтяных месторождений около 5 миллиардов долларов. С 1999 года Китай инвестировал в Судан не менее 15 миллиардов долларов. Точно так же Китайская национальная нефтяная компания (CNPC) построила нефтепровод от своих концессионных блоков 1, 2 и 4 на юге Судана до нового терминала в Порт-Судане на Красном море, где нефть загружается на танкеры для Китая. На Китай приходится от 65 до 80 % добычи Судана из 500 000 баррелей в день нефти [4, с. 56]. К сожалению, это безупречное сотрудничество между Китаем и правительством Хартума было невыгодным для Соединенных Штатов Америки, поскольку оно не позволяло США контролировать большой нефтяной потенциал Судана. Однако, чтобы ослабить власть режима Хартума, Соединенные Штаты решили финансировать и поддерживать в первую очередь повстанческие группы Южного Судана во время второй гражданской войны в Судане, обучая и вооружая Народно-освободительную армию Судана, возглавляемую Джоном Гарангом, до его смерти в 2005 г. В процессе реализации этой стратегии дестабилизации Судана Чад сыграл важную роль. Территория Чада использовалась для обучения суданских повстанческих групп. В апреле 2005 года правительство Судана объявило, что оно обнаружило нефть в Южном Дарфуре, которая, по оценкам, сможет перекачивать 500 000 баррелей в день [9, с. 177].

Объявление правительства Судана об обнаружении нефти в Дарфуре объясняет возобновившееся волнение правительства Соединенных Штатов. Если бы нефть Дарфура контролировалась только режимом Хартума, Китай был бы привилегированным партнером по добыче нефти в этом регионе, и эта ситуация существенно повлияла бы на интересы Соединенных Штатов в Судане.

Этим объясняются различные стратегии Вашингтона – дипломатические, политические, военные. Согласно этой геополитической реальности, Китай всегда поддерживал власть в Хартуме, чтобы защитить свои нефтяные интересы в Судане. Возможно, борьба за природные ресурсы Судана – настоящая причина косвенной конфронтации между Пекином и Вашингтоном. Однако, исходя из этих реалий, можно с некоторыми предположениями утверждать, что конфликт в Дарфуре – это своего рода прокси-война между Китаем и США.

Основная зона влияния: Франция как пример изучения. Вековая хаотизация африканского континента породила абстрактную стратегию конфликтологии в регионе. Посредством политических связей, связей в области безопасности, экономики и культуры Франция пыталась сохранить гегемонию во франкоязычной Африке, как для служения своим интересам, так и для поддержания последнего бастиона престижа, связанного с наследием прошлого

господства. Посредством двусторонних договоров об обороне и военном сотрудничестве для поддержания постоянного военного присутствия на континенте с его бывшими колониями.

Представляя себя доброжелательным покровителем, альтруистической силой, которая просто хочет помочь Африке снова встать на ноги. Однако становится все яснее, что силы и дух, колонизировавшие Африку, живы и здоровы. Объем бассейна озера Чад оценивается в 2,32 млрд баррелей нефти, 14,65 триллиона кубических футов природного газа и 391 млн баррелей жидких углеводородов. 13. В общей сложности они стоят миллиарды долларов. Порт Гавра является конечным пунктом назначения нерафинированного масла и принадлежит Франции. Доля Франции в добыче урана в Нигере, она зависит от 75 % источников энергии [2, с. 79].

Франция владеет большинством акций трех из четырех уранодобывающих компаний в Нигере. Учитывая, что в последнее время Нигер производит 5000 тонн урана в год, это поможет сделать Нигер вторым по величине производителем урана в мире [6, с. 591].

Руанда на примере зоны влияния. На протяжении десятилетий Франция рассматривала постколониальную Африку как исключительную сферу влияния. Она по-прежнему сохраняет военное влияние и размещает тысячи своих войск по всему континенту, от западного Сенегала до Африканского Рога. И до сих пор поддерживает сотрудничество с бывшими колониями, например, Чадом, Нигером, Мали, Камеруном, Центральноафриканской Республикой с целью сохранения своего влияния. Но изменения в ее стратегических приоритетах имеют такую позицию после неудачного опыта в Руанде в 1994 году, когда Франция продемонстрировала попытку сохранить свое влияние, но в конечном итоге потеряла контроль. Согласно «Гардиан» (2007), английский язык процветает в Руанде, а Франция широко рассматривается как враг. В некоторых кругах французский считается языком смерти; тех, кто убил, и тех, кто остался убитым во время геноцида 1994 года [11].

Согласно Аль Маккею, за разворачиванием геноцида в Руанде следил весь мир (крупные державы), и все же лидеры мало что сделали для облегчения страданий. Именно в этом аспекте геноцида Даниэла Крослак (2007) утверждает, что Франция не только была вовлечена в события из-за своей пассивности, но и фактически способствовала геноциду, поддерживая режим хуту до, во время и после убийства [8, с. 90].

По словам Жерара Прунье, операция Амариллис, начатая Францией при поддержке бельгийской армии и МООНПР в начале геноцида, военная операция, в которой участвовали 190 десантников для эвакуации эмигрантов из Руанды, была «позором», потому что те, кто сели в эвакуационные грузовики, были разделены (супруги тутси, их дети, экспатрианты и иностранцы), а руандийцы были вынуждены покинуть грузовик и убиты на контрольно-пропускных пунктах правительства Руанды [8, с.91].

Французское военное присутствие эффективно помогло преступникам. В июле 2008 года Кагаме угрожал предъявить французским гражданам

обвинение в геноциде, если европейские суды не отзовут ордера на арест, выданные в отношении руандийских чиновников испанским судьей Фернандо Андреу.

Однако Париж неоднократно отрицал обвинения и настаивает на том, что французские войска работали для защиты мирных жителей. Хотя отношения между обеими странами были полностью заморожены с 2006 по 2009 год. Французское парламентское расследование, организованное с целью установить правду о роли Франции, заявило, что «Франция никоим образом не была причастна к геноциду против тутси». Но два докладчика, тем не менее признали, что французские власти сделали «серьезные ошибки в суждениях». Объявление о рассекречивании руандийских документов было объявлено в 21-ю годовщину начала геноцида 7 апреля 1994 года. Процедура опубликования документов отличается от порядка 20 текущих судебных дел по «преступлениям против человечности», которые были возбуждены в Париже [7].

Согласно сообщению ВВС, министр иностранных дел Франции Бернар Кушнер отрицал ответственность Франции в связи с геноцидом, но заявил, что были допущены политические ошибки [2, с. 84].

Эти амбиции и борьба за власть крупных держав совершенно очевидны в битве Франции за влияние и контроль над стратегическими полезными ископаемыми и рынками в зоне ее влияния. В качестве доказательства существует программный документ французского правительства, озаглавленный «Партнерство во имя будущего: 15 предложений по новой экономической динамике между Африкой и Францией», который, очевидно, отражает амбиции Франции в регионе [12, с. 90].

Из вышесказанного ясно, что большая часть обострения насилия в Африке вызвана развивающейся нестабильностью, своего рода прокси-войной крупных держав, которая на самом деле не может быть прокси-войной, как в период холодной войны. Это новый тип войн через посредников в постбиполярный период, когда нет идеологической борьбы. Другими словами, погоня за нефтяными интересами, природными ресурсами и поддержанием зон влияния – является коренной причиной конфликтов в Африке. Жертвами становятся мирное население континента, в том числе повстанческие группировки. Чтобы положить конец конфликтам в Африке, единственное решение – искреннее сотрудничество между сверхдержавами. Это правда, что в международных отношениях нет друзей, но уважение к человеческой жизни должно мотивировать любые действия в человеческих отношениях.

Наконец, нынешнее состояние Африки сделало континент синонимом конфликтов. Пока мировые великие державы не захотят служить интересам долгосрочного мира и стабильности, а не краткосрочной прибыли и политики, конфликты, разгорающиеся в Нигерии, Мали, Центральноафриканской Республике, ДРК, Эритрее и Эфиопии и других частях Африки будут продолжаться.

Список литературы

1. Адекунле Амуво. Капиталистическая глобализация и роль международного сообщества в ресурсных конфликтах в Африке // Развитие Африки. – 2017. – XXXIV (3–4). – С. 227–266.

2. Олден Р. Китай в Африке. – Нью-Йорк : Zed Books, 2007. Билл Л., Скотт Л. (1986). Развернутый мир: военное вмешательство США и Советского Союза и прокси-войны в странах третьего мира с 1945 года. От: Роберт В. Клоусон (Ред.): Соперничество Востока и Запада в Третьем мире. Уилмингтон. С. 77–101.
3. Даллэр Р. Пожать руку дьяволу: неудача человечества в Руанде. – Лондон : Arrow Books, 2017. – 465 с.
4. Гриффин А., Операция Бархан и Боко Харам: борьба Франции с терроризмом и военное сотрудничество в Сахеле. Исследования тенденций и противник. Университет é де Савойя., 2019, С. 56–58.
5. Кинзер С. Тысяча холмов: возрождение Руанды и человек, который это мечтал. – Лондон : WileyBooks, 2018. – С. 66.
6. Лавман П. Оценка феномена прокси-вмешательства. Конфликт, безопасность и развитие. – 2015. – С. 590–591.
7. Lugt S. vander. (2014). Китай-Африка: развивающиеся отношения, но неизменные принципы.
8. Лайман П., Моррисон Дж. С. Больше, чем гуманитарный: стратегический подход США к Африке. – Совет по международным отношениям, 2006. – С. 90–96.
9. Мелверн Л. Заговор с целью убийства: геноцид в Руанде. Лондон и Нью-Йорк. Изменяющаяся природа мировой державы // Ежеквартальный журнал политических наук. – № 105 (2). – С. 177–192.
10. Ричард Дж. Африка: государства в кризисе // Журнал демократии. – 1999. – № 14 (3). – С. 159–161.
11. Кризис в Руанде: история геноцида. – 2-е изд. – Кампала: Fountain-Publishers Limited.
12. Окпе Э. Великая мировая держава как посредник в конфликтах в Африке. – Современная Гана, 2019. – С. 89–90.
13. Шамбоу Д. Китайско-американские стратегические отношения: от партнеров к конкурентам. – 2019. – С. 17.

НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Пахомов А.В., студент, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: Alexey17.01.01@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен непризнанных и частично признанных государств. Актуальность заключается в том, что в последнее время набирает тенденция увеличения числа самопровозглашенных государств. Перед такими «игроками» международных отношений стоит целый ряд вызовов: начиная от вопроса признания, заканчивая перспективами развития и «существования» как независимый субъект. Для данной работы использовались компаративистский и историко-аналитический методы. Рассматривается

как теоретическая сторона вопроса, так и практическая. Для первого исследовано само понятие «непризнанные государства», её различие от схожих терминов и её признаки. Для второго были подобраны и проанализированы ныне существующие территориальные образования как известные примеры непризнанных государств.

Ключевые слова: непризнанные государства, частично-признанные государства, признание, независимость, самопровозглашение

UNRECOGNIZED STATES IN THE MODERN WORLD

Pakhomov A.V., student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishev st.
E-mail: Alexey17.01.01@yandex.ru

Annotation. This article examines the phenomenon of unrecognized and limit-recognized states. The relevance is based in the fact that recently there has been a growing trend in the number of self-proclaimed states. These “players” in international relations face a number of challenges: from the issue of recognition to the prospects for development and “existence” as an independent entity. For this work, it is used comparative and historical-analytical methods. Both the theoretical side of the issue and the practical one are considered. For the first, the concept of «unrecognized states», its difference from similar terms and its features have been investigated. For the second, the currently existing territorial formations were selected and analyzed as well-known examples of unrecognized and limit-recognized states.

Keywords: unrecognized states, limit-recognized states, recognition, independence, self-proclamation

Теоретический контекст. В первую очередь стоит обратить внимание на то, что понятие ‘непризнанного государства’ является достаточно комплексным, ввиду многих параметров. Если разобраться в данном термине в общих чертах, то под непризнанными государствами понимаются политико-территориальные образования, обладающая признаками государственности, однако являющаяся дипломатически изолированной из-за отсутствия признания. Такая трактовка является условной, так как в международных отношениях встречаются другие схожие понятия: «частично признанные государства», «самопровозглашенные государства», «квазигосударства», «виртуальные государства». Предполагается, что все эти понятия синонимичны, однако они имеют скорее эмоциональное наполнение и указывают на один из существенных признаков государства: территорию, непризнанность, самопровозглашение [4, с. 83].

То же виртуальное государство изначально не рассматривается как независимая территория. Оно представляет собой скорее субъективное, эмоциональное желание: «Иногда это шутка, иногда – мошенничество, иногда – бегство от реальности, иногда – попытка отстоять свои убеждения» [22]. К тому же необязательно, что такое государство будет обладать каким-либо признаком,

будь то наличие законодательных актов, будь то территория. Примером такого государства является Силенд.

Под «частично признанными государствами» понимаются такие государства, которые не признаны самой ООН, однако признаны государствами-членами ООН, таким образом, их участие в международных отношениях ограничено правовым полем признающих их государств [8, с. 133].

Особым феноменом являются «квазигосударства». Они представляют собой государственные образования, созданные на основе международного договора или решения международной организации и представляет собой государство с ограниченной правоспособностью [29]. Отличие от других разновидностей непризнанных государств состоит в том, что его независимость признается на международном уровне, пусть и с некоторыми ограничениями. Примером такого государства является существовавший с 1920 по 1939 г. вольный город Данциг.

Разбор различных классификаций непризнанных стран имеет смысл во избежание вероятных путаниц. Чтобы более точно разобраться в том, что из себя представляют непризнанные государства, необходимо рассмотреть её свойства. К данному вопросу существует несколько подходов, позволяющие более точно понять суть непризнанных государств.

1. По мнению Н. Касперсен, при более детальном анализе непризнанные государства должны отвечать следующим критериям:

- они достигли независимости де-факто, включая контроль над территорией, и сумели поддерживать ее как минимум в течение двух лет;
- они не добились международного признания, либо их признали максимум несколько государств;
- они продемонстрировали стремление к полной (де-юре) независимости либо посредством формального провозглашения независимости, либо через референдум по вопросу о независимости [7, с. 7].

2. С. Маркедонов выделяет следующие характеристики непризнанного государства:

- декларативный характер их государственности, т.к. государства такого типа заявляют о своем фактическом суверенитете и обладают некоторыми важными атрибутами государства (территория, правительство, вооруженные силы, в некоторых случаях даже своя денежная система);
- их суверенитет обычно не имеет внешней легитимации (он не признается ни ООН, ни большинством государств-членов этой организации). Как следствие – невозможность полноценного участия в международной политике и внешнеэкономической деятельности;
- непризнанные государства всегда расположены на территории, которая рассматривается международным сообществом, как часть территории и суверенитета существующего признанного государства.

- окончательный их статус остается долгие годы неопределенным [11, с. 31].

3. И С. Марусин выделяет шесть признаков непризнанного государства:

- непризнанное государство осуществляет реальную власть на определенной территории с населением;

- органы власти непризнанного государства независимы в своих действиях от центрального правительства и иностранных государств;
- представители самопровозглашенного государства прямо заявляют о своей независимости;
- широкая поддержка идеи независимости среди населения непризнанного государства;
- самопровозглашенное государство создается на территории, имеющей статус, равноправный остальным частям территории государства-суверена, лицами, имеющими полный объем прав граждан данного государства;
- несмотря на реальное осуществление власти, наличие территории постоянно проживающего на ней населения, на поддержку этого населения, ни центральное правительство, ни иностранные государства не признают данное образование [14, с. 125].

На основании этих точек зрения можно сделать вывод о том, что они, в первую очередь, формируют основные свойства непризнанных государств. При сравнении характеристик, обращает внимание тот момент, что свойства либо дополняются, либо повторяются, но в иной трактовке. Можно сделать вывод, что основными характеристиками непризнанных государств являются наличие государственных признаков (территория, государственные символы, правительство, армия.) и непризнание иностранными государствами.

Непризнанные государства в наши дни. На сегодняшний день можно выделить следующие непризнанные государства: Приднестровская Молдавская республика (Транснистрия), Нагорный Карабах (Арцах), Луганская Народная Республика, Донецкая Народная Республика Федеративная Республика Амбазония [31], а также 7 государственных образований на территории Сомали: Сомалиленд, Галмудуг, Джубаленд, Пунтленд, Хиршабелле, Юго-Западное Сомали и Государство центральных регионов Сомали [13].

Помимо непризнанных государств на современной политической карте выделяются также и частично признанные государства. Их признает как минимум одно государство – член ООН. Среди таких образований выделяются следующие: Азад-Кашмир, Турецкая Республика Северного Кипра, Абхазия, Южная Осетия, Китайская Республика (Тайвань), Косово, Палестина и Западная Сахара.

В данной работе неслучайно был сделан акцент на таком наборе государств: они являются известными и актуальными примерами таких территориальных образований. Помимо этого, стоит выделить еще то, что на примере таких стран можно понять различия между непризнанными и частично признанными государствами мира.

Транснистрию признают такие же непризнанные и частично признанные государства: Нагорный Карабах, Абхазия и Южная Осетия. Официальная позиция Молдавии следующая: она рассматривает территорию Транснистрии как сепаратистскую организацию, а её территории являются оккупированными [9].

Нагорно-Карабахскую республику признают Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье. Территория, контролируемая Нагорно-Карабахской

республикой, является частью Азербайджана. На сегодня не получила признания со стороны государств-членов ООН и не является её членом. Для обозначения властей Нагорно-Карабахской республики как стороны конфликта в документах ООН и ОБСЕ, связанных с конфликтом, употребляется выражение «руководство Нагорного Карабаха», что не рассматривается как формальное признание какого-либо дипломатического или политического статуса региона [16].

Донецкую и Луганскую Народные Республики на данный момент признаются только Южной Осетией [28]. Украина признает эти территории как сепаратистские организации, оккупированные Российской Федерацией [17].

Стоит сделать важное пояснение: вышеперечисленные государственные образования, даже несмотря на факт признания другими, являются непризнанными. Дело в том, что частично признанные государства – это те государства, которые признаются хотя бы одним государством – членом ООН. Транснистрию, Арцах, а также ДНР и ЛНР нельзя отнести к частично признанным государствам даже с учетом признания независимости той же Южной Осетией. Конечно, она относится к частично-признанным государствам (об этом будет упомянуто ниже), но не является членом ООН. Аналогичная ситуация с Абхазией, которая тоже является частично-признанным государством.

Амбазония как независимое государство образовалось в 2017 году в результате протестов против централизации Камеруна и дискриминации англоязычного населения страны. Камерун признает данную территорию как преступную организацию, нарушающую законодательство этой страны. Суверенитет Амбазонии признавался различными окружными правительствами США и ЕС [39].

Особая ситуация обстоит в Сомали: из-за гражданской войны Сомали де-факто прекратило свое существование, распавшись на множество государственных образований, как независимых (Сомалиленд, Пунтленд), так и подконтрольных Федеральному Правительству Сомали (Галмудуг, Джубаленд).

Азад-Кашмир образовался в 1947–1948 годах в результате индо-пакистанской войны, поводом для которой послужила как раз принадлежность Кашмира. На сегодняшний день ситуация относительно принадлежности данной территории весьма спорна: Азад-Кашмир входит в состав Пакистана, хотя официально признаётся Пакистаном в качестве самоуправляемой территории со своим правительством [30]. Пакистан – единственная страна, признавшая независимость Азад-Кашмира. В то же время Индия претендует на данное образование, признавая её как часть территории бывшего штата Джамму и Кашмир. В 2019 году правительство Индии приняло решение исключить из Конституции Индии статью 370, наделявшую особым статусом северный штат Джамму и Кашмир, и внесло законопроект о разделении его на две союзные территории – Джамму и Кашмир и Ладакх [24].

Турецкая Республика Северного Кипра была образована как независимое от Кипра государство в результате турецкого вторжения в 1974 г. Признана независимой только Турцией, однако изначально её также поддерживали Пакистан и Бангладеш [33]. В 2004 году, когда Кипр вошёл в состав Евросоюза, данная территория была признана ЕС как часть Республики Кипра.

Абхазия и Южная Осетия ещё до 2008 года были формально независимыми, но еще непризнанными: В 1992 году в ходе южноосетинской войны с Грузией была провозглашена независимость Южной Осетии [3]. Абхазия провозгласила независимость после войны с Грузией 1992–1993 гг. Её конституция, в которой республика объявлялась суверенным государством и субъектом международного права, была принята Верховным Советом Республики Абхазия 26 ноября 1994 года. В ходе осетинской войны 2008 года международный статус двух территорий изменился: итогом пятидневной войны стало признание независимости Абхазии и Южной Осетии Российской Федерацией [25; 26]. Помимо России, независимость также признали Никарагуа [6], Венесуэла [27], Науру [21] и Сирия [12]. Кроме того, также независимость изначально признавали Вануату [1] и Тувалу [2], но спустя некоторое время отозвали это решение [5; 37]. Грузия рассматривает эти территории как часть своей территории, незаконно оккупированные Россией.

Тайвань представляет собой некогда бывшую территорию материковой Китайской Республики, однако после Гражданской Войны 1949 года, итогом которого стало образование КНР на территории материкового Китая, Гоминьдан бежало на Тайвань, где провозгласило там Китайскую республику, существующее и по сей день. До 1971 года Китайская Республика признавалась большинством государств и международных организаций как законная власть всего Китая. Однако после принятия, под давлением КНР, резолюции ООН о «праве представительства Китая», так называемая «Резолюция Ассамблеи ООН 2758», Китайская Республика была вынуждена покинуть ряды международной организации [19]. На данный момент Тайвань признают только 15 государств: Белиз, Ватикан, Гаити, Гватемала, Гондурас, Маршалловы Острова, Науру, Никарагуа, Палау, Парагвай, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Тувалу и Эсватини (бывший Свазиленд). Однако нельзя заявить, что Китайская Республика является дипломатически изолированной: она неформально сотрудничает со многими государствами, не признавшие официально как государство, путем экономических и культурных представительств. С данным государством возникает такой термин, как «Два Китая» – ситуация из разряда «одна страна – две системы», по которой дипломатическое сотрудничество может быть либо с КНР, либо с Китайской Республикой. Официально КНР и КР (Китайская республика) не признают суверенитет друг друга. Кроме того, Китай (КНР) выступает против принципа «Двух Китаев», утверждая, что земли, контролируемые и КНР и Китайской Республикой, являются частью одного и того же неделимого суверенного образования «Китай».

Западная Сахара провозгласила независимость в 1976 году. До этого события, данный регион сначала был испанской колонией (до 1975 г.), а затем была аннексирована Марокко и Мавританией (до 1979 г.). За всё время, начиная с 1976 года и по наше время, Сахарскую Арабскую Демократическую Республику признавали 84 государства: среди них есть государства: 1) признавшие, но не установившие официальные дипломатические отношения (Доминика [38]), 2) признавшие, но вскоре приостановившие дипломатические отношения

(Сейшелы [36]), 3) признавшие изначально, однако позднее разорвавшие отношения (Сербия и Черногория [35]). Кроме того, есть государства, которые, с одной стороны, не поддерживают независимость САДР, но с другой стороны, поддерживают право на самоопределение сахарского народа (например, Германия [32] или Норвегия [34]).

Государство Палестина было провозглашено 15 ноября 1988 года в Алжире на внеочередной сессии Национального совета Палестины, где в качестве правовой основы выступала резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 181 (II) от 29 ноября 1947 года о разделе Палестины на арабское и еврейское государства [20]. На сегодняшний день официально признано 138 государствами-членами ООН, однако не имеет статуса полноправного члена ООН, так как оно не признано 3 государствами – постоянными членами Совета Безопасности ООН: США, Великобритания и Франция. Израиль не признает Палестину как государство, опираясь на Конвенцию Монтевидео 1933 года, согласно которой государство, претендующее на международное признание, должно обладать четырьмя признаками: постоянным населением, определенной территорией, эффективным правительством и способностью вступать в отношения с другими государствами. Этим критериям Палестина, по мнению Израиля не соответствует. Так, по вопросу населения, позиция руководства Палестинской автономии представляется как противоречивая: претендуя на то, чтобы представлять интересы всех палестинцев, оно в то же время не намерено предоставлять гражданские права палестинским беженцам, в том числе живущим в секторе Газа и на Западном берегу Иордана [10].

17 февраля 2008 года Парламент Косова объявил о независимости территории в одностороннем порядке [15]. Однако история вопроса о независимости уходит корнями еще раньше. В 1945 году была образована на территории народной Республики Сербия Автономная область Косово и Метохия. После принятия конституции 1974 года, Косово получило широкую автономию, и стало одним из субъектов югославской Федерации. На данный момент независимость Косово признают 98 стран-членов ООН (также признавали 16 государств, позднее отозвавшие признание). Официально Россия не признаёт независимость [18]. Сербия также не признает Косово как независимое государство, сначала она выступала крайне радикально: вскоре после провозглашения независимости Косова было начато уголовное преследование президента, премьер-министра и председателя парламента Косова [23]. В 2016 году премьер-министр Сербии Александр Вучич заявил, что на тот момент единственным решением косовской проблемы было бы признание Сербией независимости Республики Косово, однако такой сценарий невозможен.

Таким образом, можно отметить, что на реальной современной политической карте мира есть не только сугубо непризнанные государства, но и частично признанные и дипломатически ограниченные государства.

Роль непризнанных государств в международных отношениях. Одним из ключевых параметров выступает факт признанности – какие государства могут принять самостоятельность того или иного государственного образования.

Основной целью образования таких государств является стремление народа самостоятельно определять свою политическую жизнь и жить в независимой территории. Необходимо также учесть и тот момент, что одной независимости будет недостаточно. Для дальнейшего существования непризнанные государства должны не только обладать признаками государственности и обладать необходимыми функциями и атрибутами власти, но и быть потенциальными субъектами международных отношений.

Так, территориальные образования в Сомали (без учета Сомалиленда) возникли во время гражданской войны и существуют сейчас, так как, во-первых, гражданская война продолжается, а во-вторых, Сомали потерял контроль над всеми областями, кроме Банадира – области с административным центром Могадишо – столицы Сомали. Как следствие государство распалось на автономные образования. Неизвестно, когда завершится гражданская война, но те территории, которые сейчас стали независимыми, вполне возможно войдут обратно в Сомали как подконтрольные правительству.

Иными словами, такие государственные образования будут заниматься скорее внутренними распрями, чем долгосрочной перспективой дальнейшего существования на политической карте.

Главной проблемой непризнанных государств как субъекта международных отношений является её непризнанность, из-за чего они остаются в дипломатической изоляции. Однако такое происходит, скорее на словах. На деле, как в случае с Китайской Республикой, возможно и неформальное сотрудничество.

Тем не менее, непризнанные государства способны играть не последнюю роль в международных отношениях. Несмотря на то, что такие образования могут быть экономически слабыми, дипломатически изолированными или политически пассивными, они смогут выступать в качестве «буфера» внешнеполитических процессов между странами, выступая “катализатором действий” крупных “игроков” геополитики и международных отношений: России, США, Китая, Индии и так далее. Дальнейшая перспектива существования подобных образований будет зависеть не столько от факта самого признания теми или иными государствами, сколько от взаимодействия и сотрудничества с ними.

Список литературы

1. Абхазию признали на островах Вануату // Лента.ру – 2011. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2011/05/31/triumph/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 04.05.2021).

2. Абхазию признало государство Тувалу // Лента.ру – 2011. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2011/09/23/tuvalu/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 04.05.2021)

3. Акт провозглашения независимости Республики Южная Осетия. – Режим доступа: http://osinform.org/1646-akt_provozglasheniya_nezavisimosti_respubliki_juzhnaja_osecija_5032.html, свободный. – Яз. рус. (дата обращения: 04.05.2021).

4. Большаков А. Г. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья // Международные процессы. – 2007. – № 3. – С. 83–88.
5. Глава МИД Вануату подтвердил «территориальную целостность» Грузии // EurAsia Daily. – 2019. – Режим доступа: <https://eadaaily.com/ru/news/2019/03/15/glava-mid-vanuatu-podtverdil-territorialnuyu-celostnost-gruzii>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 04.05.2021).
6. Даниэль Ортега заявил о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. // РИА. – 2008. – Режим доступа: <https://ria.ru/20080903/150944576.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 04.05.2021).
7. Добронравин Н. А. Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации // Препринт М-21/11. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. – 56 с.
8. Жмилевский В. Д. Непризнанные и частично признанные государства: географические аспекты исследований // Молодой учёный. – 2016. – № 30 (134). – С. 133–135.
9. Закон № 173 от 22.07.2005 об основных положениях особого правового статуса населенных пунктов левобережья Днестра (Приднестровья) – Режим доступа: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=313004&lang=1>, свободный – Яз. мол./рус. (дата обращения: 22.04.2021).
10. Израиль обосновал отказ признать палестинское государство // Лента.ру. – 2011. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2011/10/11/arguments/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 05.05.2021).
11. Маркедонов С. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства. Аналитические доклады Института Кавказа, №5, январь 2012 / науч. ред. А. Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2012. – 180 с.
12. Максимова Е. Н. Политические элиты как ведущий фактор цветных революций на постсоветском пространстве // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 116–129.
13. Отчет EASO Информация о стране происхождения Сомали — Ситуация в сфере безопасности. – 2017. – Режим доступа: <https://www.refworld.org.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 22.04.2021).
14. Осипова С. А. Непризнанные государства как политико-правовой феномен: теоретико-методологический аспект // Вестник СевНТУ. – 2011. – С. 124–127.
15. Парламент Косова объявил о независимости края // Вести. – 2008. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/2213446>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 05.05.2021).
16. Письмо постоянного представителя Италии при Организации Объединенных Наций от 1 октября 1993 года на имя председателя Совета

Безопасности. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/26522>, свободный – Яз. рус. (дата обращения: 22.04.2021).

17. Про визнання окремих районів, міст, селищ і сіл Донецької та Луганської областей тимчасово окупованими територіями. Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254-VIII#Text>, свободный. – Яз. укр. (дата обращения: 22.04.2021).

18. Путин: Нам всегда говорят: в Косово – особый случай. Вранье это все // Российская газета. – 2008. – Режим доступа: <https://rg.ru/2008/02/14/putin-kosovo-anons.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 05.05.2021).

19. Резолюция № 2758. Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в ООН. Генеральная ассамблея – двадцать шестая сессия. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/2758%28XXVI%29>, свободный. – Яз. рус. (дата обращения: 19.05.2021).

20. Резолюция ГА ООН № 181/II. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/181%28II%29>, свободный. – Яз. рус. (дата обращения: 05.05.2021).

21. Республика Науру признала независимость Южной Осетии // Лента.ру – 2009. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2009/12/16/nauru/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 04.05.2021).

22. Сам себе король, сам себе страна / П. Овчинников // ЗОНАКЗ – 2009. – Режим доступа: <https://zonakz.net/2009/04/29/сам-себе-король-сам-себе-страна>, свободный – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 22.04.2021).

23. Сербия начинает уголовное преследование руководителей самопровозглашенного Косова // 1 Канал. – 2008. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20090917073225/http://www.1tv.ru/owa/win/ort6_main.main?p_news_title_id=116939&p_news_razdel_id=9, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 05.05.2021).

24. Смена статуса: почему Джамму и Кашмир перестал быть штатом / Алексей Куприянов // Известия. – 2019. – Режим доступа: <https://iz.ru/906977/aleksei-kupriyanov/smena-statusa-pochemu-dzhammu-i-kashmir-perestal-byt-shtatom>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 19.05.2021).

25. УКАЗ Президента РФ от 26.08.2008 № 1260. – Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=47559>, свободный. – Яз. рус. (дата обращения: 04.05.2021).

26. УКАЗ Президента РФ от 26.08.2008 № 1261. Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=47560>, свободный. – Яз. рус. (дата обращения: 04.05.2021).

27. Чавес поддержал Россию. // Интерфакс. – 2008. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/29946>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 04.05.2021).

28. Южная Осетия признала независимость Луганской народной республики // РИА. – 2014. – Режим доступа: <https://ria.ru/20140618/1012604231.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 22.04.2021).

29. Юридическая энциклопедия. КВАЗИГОСУДАРСТВА – Режим доступа: <http://law.niv.ru/doc/encyclopedia/legal/articles/65/kvazigosudarstva.htm>, свободный – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 22.04.2021).

30. Azad-Kashmir // Britannica. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/place/Azad-Kashmir>, свободный. – Яз. англ. (дата обращения: 04.05.2021).

31. Cameroon's English-speakers call for independence / Azad Essa // Aljazeera. – 2017. – Режим доступа: <https://www.aljazeera.com/news/2017/10/1/camerouns-english-speakers-call-for-independence>, свободный – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 22.04.2021).

32. German Parliament calls Morocco to the implementation of the UN's plan for the self-determination of the Saharawi People // Sahara Press Service. – 2004. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20041211191519>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 05.05.2021)

33. Is Now the Time for a Cyprus Deal? / Michael Rubin // Commentary Magazine. – 2014. – Режим доступа: <https://www.commentarymagazine.com/michael-rubin/is-now-the-time-for-a-cyprus-deal/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 04.05.2021).

34. "Norway supports Saharawi people's right to self-determination", declares, Mr. Johansen // Sahara Press Service. – 2006. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20081203132009/http://www.spsrasd.info/sps-e141006.html#4>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 03.12.2021).

35. Serbia-Montenegro withdraws recognition of Sahara Republic // Arabicnews. – 2004. – Режим доступа: <http://www.arabicnews.com/ansub/Daily/Day/041027/2004102716.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 05.05.2021).

36. Seychelles withdraws recognition for SADR // afrik-news. – 2008. – Режим доступа: <https://www.afrik-news.com/news11537.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 05.05.2021).

37. Tuvalu re-establishes ties with Georgia // RNZ. – 2014. – Режим доступа: <https://www.rnz.co.nz/international/programmes/datelinepacific/audio/2593103/tuvalu-re-establishes-ties-with-georgia>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 04.05.2021).

38. Western Sahara: President of Republic Congratulates President of Dominica On National Day // allAfrica – 2015. – Режим доступа: <https://allafrica.com/stories/201511022063.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 05.05.2021).

39. Will 'Ambazonia' become Africa's newest country? / Chrispin Mwakideu // DW. – 2017. – Режим доступа: <https://www.dw.com/en/will-ambazonia-become-africas-newest-country/a-40780904>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 22.04.2021).

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ТУРЦИИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Бедаев А.И., кандидат философских наук, Астраханский государственный университет

414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: sascha.bolgow2012@yandex.ru

Михайлова Е.А., кандидат социологических наук, доцент, Астраханский государственный университет

414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: elmikh@mail.ru

Аннотация. Крупными внешними акторами, преследующими в прикаспийском регионе разные цели, являются США, Европейский Союз, Турция, Иран и КНР. Россия, США, Евросоюз и КНР играют глобальную роль, Турция и Иран претендуют на роль региональной державы.

Внешнеполитическая стратегия Турции заключается в формировании блока тюркоязычных стран под своей эгидой в рамках политики пантюркизма и неоосманизма. Концепция неоосманизма предусматривает развитие внешней политики современной Турции в связи с историческим наследием «великого оттоманского прошлого» с целью возвращения влияния в современных реалиях.

Ранее Турция придерживалась стратегии прозападного внешнеполитического курса и довольствовалась ролью «младшего партнера» США в блоке НАТО, теперь перешла к многовекторной международной политике. Это привело к повышению внешнеполитической напряженности в регионе и конфронтации.

Пантюркизм как внешнеполитическая стратегия предполагает объединение под руководством Турции родственных в этническом отношении этносов, народов и стран, что позволит Турции претендовать в новых геополитических условиях на положение региональной державы. Основными направлениями пантюркистской интеграции являются кавказско-каспийское и центрально-азиатское. Интеграция по этим направлениям рассматривалась как условие культурного взаимодействия на базе тюркской литературы, формирования единой идеологии и политики, а также обеспечения Турции источниками рабочей силы, сырья и рынка сбыта турецких товаров.

Происходит не только возврат к партюркистским идеям, но и формируются ценности неоевразийства. Доктрина «стратегической глубины» Ахмета Давутоглу предполагает новую модель мира, которой Турция играет роль центрального государства макрорегиона Афро-Евразия.

Ключевые слова: внешнеполитические интересы, пантюркизм, неоосманизм, евразийство, Каспийский регион

FOREIGN POLITICAL INTERESTS OF TURKEY IN THE CASPIAN REGION

Bedaev A.I., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.
E-mail: sascha.bolgow2012@yandex.ru

Mikhailova E.A., Ph.D. (Sociology), Associate Professor, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.
E-mail: elmikh@mail.ru

Annotation. The article considers the issue of Turkey's interests in the Caspian region.

The European Union, Turkey, Iran and the PRC pursue different goals in the Caspian region. Russia, the United States, the European Union and the PRC play a global role, Turkey and Iran claim to be a regional power.

Turkey's foreign policy strategy is to form a bloc of Turkic-speaking countries within the framework of the policy of pan-Turkism and neo-Ottomanism. The concept of neo-Ottomanism provides for the development of the foreign policy of modern Turkey in connection with the historical legacy of the "great Ottoman past" with the aim of returning influence in modern realities.

Earlier, Turkey adhered to the strategy of a pro-Western foreign policy, now it has switched to a multi-vector international policy. This led to an increase in foreign policy tension in the region and confrontation.

Pan-Turkism as a foreign policy strategy presupposes the unification of kindred ethnic groups, peoples and countries under the leadership of Turkey. The main directions of pan-Turkic integration are Caucasian-Caspian and Central Asian. Integration is a condition for cultural interaction based on Turkic literature, the formation of a single ideology and policy, as well as providing Turkey with sources of labor, raw materials and a market for Turkish goods.

There is not only a return to Party-Turkic ideas, but also the values of neo-Eurasianism are being formed. The doctrine of "strategic depth" by Ahmet Davutoglu assumes a new model of the world, in which Turkey plays the role of the central state of the Afro-Eurasia macro-region.

Keywords: foreign policy interests, pan-Turkism, neo-Ottomanism, Eurasianism, the Caspian region

В последние десятилетия изменение геополитической ситуации в зоне Прикаспия, начавшееся с распада СССР, привело к образованию независимых государств, и последующему изменению их роли в международных отношениях. Традиционные региональные державы (Россия и Иран) стали действовать в условиях усложнения региональных межгосударственных взаимодействий базе экономических, этносоциальных этноконфессиональных и социокультурных связей, военно-политических альянсов и союзов.

Сложность геополитического положения Каспия определяется тем, что проходящие через регион транзитные и транспортные направления аккумулируют и связывают Северный и Южный Кавказ и Центральную Азию. В результате бассейн Каспийского моря начинает рассматриваться в гораздо более широком формате, включая сопредельные страны, например, Турцию, Армению, Грузию, Узбекистан, Афганистан и страны Ближнего Востока [10, с. 56–58].

Кроме того, крупными внешними акторами, преследующими в регионе разные цели, являются США, Европейский Союз и КНР [7].

КНР и ЕС присутствуют в регионе преимущественно с экономическими целями с разной степенью влияния на экономику и контроля за добычей энергоресурсов. Политические интересы США могут отстаиваться как финансовыми, так и военными инструментами.

Активность внешних акторов в Каспийском регионе приводит к милитаризации и снижению политической стабильности и политическим конфликтам. Обостряются вопросы использования недр Каспия, что блокирует инвестиционную активность и разработку месторождений. Государства региона со сравнительно слабыми экономиками попадают в зависимость от деятельности внешних акторов как в сопредельных Каспию регионах, так и в глобальном масштабе. Это порождает зависимость внутривнутриполитической и внутриэкономической стабильности стран региона от конкуренции и взаимодействия между глобальными международными акторами (Россия, США, Евросоюз, КНР) и странами, претендующими на роль региональной державы (Турция, Иран) [15, с. 120].

Внешняя политика Турции в регионе активизируется в начале 90-х гг. XX века, после распада СССР и значительного ослабления Ирака в результате войн в Персидском заливе. Это было связано с намерением Турции сформировать блок тюркоязычных стран под своей эгидой в рамках политики пантюркизма и неоосманства [12, с. 104–110].

США восприняли «турецкий щит» как противовес исламскому фундаментализму Ирана [11, с. 163].

Концепция неоосманства предусматривает развитие внешней политики современной Турции в связи с историческим наследием «великого оттоманского прошлого» с целью возвращения влияния в современных реалиях.

Это отразилось во внутренней и внешней политике правящей Партии справедливости и развития (ПСР). Законодательные и экономические реформы стабилизировали экономическую ситуацию в стране и привели к снижению роли военной элиты. Во внешней политике выросло значение позиции исламистов, которые стали стремиться вернуть Турции исламскую идентичность и восстановить главенствующую роль Турции в международных отношениях. Эти идеи выразил министр иностранных дел, а позднее премьер-министра Ахмет Давутоглу [8, с. 18, 19].

Если ранее Турция придерживалась стратегии прозападного внешнеполитического курса и довольствовалась ролью «младшего партнера» США в блоке НАТО, то ПСР перешла к многовекторной международной политике [9, с. 33].

Это неизбежно привело к повышению внешнеполитической напряженности в регионе и конфронтации [2, с. 8].

Пантюркизм как внешнеполитическая стратегия предполагает объединение под руководством Турции родственных в этническом отношении этносов, народов и стран, что позволит Турции претендовать в новых геополитических условиях на положение региональной державы. Основными направлениями пантюркистской интеграции являются кавказско-каспийское и центрально-азиатское. Интеграция по этим направлениям рассматривалась как условие культурного взаимодействия на базе тюркской литературы, формирования единой идеологии и политики, а также обеспечения Турции источниками рабочей силы, сырья и рынка сбыта турецких товаров.

Тюркские государства региона воспринимали турецкую инициативу как возможность наладить партнерские отношения с коллективным Западом через Турцию. Однако элиты независимых государств не захотели возвращаться к системе, аналогичной опыту жизни в СССР, а отсутствие единой идентичности и слишком различные интересы стран не позволили сформировать единую позицию даже по принципиальным вопросам.

Взаимный чрезмерный энтузиазм вскоре сменился более прагматичным подходом. Турция не рассматривает планы открытой внешнеполитической экспансии, и перешла к культурному взаимодействию на идеологической основе пантюркизма. Предполагается в перспективе формирование единого моноэтнического суперэтноса тюрков с общим языком и культурой. Культурное влияние станет базой геополитического влияния и интеграции в тюркском мире [3, с. 68].

С этой целью по инициативе Турции проводятся различные общетюркские мероприятия, например, съезды тюркоязычных государств и народов, в работе которых принимают участие делегации постсоветских республик Прикаспия и делегаты из тюркоязычных российских регионов [11, с. 165].

В качестве внешнеполитического инструмента Турции в постсоветской части тюркского мира выступают тюркские организации. За три постсоветских десятилетия Турецкая Республика создала более 10 крупных организаций, осуществляющих как социально-политическую, экономическую с различной специализацией (экономическая, политическая, культурно-образовательная). Отмечается, что более значительные функции возлагаются культурные организации и центры, по сравнению с институтами, влияющими на экономическое взаимодействие [1, с. 14].

Начало организационному строительству тюркских международных институций было положено в октябре 1992 года, когда состоялся первый «Саммит тюркоязычных государств».

Саммит проводится регулярно, в 2021 году он прошел в режиме видеоконференции. Участвовали Турция, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Азербайджан и Венгрия в качестве наблюдателя. Туркмения также приняла приглашение участвовать в саммите.

Со стороны государства курирование международных связей в тюркском мире осуществляет основанное в 1992 году Турецкое Агентство по международному сотрудничеству и развитию (ТИКА).

В июле 1993 года в казахстанской столице Алма-Ате было подписано приглашение об учреждении Международной организации тюркской культуры - ТЮ РКСОЙ, в которую вошли Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Турция и Туркменистан. Позднее ТюрКСОЙ вошла в состав Тюркского совета.

Также в рамках тюркского мира действуют Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (Азербайджан, Турция, Казахстан и Киргизия), Тюркский совет, и институции в рамках военно-политических блоков – Вооруженные силы тюркоязычных стран и Тюркский военный совет.

Как уже было сказано выше, самые важные функции выполняют турецкие культурные и общественно-просветительские организации. Одним из самых известных примеров являются центры культуры имени Юнуса Эмре. Они действуют в огромном числе стран – и в Европе, и в Центральной Азии, и на Ближнем Востоке, и в Африке. В России подобный центр открыт в столице Татарстана Казани.

Также на территории России действовала организация политического противника Р. Эрдогана харизматичного исламского проповедника Фетхуллага Гюлена движение «Хизмет». В течение нескольких десятилетий он проводил в Турции образовательные программы и проекты, выпускники которых получали удачный старт в органы образования и власти.

Надо отметить, что тюркские регионы Российской Федерации всегда представляют особый интерес для Турции как значительная часть тюркского мира. Была начата культурно-образовательная экспансия, охватившая не только традиционно тюркские субъекты Федерации, но и российские мегаполисы Москву и Санкт-Петербург. В результате проверок Рособнадзора и Генеральной прокуратуры РФ обнаружилось, что преподаватели «турецких лицеев» не имеют педагогической подготовки, а используемая литература была признана экстремистской.

В 2008 году Верховный суд Российской Федерации обвинил «Хизмет» в незаконной деятельности и приостановил его деятельность в России. А впоследствии были закрыты турецкие школы [14].

Отношения Российской Федерации и Турецкой Республики за последние десятилетия прошли через целый ряд критических точек. Основными причинами периодических кризисов в отношениях являются соперничество Турции и России в процессе урегулирования кризиса в Сирии, поддержка сторон в карабахском конфликте и планы Турции по строительству сооружений, которые геостратегическую значимость Стамбула. Особое значение приобретают планы строительства грандиозного искусственного канала, параллельного проливу Босфор из Черного моря в Мраморное, которое, по заявлениям президента Турции Реджеп Тайип Эрдоган, будет дублировать существующие транспортные артерии, при этом морское сообщение через канал не будет подпадать под действие Конвенции Монтре, что может отразиться на международно-правовой режиме в регионе. Заинтересованность Турции в проекте вызвана желанием

вписать свою новую транспортную артерию в возникающие глобальные транспортно-логистические цепочки из Юго-Восточной Азии в Европу

Пока не все детали этого плана прояснились, но уже понятно, что строительство канала может создать новые риски и угрозы безопасности России.

Посредником среди стран с преимущественно тюркоязычным населением для проведения турецкого курса на Каспии и в Центральной Азии особое значение имеет Азербайджан, который в перспективе рассматривается как форпост Турции в регионе. Азербайджан и Турция в 2010 году заключили Договор о стратегическом партнерстве и взаимной помощи [8, с. 130–131].

Положение Азербайджана в отношениях с Турцией определяется рядом факторов. С одной стороны, Турция в значительной степени зависит от собственных энергетических ресурсов Азербайджана и условий транзита в Европу. С другой стороны, Баку опирается на поддержку Турции в Нагорно-Карабахском конфликте с Арменией и интеграции Азербайджана в мировые экономические процессы, в ответ не признавая турецкий геноцид армян в 1915 году. В последние годы наметились интеграционные процессы в отношениях Азербайджана и Турции.

В то же время положение Азербайджана на перекрестке геополитических интересов Турции и России позволяет ему до некоторой степени лавировать. [12, с. 108].

В июне 2018 года на Сангачальском терминале «Южного газового коридора» при поддержке США, Турции и ЕС был открыт центральный пункт для сбора, обработки и экспорта всего газа, добываемого на месторождениях Каспийского моря, и перевалки нефти из Казахстана и Туркменистана в Турцию и далее в Европу.

Поднимаются вопросы экономических выгод и политической целесообразности открытия новых маршрутов транспортировки газа через Азербайджан, с участием всех газодобывающих стран каспийского региона, с возникновением в перспективе кольцевой единой газопроводной системы «Азербайджан-Турция-Азербайджан» [4, с. 17–20].

Особенное место во внешней политике Турции занимают турецко-крымские отношения. Турцию связывают с Крымом давние исторические и социокультурные связи. Распространение влияния на Крым, ввиду стратегического значения полуострова в Черноморском регионе, позволило бы Турции закрепить свое положение важного актора в Черноморско-Прикаспийском регионе.

Присоединение Крыма оказало стимулирующее воздействие на процесс этнополитической мобилизации крымских татар, которые рассматривают себя как главного этнополитического субъекта региона. Исторические, культурные и языковые связи способствуют политическим связям турецкой и крымско-татарской сторон. Турецкая политическая элита старается принимать активное участие в этнополитической мобилизации крымских татар в контексте неоосманизма. Принадлежность крымских татар к тюркской группе создает почву для воздействия крымских татар в рамках «soft power» через поддержку националистических настроений и религиозных групп [5, с. 180].

Общая численность представителей тюркских народов оценивается примерно в 12,6 миллионов человек (при этом происходит рост численности группы с 1989 до 2010 г. на 8,6 %) [6, с. 11–24].

Тюркоязычные постсоветские государства показывают разные векторы экономического развития. Азербайджан демонстрирует диверсификацию международных экономических связей, центрально-азиатские республики – возрастающую внешнеэкономическую сопряженность с Турцией и Китаем

Турецкая Республика для них является мощным геополитическим магнитом. Эта притягательность обусловлена не только культурными, демографическими, экономическими причинами, но и тем, что турецкий внешнеполитический проект, который так же как и российский, имеет евразийский вектор.

В турецком варианте евразийская идея, впрочем, имеет несколько отличное от российской наполнение.

Турецкая политическая элита в 1990-е и 2000-е гг. изменила отношение к этому концепту [16]. Так же, как и для России, евразийство – не столько географическое, сколько социокультурное понятие. В турецком понимании евразийство полифонически интегрирует элементы пантюркизма, панисламизма, тюркизма и неоосманизма. Каждый из этих подходов формирует идеологическую базу регионального лидерства Турции. Турецкий подход определяет концепт Евразии как географическое мета-пространство – вплоть до Афро-Евразии, разумеется, с обоснованием главенствующей роли Турции в таком огромном регионе от Ближнего Востока, через Балканы на Кавказ и до Центральной Азии (что совпадает с границами Османской империи и выходит за ее пределы вплоть до Монголии). Таким образом обосновывается особенное геополитическое значение Турции в глобальной мир-системе.

Продвижение идей евразийства в тюркских регионах постсоветского пространства сопрягался с популяризацией «Турецкой модели». Была сделана попытка конвертировать успешный опыт социально-экономического развития Турции в планы и стратегии успеха постсоветских тюркских стран.

С точки зрения России рост идей пантюркизма и «продвижение турецкости» создавал стратегические угрозы национальным интересам страны за счет роста националистических настроений в регионах.

Впоследствии обозначился более прагматический подход к пантюркизму и евразийству, а концепт Евразии стал восприниматься инструментально, как способ повышения политического Турции для вступления в ЕС.

Турция стала позиционироваться как посредник между Европой и Азией, медиатором в отношениях ЕС и США с постсоветскими государствами евразийского региона.

Когда стала понятна ограниченность турецкого влияния постсоветские страны, евразийский вектор внешней политики Турции был переосмыслен как геоэкономический концепт (с упором на экономику и энергетику). Это проявилось участии России, Запад и Турции в процессе создания региональной системы трубопроводов для транспортировки нефти и газа. Запад стал активно продвигать проекты, снижающие энергетическую монополию России через

вовлечение Турции за счет ее стратегического геополитического положения (например, проекты нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, Западно-Восточного энергетического коридора).

В Анкаре возникла идея новой геоэкономической роли Турции и «мирового энергетического хаба» как инфраструктурного терминала, который позволит перебрасывать энергоресурсы Прикаспия на Запад. Эти идеи Демиреля были активно использованы новым правительством Партии справедливости и развития (ПСР) во второй половине 2000-х гг. Тогда же появились идеи «евразийского союза» Турции с Россией.

После прихода к власти Р.Т. Эрдогана окончательно сформировалась идея Турции как «центральной державы» мировой, достижение чего предполагалось за многоходового расширения влияния Турции на глобальном и региональном уровне. Особое значение придавалось отношениям Турции со странами «османского ареала» и развитию связей с мусульманскими государствами, что позволило определить внешнюю политику Турции как «неоосманистскую». Османское наследие стало рассматриваться как основа выстраивания отношений с другими странами.

В 2000 годы развитие двусторонних отношений Москвы и Анкары стали рассматриваться как стремление Москвы включить Турцию в «Евразийскую ось», создаваемую Россией, Китаем, Индией и Ираном. В Турции идеи евразийства становились все более антизападными, рассматривались как защита турецкого «национального государства».

Стало очевидным зависимость трактовки евразийства от успешности переговоров с ЕС. Чем хуже ситуация на переговорах, тем активнее обсуждается в турецком политическом дискурсе евразийство, как как альтернативный Европе глобальный интеграционный проект. В этом опять проявились сугубо прагматические внешнеполитические мотивы Турции.

Впоследствии экономические интересы на постсоветском тюркском пространстве дополнились идеологическими смыслами – не только возврат к историческим партюркистским идеям, и но ценности неоевразийства. Доктрина «стратегической глубины» Ахмета Давутоглу предполагает не просто интеграцию постсоветских тюркских республик под эгидой Турции, а новую модель мира, которой Турция играет роль центрального государства макрорегиона Afro-Eвразия, включающего Прикаспий.

Список литературы

1. Аватков В. А. Тюркский мир и тюркские организации // Мировая политика. – 2018. – № 2. – С. 11–25.
2. Аватков В. А., Кочкин М. С. Основные направления кризиса во внутренней и внешней политике Турецкой Республики // Вестник МГИМО. – 2016. – № 2 (47). – С. 7–14.
3. Бурашникова А. Б. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Изв. Саратов. ун-та. Сер. История. Международные отношения. – 2013. – Т. 13, вып. 2. – С. 65–69.

4. Гасумов Э. Р. Азербайджан становится региональным энергетическим хабом // *German International Journal of Modern Science*. – 2021. – № 6. – С. 17–20.
5. Григорян Д. К., Кондратенко Е. Н., Фарапонова Т. К. Этнополитическая мобилизация крымских татар в контексте интересов турецкой элиты // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. – 2020. – № 2. – С. 178–182.
6. Дружинин А. Г. Евразийский вектор развития современной России: тюркская составляющая // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. – 2018. – Т. 4 (14), вып. 4. – С. 11–24.
7. Косов Г. В., Татарков Д. Б. Ближневосточный узел Большого Средиземноморья в контексте элитологического анализа // *Вопросы элитологии*. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 111–129.
8. Маврина Ю. В. Концепция Давутоглу и ее влияние на внешнюю политику Турции (2001–2011 гг.) : дис. ... канд. истор. наук. – Саратов, 2014. – 213 с.
9. Мехдиев Э. Т. Неосманизм в региональной политике Турции // *Вестник МГИМО*. – 2016. – № 2 (47). – С. 32–39.
10. Михалёва М. Каспий – зона соперничества или сотрудничества? // *Обозреватель-Observer*. – М., 2009. – № 10. – С. 52–60.
11. Надеин-Раевский В. А. Восточный вектор политики Турции // *Азия и Африка в современной мировой политике: сб. ст. / отв. ред. Д. Б. Малышева, А. А. Рогожин*. – М. : ИМЭМО РАН, 2012. – 203 с.
12. Пестрецов А. Р., Бабиров И. М. Азербайджано-турецкие отношения: достижения и проблемы // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. – 2017. – № 1 (41). – С. 104–110.
13. Сулейманов Геополитическая борьба России, Турции и Ирана в Центральной Азии и Закавказье // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. – 2013. – № 4. – С. 5–12.
14. Сулейманов Р. Р. Татаро-турецкие лица в Татарстане как проводники идеологии Фетхуллага Гюлена // *Современные евразийские исследования*. – 2016. – № 1. – С. 78–84.
15. Черницына С. Ю. Роль внерегиональных государств на Каспии // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2017. – № 8 (62). – Часть 1. – С. 119–122.
16. Шлыков П. В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // *Сравнительная политика*. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 58–76.

**СОТРУДНИЧЕСТВО КАЗАХСТАНА И КИТАЯ
НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
В РАМКАХ ПРОГРАММЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»**

Джанталеева М.Ш., доцент кафедры, Астраханский государственный университет

414056, Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: lady.jantaleewa@yandex.ru

Аннотация. В статье выявляется специфика сотрудничества Казахстана и Китая по вопросам сотрудничества в рамках программы «Один пояс – один путь». Казахстан является одним из крупнейших торговых партнеров КНР в Центральной Азии. Именно географическое положение Республики Казахстан делает его главным мостом между Китаем в европейскую часть континента.

Ключевые слова: интеграция, международные отношения, геополитика, государство, евразийское пространство, национальные интересы

**COOPERATION BETWEEN KAZAKHSTAN AND CHINA
IN THE EURASIAN SPACE WITHIN THE FRAMEWORK
OF THE «ONE BELT, ONE ROAD» PROGRAM**

Dzhantaleeva M.Sh., associate professor, Astrakhan State University

414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.

E-mail: lady.jantaleewa@yandex.ru

Annotation. This article reveals the specifics of cooperation between Kazakhstan and China on cooperation within the framework of the "One Belt, One Road" program. Kazakhstan is one of the largest trading partners of the People's Republic of China in Central Asia. It is the geographical location of the Republic of Kazakhstan that makes it the main bridge between China and the European part of the continent.

Keywords: Integration, international relations, geopolitics, state, Eurasian space, national interests

Ключевыми предпосылками возникновения инициативы «Один пояс – один путь» китайские эксперты называют возникшую необходимость смены парадигмы мирового развития, а также готовность и способность КНР возглавлять подобные перемены. В случае успешной реализации данного проекта глобальный статус Китая на международной арене окончательно закрепится, в свою очередь, китайские эксперты видят в этом важное историческое значение данной внешнеполитической стратегии [11, с. 89].

По словам китайского руководства, историческим прототипом инициативы ЭПШП является древний Великий Шелковый путь, который представляет собой совокупность торговых караванных маршрутов из Китая в Европу и действовавших в период со 2 в. до н. э. до 15 в. и проходивших по территории современных Кыргызстана, Казахстана, Монголии, Индии, Турции, Ирана и Греции [7, с. 11].

Законодательные основы китайской инициативы обозначены в документе озаглавленным как: «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21 в». Данный документ был создан Министерством иностранных дел и Министерством торговли Китая по поручению Госсовета КНР Государственный комитет по делам развития и реформ в марте 2015 г. [4, с. 14].

Си Цзиньпин предложил пять необходимых основных мер для развития ЭПШП. Во-первых, усилить активность политического взаимодействия государств, с целью продвижения региональной экономической интеграции. Во-вторых, ускорить строительство единой дорожной сети, это позволило бы сформировать транспортную магистраль от Тихого океана до Балтийского моря. В-третьих, укреплять инвестиционное сотрудничество и торговые связи, путем разработки схему ликвидации различных барьеров для повышения скорости и качества экономических операций в регионе. В-четвёртых, расширить применение национальных валют в расчётах по текущим и капитальным операциям, что снизит денежные издержки, защитит финансовые системы стран от рисков, а также повысит конкурентоспособность региональной экономики. В-пятых, укреплять сотрудничество в области гуманитарной сферы гуманитарное, способствовать взаимопониманию и дружбе между народами, чтобы «обеспечить социальную базу для развития регионального сотрудничества» [2].

Совместное строительство инициативы «Пояса и пути» направлено на объединение Азии, Европы, Африки, налаживанию и укреплению партнерских связей между странами, для сотрудничества между государствами, расположенными вдоль данного маршрута. Сбалансированное и устойчивое развитие «Пояса и пути» – это путь к взаимовыгодному сотрудничеству, который способствует общему развитию и общему процветанию, это путь к миру и дружбе, который способствует взаимопониманию и доверию и укрепляет всесторонние обмены. Правительство Китая предлагает отстаивать концепции мирного сотрудничества, открытости, взаимной выгоды и взаимовыгодных результатов, содействовать прагматическому сотрудничеству по всем направлениям.

Географические рамки проекта ЭПШП остаются размытыми, программа имеет довольно абстрактный характер. Однако основной фокус направления проходит через Центральную Азию в Россию и Европу, через Центральную и Западную Азию в государства Персидского залива и Средиземноморья, в Юго-Восточную и Южную Азию к Индийскому океану. В свою очередь Морской Шелковый путь имеет два направления: Китай - Европа через Южно-Китайское море и Индийский океан и через Южно-Китайское море в южную часть Тихого океана [12, с. 121].

Инициатива ЭПШП направлена на создание континентального моста, соединяющего Европу и Азию. Стратегия направлена на реализацию следующих экономических задач:

– создание развитой транспортной инфраструктуры, направленной на поставку товаров (прежде всего товаров из Китая) на рынки России, Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, в страны Европы;

– увеличить масштабы сотрудничества для упрощения таможенных, визовых процедур, с целью облегчения деятельности предпринимателей (как китайских, так и государства региона);

– повысить уровень объема взаимной торговли со всеми государствами региона [14, с. 23].

Также стоит отметить, что программа «Один пояс – один путь» открыта для любых государств, международных и региональных организаций, с целью сотрудничества.

План действий по реализации программы ЭПШП был опубликован в марте 2015 г., соответственно и осуществление данной инициативы началось в 2015 г. Поэтому оценивать итоги инициативы «Один пояс – один путь», в плане влияния на казахстанско-китайское сотрудничество, следует за период, начавшийся с 2015 г. [9].

На данный момент на территории Казахстана идет активное строительство инфраструктуры, предназначенной для реализации инициативы ЭПШП: были построены уже больше 1300 км дорог, подошло к концу строительство железнодорожной магистрали «Жетыген – Хоргос», а железнодорожный переход «Алтынколь – Хоргос» активно эксплуатируется, его пропускная способность составляет до 20 млн. т грузов [3, с. 112].

В рамках реализации ЭПШП также были проложены железнодорожные пути на участках «Жезказган – Саксаульская» и «Шалкар – Бейнеу», это способствовало сокращению расстояния от станции Достык до порта Актау. А благодаря ветке «Достык – Атасу – Актобе – Саратов» стало возможным получить выход к транспортному коридору «Север – Юг», который может стать «соединяющим мостом» между Китаем и Европой. Протяженность международного транспортного коридора «Север – Юг» составляет 7200 км от Санкт-Петербурга до порта Мумбаи (Бомбей). Этот коридор направлен на привлечение транзитных грузопотоков из Индии, Ирана и других стран Персидского залива на территорию России (через Каспийское море), в Северную и Западную Европу [1, с. 111].

Большое значение для реализации ЭПШП играет международный автомобильный коридор «Западная Европа – Западный Китай». Маршрут проходит через следующие города: Ляньюнган, Чжэнчжоу, Ланьчжоу, Урумчи, Хоргос, Алматы, Актобе, Оренбург, Казань, Нижний Новгород, Москва и Санкт-Петербург с выходом на порты Балтийского моря. Общая протяженность маршрута составляет 8,4 км. Из них 2493 км проходит по территории России, 2787 км – Казахстана и 3425 км – Китая.

В ноябре и декабре 2017 г. Китай и Казахстан почти одновременно объявили о завершении работ на своих участках. 18 ноября 2017г. был открыт последний участок скоростной автомагистрали G-21, проходящий на территории Синьцзян – Уйгурского автономного района КНР. 6 декабря 2017 г. Казахстан объявил о завершении строительства своего участка. Данный маршрут проложили от границы с Китаем до г. Шымкент и далее выходит на российскую трассу Р-239 (Казань – Оренбург – граница с Казахстаном).

По официальным данным Комитета транспорта Министерства по инвестициям и развитию Казахстана, реальная доставка груза из Китая в Европу через Казахстан возможна за 12–15 дней (для сравнения: Южный морской путь занимает 45–60 дней, Транссибирская магистраль – 18–20 дней) [13 с. 89].

Таким образом, транспортный коридор «Западная Европа – Западный Китай» – это маршрут, проходящий через Китай, Казахстан, Россию, является кратчайшим автодорожным коридором из КНР в Европу, обладающий большим значением в увеличении транзитного потенциала между странами. Проект имеет большое значение для Казахстана. Для страны это хорошая возможность для развития инфраструктуры – транспорта (автомобильного и железнодорожного), телекоммуникаций, электроэнергетики в районах, расположенных на стыке транспортных коридоров (Актюбинской, Кызылординской, Южно-Казахстанской, Жамбылской и Алматинской областей), а также создания новых рабочих мест для жителей регионов. К тому же за счет наложения специальных тарифов на транзит, пополняется государственный бюджет страны.

Казахстаном были созданы основные базовые инфраструктурные условия для транзита в качестве высокодоходного источника экономики. В 2018 г. за 11 месяцев было совершено 5611 контейнерных перевозок по железной дороге между КНР и Европой, это на 72 % больше, чем за аналогичный период 2017 г. Через территорию страны осуществляется до 70 % всех сухопутных торговых обменов между Востоком и Западом – это 1200 из 1700 поездов, которые направляются из Китая в Европу. В транспортную инфраструктуру Казахстан инвестировал более 5 млрд долл., это позволило значительно ускорить рост континентальных торговых коммуникаций [15, с. 92].

Нурсултан Назарбаев отмечал, что китайский проект «Один пояс – один путь» является выгодным для Казахстана. В ходе четвертого совещания спикеров парламентов стран Евразии, он говорил: «Мы поддерживаем проект Китайской Народной Республики нового Шелкового пути, так как эта инициатива нам выгодна. Как вы видите, мы стали выходящим к морским путям государством» [13].

Республика Казахстан неслучайно была выбрана для реализации китайской инициативы ЭПШП. Страна имеет важное геостратегическое значение, находясь на стыке между Китаем и Европой, транзит через республику является одним из быстрых способов доставки товаров для России, Китая, стран ЕС. Казахстан может стать ключевым связующим звеном между Китаем и странами ЕС [10].

По мнению властей Китая, именно Республика Казахстан является наиболее стабильной республикой региона, которая обладает экономическим и политически потенциалом, для того, чтобы стать полноценным партнером в инициативе КНР. Республика Казахстан обладает следующими преимуществами [6, с. 19]:

– транзитные возможности. Обширная территория РК позволяет проецировать различные транспортные проекты с выходом на Россию, Каспийское море и Кавказ, Иран и Персидский залив, Центральноазиатские страны и Индию;

– стабильная политическая ситуация. На протяжении многих лет Казахстан остается политически стабильным в отличие от других республик Центральной Азии;

– благоприятный инвестиционный климат.

Реализация программы ЭПШП в перспективе создает для Казахстана следующие преимущества [15, с. 34]:

– выход из ловушки транспортной изоляции, возможность получения доступа к морским портам государств – участниц ЭПШП. проблема заключается в том, что ресурсы, добываемые в странах Центральной Азии, доставляются потребителям при серьезных затратах требуют значительных усилий на транспортировку через территорию транзитных государств – реже одной, но чаще двух трех стран «транзитеров»;

– ускорение и снижение затрат на доставку казахстанских товаров на мировые рынки;

– увеличение объемов внешней и взаимной торговли со странами участниками сопряжения;

– модернизация инфраструктуры и экономик Казахстана.

Для оценки реализации инициативы «Один пояс – один путь» используют такие показатели, как: рост взаимной торговли, инвестиций, рост перевозок, количества подписанных соглашений и т.д. Так, при оценке итогов 2016 года Канцелярия руководящей рабочей группы по продвижению строительства программы «Один пояс – один путь» оперировала показателями роста товарооборота: общий объем товарной торговли между Китаем и странами вдоль «Пояса и пути» достиг 947,8 млрд долл., что составило 25,7 % от общего объема экспорта и импорта товаров Китая за тот же период; общий объем торговли услугами – 122,2 млрд долл., что составило 15,2 % от общего объема экспорта и импорта услуг Китая за тот же период, это на 3,4 процентных пункта больше чем в 2015 г. Аналогичным образом оцениваются итоги инвестиционного сотрудничества: страны вдоль «Пояса и пути» стали важными объектами китайских внешних инвестиций. В 2016 г. Китай вложил в Центральноазиатский регион в общей сложности 14,5 млрд долл., что составило 8,5 % от общего объема внешних инвестиций КНР за тот же период. Общая сумма новых контрактов на строительство объектов за рубежом достигла 126 млрд. долл., увеличившись в итоге на 36 % [5, с. 60].

Таким образом, Казахстан стал для Китая крупнейшим торговым партнером в Центральной Азии. А геоэкономическое положение Казахстана делает его главным мостом между крупнейшими рынками мира, своеобразным порталом в европейскую часть континента [8].

Казахстанские чиновники и эксперты из казахстанских аналитических центров поддерживают китайскую инициативу, а также рассматривают ее как позитивное развитие двусторонних отношений. Они утверждают, что Казахстан и Китай уже создали солидную почву для реализации «Экономического пояса Шелкового пути», поскольку шоссе «Западный Китай – Западная Европа» и железная дорога «Казахстан – Туркменистан – Персидский залив» могут стать органичной частью нового Шелкового пути [17].

Республика Казахстан – это страна, которая служила, служит и будет служить мостом, соединяющим Восток и Запад, Азию и Европу. Как известно, инициатива ЭППП была озвучена в Казахстане, и это вряд ли можно назвать случайностью. Потому что именно здесь, на границе с Китаем, начался знаменитый Великий шелковый путь, к которому направляется историческая справка всего современного проекта, а существование этого пути способствовало развитию этого региона, значительному росту торговых связей между городами.

Список литературы

1. Вискова А. Ю. Международный транспортный коридор «Север – Юг» // Молодой исследователь Дона. – 2019. – № 3 (18). – 20 с.
2. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете // Посольство Китайской Народной Республики в Республики Казахстан. 16.09.2013 г. – Режим доступа: <http://kz.china-embassy.org/rus/ztdb/XJPFWNSKST/t1077192.htm> (дата обращения: 12.05.2021 г.).
3. Гаспарян К. И. Участие Казахстана в инициативе Китая «Один пояс – один путь» // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2, № 5. – 23 с.
4. Досова Б. А. Казахстан и Китай: веки двусторонних отношений : монография. – Караганда : Изд-во КарГУ, 2019. – 10 с.
5. Додонов В. Ю. Экономическое сотрудничество Казахстана и Китая в первые годы реализации инициативы Пояса и Пути: оценка предварительных итогов // Проблемы постсоветского пространства. – 2019. – № 6 (2). – 13 с.
6. Изимов Р. Ю., Мураталиева З. Т. Центральноазиатский трек инициативы «Пояс и путь»: возможности и риски // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13, № 3. – 10 с.
7. Ларион О. Н, Никулин Н. Н. Логистика Шелкового пути // Транспорт Российской Федерации. – 2016. – № 1 (62). – 14 с.
8. Лебедева И. В., Подулясская А. Ю. Новая сверхдержава на пути к мировому лидерству // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 177–184.
9. Маркелов К. А. Современные геостратегические концепции политических элит прикаспийских государств // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 147–170.
10. Упир И. Р. Особенности политического лидерства в Китае: первая часть серии книг «Си Цзиньпин о Государственном Управлении» // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 3. – С. 167–172.
11. Михалев М. С. «Один пояс, один путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутрикитайской дискуссии // Контуры глобальных трансформаций. – 2016. – № 6. – 11 с.
12. Макаров И. А., Соколова А. К. Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2016. – 14 с.
13. Никольский А. Назарбаев нашел выгодным для Казахстана проект КНР «Один пояс, один путь». – Режим доступа: <https://ria.ru/20190924/1559026748.html> (дата обращения: 15.05.2021.)
14. Ремыга В. Н. Экономический пояс Шелкового пути // Финансы: теория и практика. – 2015. – № 5. – 15 с.

15. Сыроежкин К. Л. Проект «Экономический пояс Шелкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2016. – Т. 9, № 6. – 16 с.

16. Шамишев Е. Д. «Инициатива пояса и пути» как фактор формирования Центральной Евразии: место и роль Казахстана // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2019. – № 3. – 17 с.

17. Nuriddenova A. Connecting Eurasia: Kazakhstan's place in China's "silk road economic belt" project // The republic of Kazakhstan and the Eurasian space: the present and the future development. 2016. – Режим доступа: <https://articlekz.com/en/article/21512> (дата обращения: 15.05.2021.)

НЕЗАВЕРШЁННОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗГРАНИЧЕНИЯ В КАСПИЙСКОМ МОРЕ КАК УГРОЗА РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ

Кондратьев В.В., аспирант, Астраханский государственный университет; редактор интернет-издания «Информационно-аналитический портал "Каспийский вестник"» (г. Астрахань)

414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: kondratij@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется современное состояние проблемы территориального разграничения каспийского морского пространства, которая в настоящее время является важным условием для дальнейшего развития регионального сотрудничества, обеспечения стабильности и безопасности в Каспийском регионе. Исходя из проведённого автором анализа, в качестве составляющих рассматриваемого проблемного вопроса выделяются разграничение дна Каспийского моря в его южной части, между Азербайджаном, Туркменистаном и Ираном, определение методики установления прямых исходных линий, от которых зависит разграничение морской акватории, а также незавершённость процесса ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. На основе проведённого исследования делается вывод о ключевом значении позиции иранской стороны для успешного решения вышеуказанных проблемных аспектов.

Ключевые слова: Каспийский регион, прикаспийские государства, Каспийская геополитика, Иран, территориальное разграничение Каспийского моря, правовой статус Каспийского моря

INCOMPLETE TERRITORIAL DIVISION IN THE CASPIAN SEA AS A THREAT TO REGIONAL STABILITY AND SECURITY

Kondratyev V.V., postgraduate student, Astrakhan State University; Editor of the online publication «Information and Analytical portal "Caspian Bulletin"» (Astrakhan)

414056, Astrakhan, 20a Tatischev st.

E-mail: kondratij@yandex.ru

Annotation. In the article, the author examines the current state of the problem of territorial delimitation of the Caspian Sea space, which is currently an important

condition for the further development of regional cooperation, ensuring stability and security in the Caspian region. Based on the analysis conducted by the author, the components of the issue under consideration are the delineation of the Caspian Sea bottom in its southern part, between Azerbaijan, Turkmenistan and Iran, the definition of the methodology for establishing direct baselines on which the delineation of the marine area depends, as well as the incomplete process of ratification of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. Based on the conducted research, it is also concluded that the key importance of the position of the Iranian side for the successful solution of the above-mentioned problematic aspects.

Keywords: Caspian region, Caspian states, Caspian geopolitics, Iran, territorial division of the Caspian Sea, legal status of the Caspian Sea

До 1991 года правовой статус Каспийского моря определялся договором между Российской Социалистической Федеративной Республикой и Персией от 26 февраля 1921 г. и Договором о торговле и мореплавании между СССР и Ираном 1940 г. С распадом СССР и появлением трех новых прикаспийских государств – Казахстана, Азербайджана и Туркменистана, ситуация в регионе резко изменилась. Потребовалось решение проблемы правового статуса Каспийского моря, поскольку действующие договоры не регулировали вопросы недропользования и природоохраны [1, с. 356–357].

С 1992 года велись консультации и переговоры на уровне Специальной рабочей группы на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств по урегулированию правового статуса Каспийского моря. Сложность нахождения консенсуса прикаспийских стран по данному вопросу обуславливалась стремлением новых независимых прикаспийских стран обеспечить себе наиболее благоприятные условия для ведения хозяйственно-экономической деятельности на Каспии [2, с. 6]. Деятельность новых независимых стран по экономическому освоению Каспийского моря, прежде всего углеводородных ресурсов, активно поддерживал и поддерживает в настоящее время Вашингтон, который тем самым решает стоящие перед ним задачи по закреплению своих геополитических позиций в регионе.

По итогам более чем 25-летних переговоров, в ходе Пятого каспийского саммита (г. Актау, Казахстан, 12.08.2018 г.) была подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (далее – Конвенция).

Конвенция содержит положения, закрепляющие режим судоходства и порядок коллективного использования акватории Каспийского моря, механизмы установления границ территориальных вод и рыболовных зон, разграничения дна и недр Каспийского моря на секторы, условия прокладки подводных кабелей и трубопроводов и касающиеся других вопросов сотрудничества прибрежных государств. В соответствии с Конвенцией к основным принципам деятельности ее Сторон на Каспийском море, в частности, относится неприсутствие на нем вооруженных сил, не принадлежащих Сторонам, использования Каспийского моря в мирных целях, превращения его в зону мира, добрососедства, дружбы и сотрудничества, решения всех вопросов, связанных с Каспийским

морем, мирными средствами, а также обеспечения безопасности и стабильности в Каспийском регионе [8].

Вместе с тем, данное базовое соглашение по вопросам территориального разграничения каспийского морского пространства не решило все накопленные в регионе с момента распада СССР проблемы. Это, в частности, касается вопроса разграничения дна Каспийского моря в его южной части, между Азербайджаном, Туркменистаном и Ираном, который в соответствии со статьёй 8 Конвенции должен решаться по договоренности сопредельных и противоположных государств с учетом общепризнанных принципов и норм международного права. Кроме того, за рамки Конвенции вынесен вопрос определения методики установления прямых исходных линий, от которых на отдельных участках морской акватории должна отчитываться ширина территориальных вод и прохождения всеми признанной линии морской государственной границы [3]¹.

Помимо вышеизложенного после Пятого каспийского саммита обозначилась ещё одна проблема, препятствующая полноценной реализации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Процесс ратификации столкнулся со сложностями в Исламской Республике Иран.

В соответствии с международным правом все подписанные межгосударственные соглашения должны пройти процесс ратификации (лат. *ratificatio*, от лат. *ratus* – решённый, утверждённый и *facere* – делать) – процесс придания юридической силы документу путём утверждения его соответствующим органом каждой из сторон. До ратификации такой документ, как правило, не имеет юридической силы и не обязателен для не ратифицировавшей стороны, хотя Венская конвенция о праве международных договоров и велит государству, подписавшему международный договор, впредь до ратификации или отказа от неё воздерживаться от действий, лишающих документ «объекта и цели», то есть явно идущих вразрез с теми задачами, которые он призван решить. Таким образом, подписанная в Актау 12 августа Конвенция о правовом статусе Каспийского моря пока ещё не вступила в силу и не является юридически обязывающим документом.

Известно, что соглашение о правовом статусе Каспия в Иране восприняли далеко неоднозначно. Со дня его подписания президент ИРИ Хасан Роухани был подвергнут жесткой критике консерваторов в парламенте и религиозных деятелей Ирана. Главу государства и министра иностранных дел Мухаммеда Зарифа обвинили в пренебрежении интересами страны. В этой связи депутаты потребовали от руководства отчитаться в парламенте по подписанному в Актау соглашению. Так, депутат Меджлиса Ирана Махмуд Садеги сравнил Конвенцию с Туркманчайским договором 1828 года между Персией и царской Россией, в силу которого территория Азербайджана была разделена между двумя державами [6].

¹ В соответствии со ст. 1 Конвенции от прямых исходных линий должна отчитываться ширина территориальных вод на тех участках, где береговая линия извилиста или где имеется вдоль берега и в непосредственной близости к нему цепь островов (ст. 1). Методика установления прямых исходных линий определяется отдельным соглашением между всеми Сторонами.

Отдельные эксперты оценили подписание Конвенции как фиаско в плане реализации прежних амбиций Тегерана на Каспии, так как после Каспийского саммита Ирану придется ждать и продумывать действия своего тактического партнера и одновременно соперника в Каспийском регионе – России [9]¹.

К факторам, определяющим негативное отношение к подписанной Конвенции в Иране можно отнести следующие:

1. Потенциально возможные территориальные потери Тегерана на Каспии. Если раньше, с начала 1920-х годов до 1991 года, Иран и Советский Союз разделяли Каспийское море между двумя государствами, то теперь ещё и Казахстан, Азербайджан и Туркменистан претендуют как минимум на 20 % моря. Более того из-за своей крайне непротяжённой береговой линии, если следовать положениям Конвенции Иран может получить около 11–13 % Каспия.

2. Неблагоприятные условия заключения Конвенции, когда Иран находился под действием максимального санкционного давления со стороны США. Это даёт основания критикам соглашения полагать, что Россия эксплуатировала в своих целях невыгодное международное положение Ирана для заключения выгодной для себя сделки.

3. Закрытость текущего переговорного процесса по правовому статусу Каспия и вопросам демаркации каспийской границы страны, что многие воспринимают как стремление руководства «замолчать» свой дипломатический «проигрыш».

4. Историческое недоверие части иранского общества к России, которая с XVIII века существенно расширила свою территорию на Каспии за счёт бывших иранских/персидских владений.

Таким образом, несмотря на то, что решение иранской стороны о подписании Конвенции, весьма вероятно, является обдуманном и взвешенным, а также согласованным с определёнными политическими силами страны, в Иране есть достаточно «устойчивая оппозиция» Конвенции, что, по сути, ставит вопрос её ратификации в зависимость от внутривнутриполитической ситуации в стране, а также от развития отношений Тегерана с Москвой и Вашингтоном. Эти отношения влияют на выработку общих геополитических стратегий стран этого региона, которые находят общий язык взаимопонимания, когда им не мешают третьи страны [5].

По мнению авторитетного иранского эксперта, заместителя директора Центра по изучению Ирана и Евразии (IRAS) Махмуда Шури, в настоящее время, хотя в Иране в целом достигнут консенсус относительно правовых норм, заложенных в тексте соглашения, другая ситуация сложилась на Южном Каспии и касается определения границ ИРИ с ближайшими соседями в регионе – Туркменией и Азербайджаном. В этой связи эксперт ожидает, что вопрос опре-

¹ Довольно подробно отношение иранцев к подписанному на Пятом каспийском саммите соглашению охарактеризовал американский политолог иранского происхождения, старший научный сотрудник Вашингтонских Института Ближнего Востока и Фонда Джеймстаун Алекс Ватанка (Alex Vatanka) в своей статье для журнала «Каспийские проблемы».

деления границ с этими странами потребует значительного количества времени для его решения [7].

Более того, исходя из ряда заявлений Мохаммада Джавада Зарифа, на данный момент вопрос успешной ратификации Конвенции поставлен в зависимость от решения пограничных вопросов на Южном Каспии – в треугольнике «Иран-Азербайджан-Туркменистан». При этом если в 2019 году глава МИД призывал парламентариев пойти на компромисс – одобрить Конвенцию с тем учётом, что она предполагает проведение дополнительных переговоров с соседями по принадлежности дна и недр Каспийского моря и ни в коей мере не ограничивает пределы государственной территории страны [8]¹. То с избранием нового, более консервативного состава Меджлиса Ирана в 2020 году, условием успешной ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря стало исключительно успешное для иранской стороны решение вопроса об установлении прямых исходных линий на Каспии², от чего зависит площадь морской акватории, относящейся к внутренним и территориальным водам Ирана [9].

Что касается другого важного аспекта территориального разграничения каспийского морского пространства - разграничения дна Каспийского моря в его южной части, между Азербайджаном, Туркменистаном и Ираном, то и здесь, по всей видимости, прикаспийским странам предстоит пройти через длительный процесс согласования своих позиций. Известно, что ряд авторитетных иранских экспертов рекомендуют руководству страны в рамках переговоров с соседями исходить из необходимости закрепления под своей юрисдикцией максимального по площади сектора дна Каспийского моря, что наверняка будет негативно воспринято в Ашхабаде и Баку.

Такой позиции, в частности, придерживается доцент юридического факультета Тегеранского университета Сасан Сирафи. 18 декабря 2018 года в ходе круглого стола, посвященного вопросу правового режима Каспийского моря, иранский эксперт заявил, что Ирану необходимо чётко обозначить Азербайджану и Туркменистану свою позицию о непризнании введённой СССР в одностороннем порядке линии Астара – Гасан-Кули, в качестве предела притязаний

¹ В ходе выступления перед парламентариями в Тегеране 29 июля 2019 года глава внешнеполитического ведомства, характеризуя 21-летние переговоры по правовому режиму Каспийского моря, констатировал, что все страны региона уже достигли каких-либо соглашений по международно-правовому разграничению каспийского пространства со своими соседями и Исламская Республика до последнего времени была единственной стороной, которая придерживалась особой позиции по этому вопросу. Однако ввиду ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в странах-участницах соглашения М.Д. Зариф заявил парламентариям, что правительство предпринимает первые шаги в рамках аналогичной процедуры в Иране и вскоре представит Конвенцию в парламент для вынесения окончательного вердикта по ней. Вместе с тем, в своём выступлении Зариф сделал особый акцент на том, что Иран не поступится своей территорией и будет жестко отстаивать исторически принадлежащие стране воды Каспийского моря.

² В настоящее время вопрос о методике установления прямых исходных линий решается Рабочей группой высокого уровня, которая создана на основании решения глав государств по результатам Пятого каспийского саммита в казахстанском городе Актау 12 августа 2018 года. Механизм пятисторонних регулярных консультаций под эгидой министерств иностранных дел призван способствовать эффективному выполнению Конвенции о правовом статусе Каспийского моря и реализации различных аспектов сотрудничества сторон на Каспии.

Ирана на Каспии. Линия Астара – Гасан-Кули, как неформальная граница СССР и Ирана на Каспии, по мнению С. Сирафи была во многом несправедлива, и в нынешних условиях Иран вправе претендовать на большую часть Каспийского моря¹.

С. Сирафи на прошедшем мероприятии также отмечал, что Иран на Каспии находится в невыгодном географическом положении, на что влияет извилистое, вогнутое побережье и неподходящая география, например два острова, расположенные в непосредственной близости от берегов Туркменистана и Азербайджана, что определяют границы моря в ущерб Исламской Республике. Вместе с тем, С. Сирафи уверен, что Иран может претендовать на своеобразный треугольник, основание которого совпадает с той же линией Астара – Гасан-Кули, а вершина находится севернее – выше площади нефтяного месторождения Альборз (в азербайджанской интерпретации Араз-Алов-Шарг). Отстаивание вышеуказанного подхода, по мнению С. Сирафи, должно стать одним из приоритетных направлений во внешней политике Ирана на каспийском направлении [6].

Таким образом, следует констатировать сохранение достаточно неопределённой ситуации вокруг окончательного урегулирования вопроса о разграничении акватории, дна и недр Каспийского моря. Остаётся надеяться, что этот вопрос не станет «камнем преткновения» для Тегерана, Баку и Ашхабада, и стороны выстроят свою политику в этом вопросе, исходя из примата сохранения мира и безопасности на Каспийском море. Тем более, что хорошим примером для стран Южного Каспия является согласованные действия России и Казахстана по разработке месторождений, находящихся на стыке национальных секторов дна Каспийского моря.

Вместе с тем, очевидно сохранение неблагоприятных факторов развития ситуации в Каспийском регионе. Нерешённость вопроса о методике установления прямых исходных линий и разграничении дна в южной части Каспийского моря обуславливает высокую вероятность развития конфликтных ситуаций между Ираном, Туркменистаном и Азербайджаном, а также возникновение локальных пограничных инцидентов на оспариваемых участках акватории Каспия. Подобные инциденты могут нанести существенный урон расширяющемуся региональному экономическому сотрудничеству в Каспийском регионе, в том числе по линии Иран-ЕАЭС, а также может способствовать созданию условий для дестабилизации ситуации во всём регионе и последующего военно-политического проникновения США и стран НАТО на Каспий, что руководством Российской Федерации рассматривается в качестве одной из основных угроз национальным интересам и безопасности страны на данном направлении. К этому следует добавить угрозу т.н. цветных революций, политические

¹ Астара-Гасан-Кули – линия, установленная в одностороннем порядке приказом НКВД СССР «Об установлении режима Каспийского моря» в 1935 г. как внутренняя административная мера и никогда не признавалась Ираном как формальная морская граница по Каспийскому морю (длина 423,2 км) между СССР и Ираном. Вначале эта линия применялась в одностороннем порядке для воздушных судов СССР. С 1953 г. она также служила односторонней линией для советских рыболовных судов, ведущих рыбопромысловые операции в южных районах Каспийского моря.

технологии которых уже были опробованы странами Запада на сопредельных территориях [4].

Как представляется, первым важным шагом на пути решения вышеуказанных спорных вопросов является завершение процедуры ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. При этом следует учитывать следующее.

Во-первых, подписанная Конвенция в полной мере отвечает интересам иранской стороны, так как существенно ограничивает возможности внерегиональных стран (прежде всего стран Запада) влиять на ситуацию в регионе в собственных интересах, а также запрещает присутствие вооруженных сил внерегиональных государств, что позитивно влияет на геополитическую и военно-политическую ситуацию в регионе.

Во-вторых, ратификация Конвенции не несёт ущерба территориальной целостности Ирана, так как соглашение предполагает проведение дополнительных переговоров с соседями по принадлежности дна и недр Каспийского моря и ни в коем мере не ограничивает пределы государственной территории страны. В последующих же переговорах руководство Ирана может прийти к сбалансированному решению спорных вопросов в рамках переговоров с Азербайджаном и Туркменией. В качестве ориентира может выступать позитивная практика раздела дна на Северном и Среднем Каспии.

В-третьих, в условиях постоянного санкционного давления со стороны США Россия и Иран в равной мере заинтересованы в сохранении стабильности в регионе, прежде всего в сфере безопасности, и предсказуемости развития политических и экономических процессов. Добиться этого можно только в случае успешной ратификации Конвенции всеми прикаспийскими государствами.

Список литературы

1. Зонн И. С., Жильцов С. С., Костяной А. Г., Косарев А. Н. Каспийское море. Энциклопедия. – М. : Восточная книга, 2013. – 544 с.
2. Зонн И. С., Жильцов С. С. Новый Каспий. География, экономика, политика. – М. : Восток-Запад, 2008. – 542 с.
3. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 10.05.2021).
4. Максимова Е. Н. Политические элиты как ведущий фактор цветных революций на постсоветском пространстве // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1. № 2. – С. 116–129.
5. Маркелов К. А. Современные геостратегические концепции политических элит прикаспийских государств // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 147–170.
6. Процесс реализации положений Каспийской конвенции не обещает быть лёгким. – Режим доступа: <http://casp-geo.ru/protsess-realizatsii-polozhenij-kaspijskoj-konventsii-ne-obeshhaet-byt-lyogkim/> (дата обращения: 10.05.2021).
7. Разграничение дна Южного Каспия требует времени – замдиректора IRAS. – Режим доступа: <http://casp-geo.ru/razgranichenie-dna-yuzhnogo-kaspiya-trebuuet-vremeni-zamdirektora-iras/> (дата обращения 10.05.2021 г.)

8. Экспертное сообщение Игоря Борисовича Братчикова на Каспийском медиафоруме. – Режим доступа: <http://casp-geo.ru/ekspertnoe-soobshhenie-igor-borisovicha-bratchikova-na-kaspijskom-mediaforume/> (дата обращения: 10.05.2021).

9. Alex Vatanka. The Caspian and Iran's Foreign Policy Problems. Caspian Affairs Magazine, p. 40–43. – Режим доступа: <http://www.caspianpolicy.org/wp-content/uploads/2019/01/Caspian-Affairs-Magazine-January-Issue-2019-1.pdf> (дата обращения: 10.05.2021).

10. Iran does not negotiate over its territorial integrity: FM Zarif. – Режим доступа: <https://en.mehrnews.com/news/148229/Iran-does-not-negotiate-over-its-territorial-integrity-FM-Zarif> (дата обращения: 10.05.2021).

11. Iran ready to exchange prisoners with US: Zarif. – Режим доступа: <https://en.isna.ir/news/99070100676/Iran-ready-to-exchange-prisoners-with-US-Zarif> (дата обращения: 10.05.2021).

ПРОБЛЕМА ДЕЗИНФОРМАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ КИТАЯ

Упир И.Р., магистрант, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, Татищева, 20а
E-mail: ireneupir@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности дезинформационных кампаний правительства КНР, оказывающих пагубное воздействие на осуществление эффективной политической интернет-коммуникации. Кроме того, приводятся примеры, демонстрирующие важность исследования дезинформации как явления в Китае на современном этапе. Отмечается роль коммуникации в современной политике и международных отношениях, заключающаяся в эффективном взаимодействии ключевых акторов, способствующем разрешению конфликтов и иных разногласий. В рамках исследования дезинформации как явления, указывается, что в настоящее время она выступает одним из наиболее негативных воздействий на существующую повестку дня. В связи с тем, что в результате распространения вируса COVID-19 основная политическая коммуникация сместилась в интернет-пространство, особую важность приобретает контроль над дезинформацией.

Ключевые слова: дезинформация, Китай, политическая коммуникация, сеть Интернет, социальные сети

THE PROBLEM OF DISINFORMATION IN POLITICAL INTERNET COMMUNICATION IN CHINA

Upir I.R., master's student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.
E-mail: ireneupir@mail.ru

Annotation. The article examines the features of the disinformation campaigns of the PRC government, which have a detrimental effect on the implementation of

effective political Internet communication. In addition, examples are given that demonstrate the importance of researching disinformation as a phenomenon in China at the present stage. The role of communication in modern politics and international relations is noted, which consists in the effective interaction of key actors, contributing to the resolution of conflicts and other disagreements. As part of the study of disinformation as a phenomenon, it is indicated that now it is one of the most negative impacts on the existing agenda. Due to the fact that as a result of the spread of the COVID-19 virus, the main political communication has shifted to the Internet space, control over disinformation is of particular importance.

Keywords: disinformation, China, political communication, internet, social media

Поскольку коммуникация является центральным элементом любой политической системы, у политических субъектов всегда была потребность в общении с другими группами в обществе, и им приходилось убеждать людей поддерживать их в борьбе за власть и положение. Традиционные определения политической коммуникации сосредотачиваются на источнике и мотивации и определяют ее как серию указов обществу со стороны правящей группы. Однако, учитывая роль СМИ в современных государствах, политическая коммуникация зависит от трех субъектов: политической сферы, негосударственных субъектов и средств массовой информации, которые общаются независимо, но во взаимодействии друг с другом [1, с. 325].

Сеть Интернет и политика в современном мире стали неразделимы и, таким образом, постепенно устраняются препятствия на пути свободного обмена информацией между лицами, принимающими политические решения, и теми, от имени которых они приносят пользу. Наряду с изменяющейся природой медиа-системы постепенно возникает «новая политическая коммуникация», основанная на информационно-коммуникационных технологиях.

Хотя традиционные СМИ по-прежнему являются неотъемлемой частью политической коммуникации, доступность сети Интернет открывает новые возможности для осуществления взаимодействия между ключевыми акторами. Наиболее удобным и наименее изученным явлением, способствующим эффективной политической коммуникации, выступают социальные сети [2, с. 152].

По сравнению со средствами массовой информации, влияние которых значительно снизилось с появлением прямого общения политиков со своими избирателями и с широкой общественностью, социальные сети позволяют проверить изменения, которые претерпела не коммуникация, а, скорее, ее политический аспект. Превращение пассивного пользователя в возможный активный коммуникатор свидетельствует о скачке от традиционного взаимодействия к основам политической интернет-коммуникации, способствующей активному взаимодействию, определяющему политическую повестку дня.

В настоящее время дезинформация в сети Интернет выступает одной из ключевых проблем, препятствующих содержательной повестке дня. Особую важность рассмотрение данного явления представляет в современных условиях всемирной пандемии COVID-19. Большинство населения мира обращается

за информацией, особенно политического характера, к социальным сетям, поскольку на сегодняшний день они выступают наиболее удобным ресурсом получения необходимых сведений. Они влияют на способы восприятия, передачи и обмена информацией в Интернете.

Дезинформация в общем виде представляет собой ложные или вводящие в заблуждения сведения, однако их характер может приобретать различную направленность. Некоторые случаи распространения дезинформации связаны с намерениями причинить вред или принести пользу преступнику. Намерение причинить вред может быть направлено на отдельных лиц, группы, учреждения или процессы. Однако также дезинформация возникает в результате отсутствия осознания того, что она неверна без намерения причинить вред. В некоторых случаях субъекты могут бессознательно увековечивать распространение дезинформации, делясь контентом, который, по их мнению, является точным.

В данной связи актуальным представляется введение термина «фейковые новости», существенно влияющего на современную политическую интернет-коммуникацию. Фейковые новости, согласно некоторым исследованиям, являются разновидностью дезинформации и определяются как новостные статьи, которые выступают умышленно и достоверно ложными и могут ввести читателей в заблуждение [3, с. 777].

Распространение дезинформации основывается на двух ключевых мотивах: финансовых и идеологических. С одной стороны, возмутительные и фальшивые истории, которые становятся вирусными обеспечивают производителям контента доход. С другой стороны, другие поставщики дезинформации распространяют ее для продвижения определенных идей или людей, которых они предпочитают, часто путем дискредитации других.

В более ранних исследованиях данный термин применялся для определения связанных, но отличных друг от друга типов информации, таких как новостные пародии, политические сатиры и новостная пропаганда. Хотя в настоящее время он используется для описания ложных историй, распространяемых в социальных сетях, дезинформация также используется для дискредитации критических репортажей некоторых новостных организаций, что еще больше запутывает дискурс в рамках политической интернет-коммуникации.

Остро вопрос дезинформации в политической интернет-коммуникации встает в рамках политического режима Китая, поскольку в данном государстве в значительной мере контролируются сведения, поступающие в Сеть. Инструменты политической пропаганды и ограничения информационных потоков приводят к увеличению числа хакерских атак на территории КНР, что оказывает воздействие на политическую коммуникацию государства.

Задача руководства Китая состоит в том, чтобы сохранить существующие преимущества Интернета, не позволяя при этом технологиям ускорять политические изменения. Однако в связи с растущей ролью информационно-коммуникационных технологий в государстве, сеть Интернет продолжает служить мощным инструментом для граждан, стремящихся продвигать социальные изменения и права человека [4, с. 226].

Тем не менее, правительство готово нести экономические и научные издержки, а также потенциальный ущерб своему авторитету, если это означает усиление контроля над Сетью. Подобная ситуация также отражает парадокс, присущий усилиям Китая по продвижению себя в качестве сторонника глобализации, одновременно отстаивая модель суверенитета Интернета.

Дезинформационные кампании на современном этапе представляют собой целенаправленное распространение вводящего в заблуждение контента, в том числе посредством недостоверной активности в глобальных социальных сетях. Многие исследователи отмечают, что значительные человеческие и финансовые ресурсы тратятся на усилия по дезинформации, а связь между официальными и фальшивыми аккаунтами постепенно становится все очевиднее, что затрудняет правдоподобное отрицание со стороны правительства Китая [5, с. 236].

Дезинформация также является эффективным механизмом КНР, позволяющим ей оказывать глобальное воздействие на СМИ, при этом китайские власти и их доверенные лица явно работают над повышением ее эффективности, и этот процесс требует пристального наблюдения, а его рассмотрение выступает актуальным в современных условиях.

Одной из давних кампаний дезинформации, исходящей как от официальных органов китайского правительства, так и от недостоверных аккаунтов, была пропаганда теории заговора о том, что COVID-19 представляет собой биологическое оружие, разработанное в Соединенных Штатах и доставленное в Китай военными США в октябре 2019 г. Было задокументировано 24 цифровых истории, упоминающих подобную необоснованную теорию, связанную с Коммунистической партией Китая, причем самая ранняя из них была опубликована в марте 2020 г., а самая последняя – в начале февраля 2021 г. Это был лишь один пример антиамериканских нарративов, распространяемых государственными СМИ, и недостоверных сообщений, которые продолжались за пределами администрации Д. Трампа и в президентство Дж. Байдена. Иными словами, инструменты дезинформации Китая могут приводить к ухудшению международных отношений государства и к нестабильному осуществлению внешней политической интернет-коммуникации [6, с. 78].

Китайские государственные СМИ в течение шести недель публиковали различные сюжеты о происхождении пандемии, постепенно меняя повествование в сторону увеличения «неопределенности» в отношении происхождения COVID-19. В самом раннем сообщении источник вспышки недвусмысленно указывался на Ухань, а неопределенность просто сосредоточивалась на том, какое неизвестное животное передало вирус.

Наконец, в СМИ начали распространяться предположения о том, действительно ли вирус мог быть занесен в Китай посторонними, в частности, военнослужащими США, которые принимали участие во Всемирных военных играх в Ухане в ноябре 2019 г.

Посол Китая в США Цуй Тянькай опроверг комментарии Чжао Лицзяня, назвав «сумасшествием» распространение теории заговора о причастности США к происхождению данного вируса, однако официальные китайские

государственные СМИ продолжали распространять его. Китайские ученые расценили этот пример как показатель все более настойчивого тона правительства КНР в социальных сетях с 2019 г., а также отход от стратегии простого распространения положительных историй о Китае [8].

Другие примеры включают сообщения, которыми поделились политики или руководители технологических компаний в Пакистане, Великобритании и других странах, в том числе с миллионами подписчиков. Исследования показывают, что российские и иранские ресурсы в социальных сетях способствовали продвижению теории заговора COVID-19 и связанных с Китаем сообщений, в том числе в таких регионах, как, например, Ближний Восток, где влияние Китая в СМИ не столь велико.

Помимо этого, существует несколько случаев, когда журналисты или местные традиционные СМИ в разных странах, а не только отдельные влиятельные лица в социальных сетях, неосознанно делились дезинформацией в своих аккаунтах, новостных веб-сайтах или телевизионных передачах. Это повышает доверие к контенту и доставляет его гораздо более широкой аудитории. Отражая глобальный характер этого явления, найденные примеры включали панамский новостной канал с более чем 800 000 подписчиков в Twitter, греческое оборонное издание, индийский новостной веб-сайт, аргентинского журналиста и бывшего ведущего CNN с 500 000 подписчиков в Twitter, газеты в Финляндии и Новой Зеландии.

Окончательно приписать неаутентичные сети аккаунтов в социальных сетях китайским партийно-государственным субъектам чрезвычайно сложно, даже если они явно продвигают предпочтительные нарративы правительства Китая или конкретный контент, созданный государством. Тем не менее, все чаще появляются признаки координации и модели поведения, указывающие на официальную поддержку [7, с. 334].

Исследователи признают, что китайские дипломаты, возможно, делились контентом из сети, не зная, что это были фальшивые аккаунты, предполагая вместо этого, что они были настоящими «патриотическими» пользователями сети. Однако время и содержание материалов, которыми поделились искусственно созданные аккаунты, очень тесно связаны с деятельностью китайских дипломатов или государственных СМИ, даже по таким малоизвестным в глобальном масштабе темам, как визит президента Си Цзиньпина в Шанхай в ноябре, чтобы отметить годовщину «реформы Китая».

Некоторые особенности кампаний привели отдельных исследователей к выводу, что они, скорее всего, пользовались некоторой поддержкой китайского государства. Во-первых, в период с февраля 2020 г. по январь 2021 г. поддельные аккаунты в Twitter разместили более 1400 уникальных видеороликов. Многие из них реагировали на последние новости в течение 36 часов с момента их появления, что свидетельствует о значительных ресурсах и уровне профессионализма, которые было бы трудно достичь обычным пользователям.

Во-вторых, обычные граждане, которые обходят цензуру для доступа и участия в Twitter, все чаще сталкиваются с судебными преследованиями

в Китае за последние два года, что свидетельствует о том, что те, кто стоит за этими сетями, вероятно, имели некоторое молчаливое официальное одобрение, если не активную поддержку.

Контент, продвигаемый фальшивыми аккаунтами, варьируется от относительно безвредного до весьма проблематичного. Некоторые посты были призваны усилить похвалу Китаю, выделив парад в провинции Хубэй для медиков COVID-19, в то время как другие осветили неудачи или несчастные случаи, затрагивающие Соединенные Штаты, включая удары молнии или сбитые беспилотные летательные аппараты в Сирии. Другая группа сообщений была направлена на то, чтобы атаковать и дискредитировать предполагаемых врагов Китая, таких как, например, демократическое движение в Гонконге или изгнанный миллиардер Гуо Вэнгуи [9].

Возможно, наиболее тревожным является контент, который может иметь серьезные последствия для общественного здравоохранения и политики, особенно если он основан на других материалах, уже циркулирующих в информационной экосистеме целевой страны. Действительно, аналитики обнаружили, что в публикациях часто использовались уже существующие нарративы и контент из внутренних социальных сетей или периферийных веб-сайтов, чтобы повысить вовлеченность и местный резонанс.

Примеры включали ложную информацию о реакции Тайваня на пандемию, видео, ставящие под сомнение безопасность китайской вакцины, и теорию заговора о том, что COVID-19 был разработан на военном объекте США. Другие сосредоточились на выборах в США, и, хотя они не продвигали конкретного кандидата в президенты, а вместо этого критиковали обоих, они усилили сомнительное заявление о фальсификации выборов, призывах к насилию и других социальных разногласиях в Соединенных Штатах как до, так и после беспорядков 6 января в Капитолии [10].

Еще одним примером дезинформационных кампаний правительства Китая, влияющих на современную политическую интернет-коммуникацию, выступают информационные операции в попытке сформировать международное восприятие своего отношения к религиозным и этническим меньшинствам в Синьцзяне. Отдельные политики и организации задокументировали нарушения прав человека в регионе, а ЕС, Великобритания, Канада и США ввели скоординированные целевые санкции в отношении должностных лиц КПК. Правительство КНР, в свою очередь, ввело ответные меры, используя сочетание резкого государственного управления. Среди данных мер, помимо использования инструментов дезинформации, были введены собственные санкции, направленные против избранных должностных лиц и аналитических центров, а также проведены соответствующие информационные операции и экономическое принуждение [11].

Подобно зарождающейся цифровой дипломатии Китая, данные первоначальные усилия были ограничены в их способности формировать мнение об открытом Интернете, не ограниченном цензурой государственной власти. Однако они были настойчивы и сумели сохранить большое присутствие на платформе,

они улучшились и стали более гибкими, что продемонстрировало их стремление извлечь выгоду из внутренних протестов и политики в США.

В течение 2020 г. тайные информационные операции пытались создать впечатление моральной эквивалентности между Китаем и США. Эта работа продолжается и стала характерной чертой дипломатических сообщений партии и государства. Представитель министерства иностранных дел Хуа Чуньин опубликовала в Twitter исторические фотографии сбора хлопка в США, чтобы усилить расовое разделение, и сравнила эти изображения с эффективным механизированным производством хлопка в Синьцзяне.

Другими словами, аппарат пропаганды партии-государства становится все более искусным в перепрофилировании ранее существовавших нарративов обиды, которые более четко находят отклик у целевой аудитории. При этом еще одной тактикой дезинформационных кампаний на современном этапе выступает перепрофилирование органического контента, полученного с китайских и американских социальных сетей.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в настоящее время социальные сети все еще охватывают относительно небольшую аудиторию и представляют собой лишь часть гораздо большего набора инструментов, используемых правительством КНР или его посредниками для влияния на глобальные информационные потоки. Тем не менее, число пострадавших растет, а настойчивые усилия, почти наверняка вызванные какой-то частью китайского партийно-государственного аппарата, предпринимаются для контроля над повесткой дня в сети Интернет.

Список литературы

1. Киселев А. Г., Киричѐк П. Н. Тренды политической коммуникации в контексте социальной модернизации // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2019. – № 2. – С. 322-336.
2. Сяо Ю. Использование социальных сетей в политической коммуникации // Политическая лингвистика. – 2021. – № 1 (85). – С. 149–158.
3. Дорофеева В. В. Фейковые новости в современном медиaprостранстве // Вопросы теории и практики журналистики. – 2019. – № 4. – С. 774–786.
4. Ли С. Изучение политической коммуникации в Китае // Политическая лингвистика. – 2020. – № 3 (81). – С. 225–230.
5. Самкова М. А. Прагматический аспект дезинформации в медиатексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 5. – С. 235–240.
6. Садыков Д. И., Ахметьянова Н. А. Распространение фейковых новостей во время пандемии COVID-19 // Colloquium-journal. – 2020. – № 8 (60). – С. 78–79.
7. Василькова В. В., Легостаева Н. И. Социальные боты в компьютерной пропаганде: серфинг на информационной волне коронавируса // Мониторинг. – 2020. – № 6 (160). – С. 329–356.
8. Лебедева И. В., Подулясская А. Ю. Новая сверхдержава на пути к мировому лидерству // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 177–184.

9. Упир И. Р. Особенности политического лидерства в Китае: первая часть серии книг «Си Цзиньпин о Государственном Управлении» // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 3. – С. 167–172.

10. В КНР заявили, что США мешают выявить происхождение коронавируса // Интерфакс. – 2021. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/760182> (дата обращения: 01.05.2021).

11. КНР объявила о санкциях против Великобритании // РБК. 2021. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/605d342e9a794779d69a2aa3> (дата обращения: 01.05.2021).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ СИСТЕМ НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНОМОРСКО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Абкаиров Абхайир-Челеби Якуб оглы, магистрант, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, Татищева, 20а
E-mail: Abhair123@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена теоретическим основам формирования региональных международных систем. В статье рассматривается понятие международная система, а также особенности региональных международных систем. Дается краткая характеристика Черноморско-Каспийского региона, который является объектом пристального международного влияния в связи с его важным геополитическим и геостратегическим положением, а также большим запасом углеводородов.

Ключевые слова: Черноморско-Каспийский регион, международная система, региональная международная система, регион

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE FORMATION OF REGIONAL INTERNATIONAL SYSTEMS ON THE EXAMPLE OF THE BLACK SEA-CASPIAN REGION

Abkairov Abhair-Chelebi Yakub oglu, master's student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.
E-mail: Abhair123@gmail.com

Annotation. This article is devoted to the theoretical foundations of the formation of regional international systems. The article discusses the concept of the international system, as well as the features of regional international systems. A brief description of the Black Sea-Caspian region is given, which is an object of close international influence due to its important geopolitical and geostrategic position, as well as a large supply of hydrocarbons.

Keywords: Black Sea-Caspian region, international system, regional international system, region

Введение

Проблематика Черноморско-Каспийского региона представляет собой большой интерес как для ученых и исследователей, так и для внешнеполитической деятельности многих стран. Конечно, в первую очередь регион привлекает к себе внимание наличием больших запасов углеводородов, однако его геополитическое и геостратегическое положение играет не меньшую роль, так как оно дает возможность ведущим региональным и мировым державам реализовать свои экономические, политические, а также военно-политические интересы.

Стратегическое значение ЧКР заключается в его выгодном расположении между Европой и Азией, которое является перекрестком транспортных направлений и коммуникаций «Север-Юг» и «Запад-Восток». Данная тема неоднократно подымалась на страницах региональных научных публикаций, о чем в частности свидетельствует развитие политологической школы в Астраханском государственном университете¹.

Все эти факторы делают Черноморско-Каспийский регион особенно значимым и для Российской Федерации, которая имеет здесь свои интересы и как региональная держава, имеющая непосредственный выход к обоим морям, и как одна из мировых держав².

Понятие международной системы

Понятие «международная система» представляет собой сложную систему, которая включает в себя целый перечень аспектов. В связи с этим определение понятия «международная система» как таковое отсутствует в научной литературе. Французский политолог Р. Арон писал о международной системе: «Я называю международной системой совокупность политических образований, поддерживающих между собой постоянные отношения и могущих быть вовлеченными в широкомасштабную войну»³.

В широком смысле международная система является целостной совокупностью, которая включает в себя:

Во-первых, разнообразные субъекты международной системы, а именно: суверенные государства; нации и народы, борющиеся за свободу, независимость и создание собственной государственности; различные международные межправительственные организации; множество международных неправительственных организаций; международные конференции, комитеты и комиссии,

¹Усманов Р. Х., Гришин Н. В., Оськина О. И., Кудряшова Е. В. Развитие политической науки в Астраханской области (к 10-летию кафедры политологии Астраханского государственного университета) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 1 (38). С. 208–217.

² Гукасов А. В., Косов Г. В. Технологии формирования нового мирового порядка в период «interregnum»: к вопросу формирования новых элитарных зон и территорий распада (кейс Большого Средиземноморья) // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1, № 4. С. 82–103; Косов Г. В., Татарков Д. Б. Ближневосточный узел Большого Средиземноморья в контексте элитологического анализа // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1, № 1. С. 111–129.

³Арон Р. Мир и война между народами. М. : Текст, 2014. 303 с.

международные суды и трибуналы, транснациональные корпорации, физические и юридические лица различных государств.

Во-вторых, различные отношения между субъектами международной системы в области политики, экономики, торговли, научно-технического и культурного развития, а также другие отношения как материального, так и нематериального характера.

В-третьих, общность всех правовых систем, включая национальные, посредством которых осуществляется все разнообразие отношений субъектов международной системы.

В широком понимании международная система представляет собой все многообразие проявлений, взаимодействий и сотрудничества человеческой цивилизации в рамках существующих правовых систем.

Каждая международная система сочетает в себе военную, экономическую, политическую и идеологическую власть разных государств и народов. Поэтому ей охватываются дипломатическая, экономическая, политическая, военная и культурная сферы. Тем не менее необходимо учитывать, взаимосвязи между культурами не всегда имеют институализированный характер, и не всегда подвластны государственному регулированию¹.

Целью формирования международной системы является реализация определенных интересов экономического, социального или политического плана, которые тем или иным образом затрагивают все субъекты данной системы. В независимости от того, какие интересы преследуются, будь то экономические выгоды, безопасность либо идеологические цели – на результат в значительной степени влияет характер международной системы. Сам же характер международной системы определяет тип и мощь акторов, которые господствуют в ней: империи, национальные государства, союзы, национальные и интернациональные организации.

Основополагающие характеристики международной системы являются отражением усилий государств или их групп, чьи усилия направлены на преобразования институтов и в целом всей системы дабы реализовать свои интересы.

Каждое государство, особенно крупное, старается используя других членов международного сообщества, стать более весомым и влиятельным. Угрозы, действительное применение силы, формирование коалиций и завоевание зон влияния являются инструментами для создания такой международной среды и таких правил международной политической игры, посредством которых государство реализует свои интересы и цели.

Иными словами, важнейший принцип функционирования международной системы это стремление государств к контролю над другими акторами международной системы. Естественно, что нередко акторы международной системы сталкиваются с конфликтом интересов².

¹Поздняков Э. А. Внешнеполитическая деятельность и международные отношения. М. : Наука, 1986. С. 35.

²Поляк Г. Б. Всемирная история: учебник для вузов. М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 2014. С. 43.

Особенности региональных международных систем

Регионализация в том виде, в котором она существует на сегодняшний день это относительно новый феномен. В связи с этим до сих пор нет четко разработанных критериев и параметров понятия «регион», кроме того имеется огромное количество вариантов прикладной классификации регионального разделения мира. Это относится не только к масштабам регионов, но и к принадлежности конкретных государств к тем или иным географическим, цивилизационным и политическим регионам.

Само понятие «регион» имеет довольно много значений. Во-первых, «регион» может принадлежать как к делению пространства внутри страны, если речь идет об административно-юридическом понимании региона¹, так и к делению уже всемирного пространства, если речь идет об международно-политическом понимании термина².

Во-вторых, регион может быть определен по ряду признаков или по базовой функции, являющейся базой для исследования (географический, геополитический или экономический регион)³. Таким образом, региональное деление в качестве «средства отбора и изучения пространственных сочетаний сложных комплексов явлений»⁴, обычно зависит от того, какие исследовательские задачи были поставлены, и от того каким будет характер социального конструкта⁵.

В качестве аналитического конструкта региональное деление мира имеет особенности образной репрезентации, то есть регион может быть политико-географическим образом определенной территории, что будет являться демонстрацией характерных черт и закономерностей ее развития⁶.

В отечественной науке специфика регионального уровня анализировалась с точки зрения системного подхода, что выразилось в идее международно-политического региона, рассматриваемого в качестве «относительно самостоятельной подсистемы межгосударственных отношений, которые объединены совокупностью определенных политических проблем, и соответствующих им отношений, которые присущи конкретному региону»⁷. В свою очередь, основой данного определения является определение политического регионализма,

¹ Мир политической науки. Кн. 1. Категории. М.: Просвещение, 2004. С. 596; Дергачев В., Вардомский Л. Регионоведение. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 10.

² Мир политической науки. Кн. 1. Категории. М.: Просвещение, 2004. С. 596; Система, структура и процесс развития международных отношений / под ред. В. Гантмана. М.: Наука, 1984. С. 363.

³ Мир политической науки. Кн. 1. Категории. М.: Просвещение, 2004. С. 596; Дергачев В., Вардомский Л. Указ. соч. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 11–12.

⁴ Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение. М.: Гардарики, 2002. С. 22.

⁵ Die Region als soziale Konstruktion / Spindler M. Regionalismus im Wandel. Die neue Logik der Region in einer globalen Konomie. Wiesbaden: VS Verlag, 2005. P. 100.

⁶ Подробнее о структуре политико-географических образов см.: Замятин Д. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. С. 83–91.

⁷ Система, структура и процесс развития международных отношений / под ред. В. Гантмана. М.: Наука, 1984. С. 363. См. в этой связи расширительную трактовку международно-политического региона: Воскресенский А. Д. Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их региональной трансформации // Политические системы и политические культуры Востока. М.: Восток-Запад, 2006. С. 7.

данное Д. Хэлдом, Д. Гольдблаттом, Э. Макгрю, Д. Перратоном, согласно которому политический регионализм означает взаимоотношения между группой смежных национальных держав, обладающих общими характерными чертами, высоким уровнем взаимодействия и институализированной кооперацией, которая осуществляется благодаря формальной многосторонней структуре. Для попыток выделения отдельных региональных пространств / регионов / региональных подсистем существовало несколько оснований.

Во-первых, было очевидно, что, основываясь на анализе целого ряда международных процессов исходя из основной конфликтной оси биполярности нельзя получить полное представление о них, а сами процессы либо сгенерированы не взаимодействием супердержав, либо имеют к этому лишь косвенное отношение. По этой причине О. Янгом была предложена модель анализа международной политики, согласно которой исследователь должен выявить какой фактор, соответствия или разрыва глобального и регионального преобладает в том или ином вопросе.

Во-вторых, анализируя взаимосвязи в рамках определенного региона можно было раздвинуть рамки классического страноведения, что даст более богатый инструментарий для сравнительного анализа, в том числе межрегионального, но уже на уровне международных отношений, мировой политики, мирового комплексного регионоведения и сравнительного макрорегионального политического анализа.

В-третьих, анализируя то как соотносятся глобальный, региональный и национально-локальный уровни выработывались новые возможности для того, чтобы рассмотреть те или иные проблемные вопросы в рамках международной системы. Регионализация подразумевает под собой очень тесную взаимозависимость между соседними государствами на политическом, экономическом и культурологическом уровне.

Сам термин «регионализация» на самом деле подразумевает под собой три явления, отличающихся по своему содержанию:

- неформальное понимание данного термина в мировой политике означает возрождение региональных держав;
- классическое политико-экономическое определение подразумевает формирующиеся региональные интеграционные группировки, в том числе и преференциального типа;
- формирующееся же направление в экономической политологии и комплексном регионоведении означает политическую основу и движущие силы регионализма и регионализации в обоих значениях данного понятия.

Так понятия регионализм и регионализация могут заменять друг друга, что подчеркнет взаимозависимость государств и выход определенных проблемных вопросов за пределы национальных государств на региональном уровне, а могут выступать и как лишь частично совпадающие понятия, например, в сфере экономики и международной политики.

Общая характеристика Черноморско-Каспийского региона

Черноморско-Каспийский регион является объектом пристального международного внимания не только из-за богатства природными ресурсами, но и из-за своего геополитического и геостратегического положения, которое дает ведущим акторам мировой политики возможность реализовать свои экономические, политические и военно-стратегические интересы. Стратегически значимым данный регион является из-за своего пограничного положения между Азией и Европой, на пересечении важных транспортных направлений «восток-запад» и «север-юг».

После распада Советского союза территория Черноморско-Каспийского региона стала полем множества внутрирегиональных конфликтов и объектом активного воздействия внерегиональных игроков.

В геополитике и современных международных отношениях можно встретить понятие «Черноморско-Каспийское пространство», включающее в себя Северный Кавказ, Закавказье, Центральную Азию, причерноморские государства, придунайские государства и Балканы.

В случае рассмотрения Черноморско-Каспийского пространства только в качестве региона, с выходом к Черному и Каспийскому морям, то население региона составляет примерно 380 млн человек, при общей площади в 7 млн кв. км¹.

Черноморско-Каспийскому региону принадлежит важное место на современной геополитической карте мира. Регион обладает богатыми природными ресурсами, кроме того, на его территории лежат важнейшие транспортные коридоры, имеющие стратегическое значение и обеспечивающие контроль над Евразией. На данной территории сконцентрированы геополитические, экономические и военно-политические интересы как основных региональных, так и внерегиональных сил.

Так как ресурсы и геостратегическое положение ЧКР дают возможность реализовать экономические и военно-стратегические интересы, то регион стал своеобразным полем битвы для государств и сил, желающих доминировать в столь стратегически важном районе.

ЧКР обладает всеми предпосылками для экономического и социального развития. Богатые запасы угля, железа, алюминия, хрома и особенно нефти и природного газа, множество национальностей и разнообразие культур являются весьма благоприятными факторами для развития не только отдельных государств, но всего региона в целом.

Столь выгодное географическое положение, пересечение культур, наличие множества путей экспорта сырья и важность контроля над ними, все эти факторы в совокупности усложняют геополитическую обстановку в регионе.

И. Куikliна, считает, что «ЧКР является регионом зарождения и расцвета, упадка и исчезновения, соприкосновения и взаимопроникновения многих мировых цивилизаций. До нынешнего времени ученые и политики занимаются поиском обоснования собственных взглядов и пристрастий в древнейшей

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/publications-plans/document/72982>.

истории, которая разворачивалась на этом пространстве. Другой вопрос, что поиски не всегда удачны. И теперь регион является сосредоточением и пересечением всех возможных цивилизационных, этнокультурных и других параметров и моделей развития человеческих общностей»¹.

Тем не менее, не смотря на столь радужные перспективы развития региона, существует множество потенциальных конфликтов, которые теоретически могут перерасти в более серьезные локальные войны. Остается большое количество нерешенных вопросов между государствами.

Важным моментом в характеристики региона является то, что большая часть государств принадлежит постсоветскому пространству, за исключением ИРИ и Турции. Основная часть является либо бывшими республиками СССР, либо его прежними сателлитами. Таким образом этот фактор имеет заметное влияние на стабильность и развитие региона. Несмотря на этно-национальные особенности, разницу территорий, человеческого ресурса и экономического потенциала все образовавшиеся после 1991 г. государства обладают общим советским прошлым. По этой причине государства региона обладают рядом схожих проблем, вроде политической и социальной нестабильности или неустойчивого экономического развития.

Наличие общего советского прошлого у государств Черноморско-Каспийского региона является не единственным фактором, характеризующим вызовы, угрозы и риски региональной стабильности.

Стабильность региона в значительной мере связана с тем, что кроме России, в ЧКР имеют свои интересы такие крупные мировые державы как США, Китай, Турция и Иран, которые являются противоборствующей силой в регионе. В ЧКР совпадают интересы государств, которые претендуют на роль глобального регионального игрока. Таким образом политика этих государств напрямую влияет и обуславливает уровень региональной стабильности.

Еще одной характеристикой является разновекторность внешних политик государств ЧКР. Политическая разнонаправленность составляет довольно сложную систему межгосударственных отношений внутри региона. Ряд государств не имеет окончательной политической ориентации. Их политическая ориентация имеет реактивный характер, и меняется исходя из новых внешних и внутренних обстоятельств. ЧКР притягивает все больший интерес. Поэтому развитие сотрудничества между государствами региона имеет большое значение.

Исторически сложилось, что ЧКР является важным транзитным путем из Европы в Азию, посредством которого европейцы получают жизненно важные грузы. Львиная часть энергосырья и других товаров, которые европейские страны получают из азиатского региона, транспортируется по Черноморско-Каспийскому региону. В международно-политическом плане регион известен богатством ресурсов и взрывоопасностью в международных отношениях, что характеризует регион как довольно нестабильный.

¹ Куклина И. Проблемы безопасности в Черноморско-Каспийском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 1. С. 90–97.

Заключение

Таким образом, в результате рассмотрения теоретических оснований формирования региональных международных систем мы можем сделать вывод, что любая международная система представляет собой общность международных акторов, которое могут быть как государствами, так и международными организациями, которые постоянно взаимодействуют между собой и образуют устойчивую целостность. Отдельно определение термина «международная система» в научной литературе как таковое отсутствует, так как представляет собой сложную систему, которая включает в себя целый перечень аспектов. Регионализация же в современном ее виде является относительно новым феноменом. В связи с этим на сегодняшний день до сих пор отсутствуют четко разработанные критерии и параметры понятия «регион», а также имеется множество вариантов прикладной классификации регионального разделения мира.

При рассмотрении Черноморско-Каспийского региона мы выяснили следующее. ЧКР является объектом пристального международного внимания как по причине богатства природными ресурсами, в первую очередь углеводородами, так и из-за геополитического и геостратегического положения, которое дает ведущим акторам мировой и региональной политики возможность реализовать свои экономические, политические и военно-стратегические интересы.

Стратегически значимым ЧКР является из-за своего пограничного положения между Азией и Европой, на пересечении важных транспортных направлений «восток-запад» и «север-юг».

Список литературы

1. Арон Р. Мир и война между народами. – М. : Текст, 2014. – 303 с.
2. Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение. – М. : Гардарики, 2002. С. 22.
3. Гукасов А. В., Косов Г. В. Технологии формирования нового мирового порядка в период «interregnum»: к вопросу формирования новых элитарных зон и территорий распада (кейс Большого Средиземноморья) // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 4. – С. 82–103.
4. Косов Г. В., Татарков Д. Б. Ближневосточный узел Большого Средиземноморья в контексте элитологического анализа // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 111–129.
5. Мир политической науки. Кн. 1. Категории. – М. : Просвещение, 2004. – С. 596.
6. Дергачев В., Вардомский Л. Регионоведение. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – С. 10.
7. Система, структура и процесс развития международных отношений / под ред. В. Гантмана. – М. : Наука, 1984. – С. 363.
8. Куклина И. Проблемы безопасности в Черноморско-Каспийском регионе // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 1. – С. 90–97.
9. Поздняков Э. А. Внешнеполитическая деятельность и международные отношения. – М. : Наука, 1986. – 184 с.

10. Поляк Г. Б. Всемирная история : учебник для вузов. – М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 2014. – С. 43.
11. Замятин Д. Метагеография: пространство образов и образы пространства. – М. : Аграф, 2004. – С. 83–91.
12. Система, структура и процесс развития международных отношений / под ред. В. Гантмана. – М. : Наука, 1984. – С. 363.
13. Воскресенский А. Д. Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их региональной трансформации // Политические системы и политические культуры Востока. – М. : Восток-Запад, 2006. – С. 7.
14. Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/publications-plans/document/72982>.
15. Die Region als soziale Konstruktion / Spindler M. Regionalismus im Wandel. Die neue Logik der Region in einer globalen Konomie. – Wiesbaden: VS Verlag, 2005. – P. 100.
16. Усманов Р. Х., Гришин Н. В., Оськина О. И., Кудряшова Е. В. Развитие политической науки в Астраханской области (к 10-летию кафедры политологии Астраханского государственного университета) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 1 (38). – С. 208–217.

НАСИЛИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Галанина Д.С., студентка, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dasha.g.98@mail.ru

Аннотация. В статье отражена проблема насилия в международных отношениях на примере евразийского пространства. Интерес к данной проблеме выражен из-за востребованности создания мирного процесса выхода из кризиса. Проблема обеспечения евразийской безопасности возникла после распада СССР и образования на постсоветском пространстве новых независимых государств. В принципиально новых условиях разрушения баланса интересов биполярного мира возникли новые проблемы обеспечения глобальной и региональной безопасности

Ключевые слова: международные отношения, насилие, конфликтные ситуации, политика, Евразийский регион

THE PROBLEM OF VIOLENCE IN INTERNATIONAL RELATIONS: CURRENT PROBLEMS OF EURASIAN SECURITY

Galanina D.S., student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishev st.
E-mail: dasha.g.98@mail.ru

Annotation. The article reflects the problem of violence in international relations on the example of the Eurasian space. The interest in this issue is expressed because of the need to create a peaceful process to overcome the crisis. The problem of ensuring Eurasian security arose after the collapse of the USSR and the formation of new independent states in the post-Soviet space. In the fundamentally new conditions of the destruction of the balance of interests of the bipolar world, new problems of ensuring global and regional security have emerged

Keywords: international relations, violence, conflict situations, politics, Eurasian region

Термины «Евразия», «Евразийский» традиционно всегда были и являются одними из наиболее сложных для точного и раз и навсегда однозначного определения. Сложность определения кроется, с одной стороны, в неопределённости границ, которые должны составить внешние пределы того ареала, которого мы хотели бы обозначить «евразийским». Самый острый вопрос в данном контексте – где заканчивается Восточная Европа и где начинается Западная Евразия? С другой стороны, до сих пор идут академические (и не только) споры по поводу четкого определения того субъекта, которого можно считать источником для формирования некой «евразийской» или «общеевразийской» идентичности. Кто или что субъект, формирующий евразийскую идентичность? Русские? Советское наследие? Монгольское наследие? Скифское наследие?

Совокупность современных народов ЕАЭС? Особенности климата и географической отдаленности от морей? Скорее всего, все вместе. Составление какого-то ёмкого, более-менее внятного и аргументированного ответа на эти вопросы является задачей для дальнейших исследований и публикаций.

В культурно-географическом измерении хотелось бы сослаться на терминологию, выработанную классическим евразийцем, экономистом и географом Петром Савицким. Столкнувшись с такой же проблемой невнятности термина «Евразия», он подразделил его на две субкатегории.

«Eurasia in sensu stricto», т.е. «Евразия в строгом или узком понимании» – это территория, условно совпадающая с границами бывшей Российской империей и (к нашему времени уже) бывшего СССР. Условно, современное постсоветское пространство. Выделение данной территории в отдельную категорию обусловлено множествами причин – культурными, климатическими, географически-ландшафтными, историческими. Прежде всего, Савицкий и евразийцы считали, что данный ареал населяют народы отдельной, единой и самобытной «евразийской» цивилизации.

Не хотелось бы уменьшить значение (во всех смыслах этого слова) данного пространства, но ради научной точности можно было бы назвать данный ареал также «Малой Евразией», т.е. в противопоставлении к «Большой Евразии» [10 с. 46].

«Eurasia in sensu latiore», т.е. «Евразия в широком понимании» – термин, введенный немецким географом, натуралистом и путешественником Александром фон Гумбольдтом для описания всего евразийского материка или «континента Евразия» в пределах от Атлантического и Северного ледовитого океанов на западе и севере до Тихого и Индийского океанов на востоке и юге. Как раз этот термин и лучше всего описывает концепцию «Большой Евразии» с географической точки зрения.

«Большая Евразия» в данном определении выступает как огромное плато суши, «мировой остров» по определению британского геополитика Маккиндера, окруженное мировыми океанами. «Хартленд» Хельфорда Маккиндера – это как раз та самая «Eurasia in sensu stricto». Континент-материк «Большая Евразия» действительно един в том плане, что оно представляет собой огромную неразделенную сухую поверхность в глобальном океане.

Однако в культурно-политическом плане мы видим, что на ней проживают совершенно разные народы и цивилизации, крупнейшие из которых – европейская, евразийская, арабская, персидская (иранская), индусская и ханская (китайская), что приводит к разным международным и социальным столкновениям [11, с. 22–40].

Международные отношения представляют собой зону высокой конфликтности, внутри которой возникают противоречия.

Политика всегда была связана с властью, а ее главным отличием является использование четко организованного насилия. «Насилие» как явление принимает вид ключевого вопроса в международных отношениях. Феномен насилия используется как инструмент для достижения целей государствами. Главной причиной, при которой возникают конфликтные ситуации, является наличие противоречий между несколькими участниками взаимодействия при ограниченных материальных и нематериальных ресурсах, что отображается в следующих категориях:

1) Разные национальные интересы государств, которые выражены в разных интересах и целях только одного актора и вступают в противоречия с интересами другой стороны.

2) Основательно увеличилось количество участников международного взаимодействия, а также изменились их качественные характеристики. Кроме традиционных участников международных отношений – государств, появились новые участники – корпорации, правительственные и неправительственные организации, движения политической направленности, которые преследуют свои личные цели.

3) Происходит усиление международного взаимодействия, что приводит к возникновению новых конфликтов [1, с. 78–115].

На данном этапе развития международных отношений политическое насилие принимает неоднозначные формы: черты насилия становятся более жестокими и сложно управляемыми. Сейчас отчетливо можно проследить, как столкновения локального характера перерастают в региональные войны, а региональные становятся международными.

Сейчас нельзя не согласиться, что насилие в современной политике носит глобальный и масштабный характер.

П. Аснер, анализируя современное состояние международных отношений, утверждает, что роль силы «скорей, не столько упраздняется или в необходимой мере снижается, сколько попросту становится менее непосредственной, более неопределенной, не такой предсказуемой и поддающейся расчетам» [2, с. 116].

Конфликты между государствами и другими субъектами международного взаимодействия носят ненасильственный характер, а отношения между ними в значительной степени интегрированы и регулируются совместно созданными институтами. Примерами такой интеграции и мирного урегулирования противоречий являются страны Европейского Союза и страны Содружества Независимых Государств.

Под насилием понимают акт принуждения по отношению к какому-либо субъекту, что заставляет его действовать вопреки своим желаниям и интересам и зачастую во вред себе. Вред приносит даже не сам акт насилия, а действия, которые предпримет принуждаемый субъект. Эти действия могут привести к жертвам или нанести ущерб собственности людей.

Проблемой изучения развития политического насилия в России занимались ученые-политологи: Ю.И. Авдеев, В.Ю. Бельский, А.И. Костин [3, с. 368], А.П. Дугин [4, с. 63–64], Е. Джурабаев [5, с. 46], В.П. Емельянов [6, с. 291] и другие.

Сейчас сильное противоборство происходит вокруг материка Евразия. Северная Евразия и Арктика становятся интересными для мировой политики. Евразия представляет собой сеть континентальных транснациональных коммуникаций, которые обладают технологическим потенциалом.

Главной опасностью евразийской стабильности и безопасности представляют действия США и Великобритании, которые хотят изменить геополитическую составляющую государственно-политических сил и установить контроль над континентальными ресурсами, коммуникациями и ключевыми государствами Евразии. Еще Збигнев Бжезинский в своей работе «Стратегическое прозрение» писал, что необходимо поддерживать сложный баланс сил на Востоке.

Добившись определенных результатов на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и на Кавказе, США и Великобритания стремятся и дальше наращивать свой успех. Продолжается движение НАТО на Восток. Усиливается американское военное присутствие в регионе. Активно ведутся необъявленные торгово-экономические и финансово-информационные войны против неудобных режимов. Расширяется сеть неправительственного влияния

на развитие событий в различных регионах Евразии. В отношении Центральной Азии атлантические планы подразумевают полную переориентировку на США стран, которые традиционно входят в орбиту влияния России – это среднеазиатские государства.

Региональный конфликт в Евразии как форма международных политических отношений отличается разнообразием и динамизмом, определяемым взаимодействием долгосрочных исторических процессов в системе мировой политики.

В основе многочисленных внутренних конфликтов в Евразии лежат социально-экономические и политические проблемы, борьба за власть, ресурсы и территориальные претензии, межэтнические и межрелигиозные разногласия – всё это провоцирует на использование экстремистских и террористических методов борьбы [7, с. 128–137].

Здесь наблюдается дальнейшее обострение геополитического противоборства между основными евразийскими цивилизациями, в частности западно-христианской, исламской и православной (восточно-христианской).

В настоящее время продолжает обостряться миграционная проблема на евразийском континенте, это приводит к возникновению конфликтов на межнациональной почве.

Россия, контролирующая значительную территорию Евразии, обладающая огромными природными богатствами и имеющая немалый потенциал геостратегических коммуникаций, может сыграть главную роль в предотвращении конфликтов на материке, формировании всеобъемлющей системы обеспечения стабильности и безопасности. В том числе это касается и т.н. региона Большого Каспия, который оказывает существенное влияние на все евразийское геополитическое пространство [8].

Заключение. Оценка перспектив является важным вопросом в области развития опасности существующих и возможных региональных конфликтов и путей их мирного решения. Развитие евразийского пространства имеет особое значение в контексте мировых интеграционных процессов. Различные форматы интеграции помогают наладить мирное взаимовыгодное сотрудничество и объединить усилия участников для противодействия региональным угрозам, которые могут привести за собой вооруженные конфликты.

Список литературы

1. Дериглазова Л. В. Конфликты в международных отношениях : учеб. пос. – 2-е изд., испр. и доп. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. – С. 78–115.
2. Аснер П. Насилие и мир: от атомной бомбы до этнической чистки. – СПб., 1999.
3. Авдеев Ю. И., Бельский В. Ю., Костин А. И. и др. Терроризм как социально-политическое явление Противостояние в современных условиях. – М., 2015 – 368 с.
4. Дугин А. Г. Экономический смысл и геополитические последствия // Геополитика террора. – М., 2002. – С. 63–64.

5. Джурабаев Е. Беглый император террора // Эксперт. – М., 1999. – 30 августа. – № 32. – С. 46.
6. Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 291 с.
7. Майтдинова Г. М. Перспективы меридиональной интеграции государств Южной и Центральной Азии в зоне ответственности ШОС // Актуальные проблемы расширения Шанхайской организации сотрудничества. – Сочи : Институт стран СНГ, 2016. – С. 128–137.
8. Маркелов К. А. Современные геостратегические концепции политических элит прикаспийских государств // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 147–170.
9. Бородачёва Е. М., Щекотуров А. В. Евразийский медиаиндекс. II квартал 2017 года. – М., Минск: Институт социологии НАН Беларуси, Центр изучения перспектив интеграции, 2017. – 46 с.
10. Вардомский Л. Б. Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. – Пространственная экономика. – 2017. – № 4. – С. 22–40.

МЕСТО И РОЛЬ БОЛЬШОГО КАСПИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

Степанян Г.Э., студент, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Аннотация. На территории Большого Каспия сталкиваются геополитические интересы многих стран, это обусловлено большим количеством углеводородных ресурсов, геополитически выгодным расположением территории, а также возможностью создания новых логистических маршрутов. В первую очередь это страны «Каспийской пятерки» (Россия, Азербайджан, Иран, Казахстан, Туркменистан). На сегодняшний день на этот регион пытаются оказывать влияние мировая тройка (Китай, США, ЕС).

Ключевые слова: Большой Каспий, Каспийский регион, углеводородное сырье, геополитика, Россия, Китай, США, ЕС, Прикаспийские страны, вызовы и угрозы

THE PLACE AND ROLE OF THE GREAT CASPIAN IN MODERN GEOPOLITICS

Stepanyan G. Eduardovich, student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.

Annotation. On the territory of the Greater Caspian Sea, the geopolitical interests of many countries collide, this is due to the large amount of hydrocarbon resources, the geopolitically favorable location of the territory, as well as the possibility

of creating new logistics routes. First of all, these are the countries of the "Caspian Five" (Russia, Azerbaijan, Iran, Kazakhstan, Turkmenistan). Today, the world countries (China, the US, the EU) is trying to influence this region.

Keywords: Big Caspian, Caspian region, hydrocarbon raw materials, geopolitics, Russia, China, USA, EU, Caspian countries, challenges and threats

Принятие Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, 12 августа 2018 года, стало главным региональным событием, происходившим за последние четыре года на территории Каспия. Это принципиально важно, так как эта конвенция закрепляет за пятью каспийскими государствами суверенные права на Каспийское море, а также наделяет их ответственностью за использование ресурсов и сохранение окружающей среды, поможет обеспечить устойчивое развитие на Каспии. Конвенция является хорошей базой для дальнейшего международного сотрудничества как между странами «Каспийской пятёрки», так и сотрудничеству со странами, относящимися к Большому Каспию.

Всё больше и больше в научный оборот входит термин «Большой Каспий». Это регион, который был создан после того, как Советский Союз распался на ряд независимых государств, в расширенном понимании включал в себя не только страны, имеющие непосредственный выход к Каспийскому морю, но и граничащих с этими странами, например, страны, входящие в Центральную Азию, Южный Кавказ и т.д. Западные специалисты формируют термин «Большой Каспий» как и другие аналогичные идеологические проекты: Большая Центральная Азия, Большой Кавказ [1].

Если мы обратимся к геоэкономическому словарю, то там мы увидим следующее определение: «Большой Каспий» - геополитический регион, возникший вследствие распада СССР. Каспийский регион включает прилегающие к морю страны: Россия, Туркменистан, Казахстан, Иран, Азербайджан, а в расширенном толковании – ещё Южный Кавказ и Центральную Азию» [2, с. 177].

Структурно Большой Каспий можно разделить на две составляющие – это страны, составляющие «каспийскую ось» и страны, составляющие «каспийскую дугу». Каспийскую ось составляют страны Каспийской пятёрки, а каспийская дуга представлена странами «Прикаспийской десятки» (Армения, Афганистан, Грузия, Ирак, Киргизия, Таджикистан, Турция, Пакистан, Узбекистан, Украина), которые образуют полумесяц вокруг региона. В эту концепцию также входит мировая тройка: США, Китай, ЕС. Эксперты в области Каспия считают, что именно эти три актора вмешиваются в геополитику в данном регионе для реализации своих национальных интересов [3, с. 19].

Хогленд Р.Х – американский дипломат, считает, что Большой Каспий – это регион, который является крупнейшим углеводородным депозитарием мира. Он характеризует БК, как новый быстро растущий, стратегически важный регион, за влияние в этом пространстве борются четыре мировые державы: Россия, КНР, ЕС, США [4, с. 17].

Эксперты Европейского Совета под термином «Большой Каспий» понимают пять стран, имеющих выход к Каспийскому морю (Россия, Казахстан,

Иран, Азербайджан, Туркменистан), а также страны, связанные с каспийской пятеркой исторически, политически, культурно, экономически (Армения, Грузия, Узбекистан). Хочется отметить, что подход Европейского Совета к пониманию термина «Большой Каспий» наиболее близок с пониманием отечественных ученых. Так как российское научное сообщество под термином БК, рассматривает, через «Каспийскую пятерку» и ряд стран и международных организаций, территориально расположенных рядом с Каспийским регионом.

Как отмечает ректор Астраханского государственного университета Маркелов К.А.: «Развитие региона, на современном этапе, характеризуется переходом от двухсторонних отношений «Каспийской пятерки» на более высокий уровень» [5].

Мы видим, как на территории БК, формируются условия, для многовекторного развития и сотрудничества, не только «Каспийской пятёркой», но и третьими государствами, которые образуют новые межстрановые взаимодействия, учитывая их экономические, политические, культурные приоритеты. Можно сделать вывод о том, что Каспийский регион, географически включающий себя пять государств, трансформируется в новое значимое поле, где встречаются геополитические интересы многих стран.

Геополитической особенностью Большого Каспия, является территориальная расположенность, благодаря которой Каспий является связующим звеном Запада и Востока, Севера и Юга, благодаря последней, происходит транспортировка энергетических ресурсов в страны Европы. Пересечение этих транспортных и энергетических артерий является одним из ключевых факторов геополитического значения региона.

Геополитическое и геоэкономическое значение Большого Каспия возрастает с каждым годом. Прежде всего это проявляется в сфере добычи нефти и газа, прокладки трубопроводов по их транспортировке. Геополитическая обстановка на территории БК определяется взаимодействием между странами «Каспийской пятерки». Основным конкурентом для России является Азербайджан, который имеет значительное количество энергетических ресурсов, к тому же, является одним из ключевых звеньев транзита этих ресурсов, обходя при этом стороной территории Российской Федерации.

Стоит отметить, что на современной мировой арене ведется активная борьба за контроль над энергетическими и территориальными ресурсами. Поэтому Каспийский регион, обладая большим количеством этих ресурсов имеет большое значение как для внешних, так и для внутренних игроков. По оценкам экспертов, в Северной части Каспия энергетические ресурсы достигают 13000 млн. тонн углеводородов [6, с. 87]. «Большой Каспий» по праву считается одним из центров мировой энергетики. «Каспийская пятерка» имеет примерно 4 % мировых запасов нефти. Однако, по мнению экспертов, количество углеводородных ресурсов в будущем может быть увеличено. Это обусловлено тем, что большая часть запасов, расположена на глубине более 3 км, которые не изучены на данный момент.

Так, для большинства стран главным фактором для продвижения своих интересов является экономический фактор, а главной целью становится – обеспечение нового источника энергетических ресурсов. Однако для части стран главным фактором является геополитическое положение Каспия для обеспечения стратегических и военных целей. США является примером такой страны. Это отражается в их попытках продвигать свои компании на территории Каспия, а именно в Азербайджане. США стремятся ослабить влияние России в Каспийском регионе, для более обширного вовлечения американского бизнеса на территории региона, а также препятствование потокам энергоресурсов в Китай. В следствие напряженных взаимоотношений Китая и США, это направление для американской политики в данном регионе является одним из приоритетных, тем более что США не хочет терять Азербайджан, Казахстан и Туркменистан, в которые идут большие инвестиционные потоки.

Для американской энергетической политики Каспийский регион является своеобразным резервом углеводородного сырья, которым они смогут воспользоваться в случае истощения запасов в основных странах-поставщиках. Так как США является большим потребителем энергоресурсов она заинтересована в диверсификации как энергопоставщиков, так и транспортировки. Также для США важен фактор роста их зависимости от ресурсов стран Персидского залива, поэтому Каспий является хорошим решением данной проблемы [9].

Большой Каспий интересен Соединенным Штатам не только своим углеводородным потенциалом, но и возможностью иметь выход на страны Ближнего Востока. Поэтому США пытается активно интегрироваться в Азербайджан, Армению и Грузию. Вместе с этим ведется работа по направлению внедрения НАТО на территорию Большого Каспия. Наиболее расположена к этому Грузия. Несмотря на то, что она не имеет прямого выхода на Каспий, это может стать начальным этапом для США [7].

Геополитическую роль региона показывает наличие в нём такого крупного геополитического игрока как Китай, который в последние годы активно обсуждает логистический маршрут через территорию Каспия - «Один пояс-один путь», он предусматривает сеть маршрутов: «Морской Шелковый путь 21 века», «Экономический пояс Шелкового пути» и «Ледовый шелковый путь» [8]. Главная задача проекта – воссоздание торгового пути между странами АТР и Европы. Официальные ведомства Пекина заявляют, что проект создан для укрепления экономики и оживления мировой экономики [10]. Сейчас Китай не демонстрирует склонности к формированию событий, а последовательно работает на перспективу. Часть научного сообщества, которая критически относится к проекту «Один пояс – один путь» считает проект непрозрачным в части региональных соглашений, а также в том, что это не выгодно для государств-участников, нанесение вреда экологии, срыве сроков и несправедливом выборе подрядчика. Одно из самых частых обвинений – это кредиты для развивающихся стран, которые те не могут выплатить. При детальном рассмотрении мы можем увидеть, что логистический проект далеко не однозначен, так как с одной стороны он позволяет диверсифицировать транспортные коридоры, а с другой

появляется риск, при котором часть мировой экономики будет полностью завязана на Китае, что даст ему новые рычаги давления [11].

Большой Каспий из-за большого количества факторов: углеводородные, водные ресурсы, выгодное географическое положение, все это делает этот регион привлекательным не только для стран, имеющих непосредственный выход к Каспийскому морю, но и их соседей и страны мировой тройки. Большой Каспий как геополитический регион является место столкновения интересов многих стран, что в значительной степени может увеличить конфликтность региона, которая и без того большая. Регион перестает восприниматься как замкнутое пространство, динамично вовлекаемый в международную повестку.

Список литературы

1. Маркелов К. А. Большой Каспий в системе нового мирохозяйственного уклада // Каспийский вестник. – Режим доступа: <http://casp-geo.ru/bolshoj-kaspij-v-sisteme-novogo-mirohozyajstvennogo-uklada/> (дата обращения: 07.05.2021).
2. Дергачев В. А. Геоэкономический словарь-справочник. – Одесса : ИПРЭЭИ НАНУ, 2004. – 177 с.
3. Карабущенко П. Л. Элиты и этноконфликты в геополитическом пространстве «великого Каспийского региона» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2009. – № 3. – С. 17–22.
4. Hoagland R.E. The greater Caspian region: competition and cooperation // Caspian Magazine affairs. – 2019. – January-February, 10–22. – Режим доступа: <https://www.caspianpolicy.org/wp-content/uploads/2019/10/Caspian-Affairs-Magazine-January-Issue-2019-1.pdf> (дата обращения: 07.05.2021).
5. Маркелов К. А., Головин В. Г. Большой Каспий в системе природно-геополитических координат // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshoy-kaspiy-v-sisteme-prirodno-geopoliticheskikh-koordinat> (дата обращения: 07.05.2021).
6. Серебряков А. О. Нефтегазовые ресурсы Каспийского моря // Геология, география и глобальная энергия. – 2013. – № 2 (49) – С. 80–89.
7. Coffey L. A Secure and Stable Caspian Sea Is in America's Interest // The Heritage Foundation. – Режим доступа https://www.heritage.org/europe/report/secure-and-stable-caspian-sea-americas-interest#_ftn7 (дата обращения: 07.05.2021).
8. Маркелов К. А. Большой Каспий в системе нового мирохозяйственного уклада // Каспийский вестник. – Режим доступа: <http://casp-geo.ru/bolshoj-kaspij-v-sisteme-novogo-mirohozyajstvennogo-uklada/> (дата обращения: 07.05.2021).
9. Маркелов К. А. Современные геостратегические концепции политических элит прикаспийских государств // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 147–170.
10. Майдар Сосорбарам Инициатива Китая «Один пояс – Один путь» будет дополнительно конкретизирована в 2017 году / Сосорбарам Майдар // Asia Russia Daily. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/news/14695/> (дата обращения: 07.05.2021).

11. Пименова А. О. «Один пояс – один путь» как глобальный экономический проект Китая // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2020/203011.htm> (дата обращения: 07.05.2021).

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ. БОРЬБА В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ БАССЕЙНЕ НОВЫЙ СТАТУС: СОГЛАШЕНИЕ ВЕКА?

Халимова Д.Т., студентка, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, Татищева, 20а
E-mail: toymuradovna@yandex.ru

Аннотация. В статье отмечено значение Каспийского региона для социально-экономического развития прикаспийских государств, рассмотрена история международно-правового регулирования отношений, связанных с использованием Каспийского моря, проанализирован его современный международно-правовой режим. Рассмотрены позиции прикаспийских государств относительно некоторых особенностей правового режима Каспия. Исследуются российско-иранские позиции в Каспийском регионе в новой геополитической ситуации, которая сложилась после распада СССР. Рассматриваются основные интересы внерегиональных игроков.

Ключевые слова: Каспийское море, сотрудничество государств, международно-правовой статус, права прикаспийских стран

THE CASPIAN SEA. FIGHTING IN THE ENERGY POOL NEW STATUS: THE AGREEMENT OF THE CENTURY?

Halimova D.T., student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.
E-mail: toymuradovna@yandex.ru

Annotation. The article notes the importance of the Caspian region for the socio-economic development of the Caspian states, examines the history of international legal regulation of relations related to the use of the Caspian Sea, and analyzes its current international legal regime. The positions of the Caspian states on some features of the legal regime of the Caspian Sea are considered. The article examines the Russian-Iranian positions in the Caspian region in the new geopolitical situation that developed after the collapse of the USSR. The main interests of non-regional players are considered.

Keywords: Caspian Sea, cooperation of states, international legal status, rights of the Caspian countries

Правовой статус Каспия: значение Актауской конвенции. На саммите глав государств 5 каспийских стран, который состоялся 12 июня 2018 года в Актау, Казахстан, переговоры, которые продолжались 25 лет, были доведены

до определенного момента соглашением. На этих переговорах присутствовали президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, Президент России Владимир Путин, Президент Азербайджана Ильхам Алиев, президент Ирана Хасан Рухани и президент Туркменистана Гурбангулу Бердымухаммедов.

На встрече, на которой обсуждались возможности сотрудничества Каспийского бассейна в области окружающей среды, безопасности, транспорта, экономики и других областей, пять государств достигли соглашения по тексту, который в значительной степени определяет правовой статус Каспия. Кроме того, на Каспии были подписаны протоколы, направленные на сотрудничество в таких областях, как предотвращение конфликтов, организованная преступность, борьба с терроризмом и безопасность границ.

Ухудшение международных отношений и глобального порядка инициировало новый процесс, связанный с регионом. Действительно, в августе 2018 года все прибрежные государства пришли к компромиссу, уступив свои тезисы. В частности, рост интервенций в кризисные сферы, рост путаницы в глобальной системе сыграли важную роль в том, чтобы государства региона проявили волю к декриминализации проблем между собой.

В соответствии с соглашением Каспийскому морю будет предоставлен особый статус, и соглашение ООН по морскому праву 1982 года не будет реализовано, а глубина воды будет определяться на основе принципа озера. В энергетическом море, которое оценивается в 50 миллиардов баррелей нефти и 8,4 триллиона кубометров природного газа, таким образом, начался новый процесс.

Согласно достигнутому компромиссу, поверхностная часть Каспия будет использоваться совместно, нижняя часть и районы, где находятся ресурсы, будут разделены между прибрежными государствами на основе международного права. На данный момент Каспий не будет считаться ни морем, ни озером. Работа и размещение трубопроводов будут проводиться в согласовании, и будут рассмотрены экологические вопросы. Границы морского дна еще не согласованы, но в то время как ранее требовалось многостороннее соглашение, то, что двусторонние соглашения могут быть реализованы вместе с достигнутым компромиссом, является довольно важным событием.

Одним из важнейших результатов соглашения о правовом статусе Каспийского моря является безопасность. Наличие иностранных военных активов на Каспии запрещено за пределами пяти прибрежных стран. Этот пункт был помещен в текст соглашения, в частности, по настоянию Москвы и Тегерана. Консультации по использованию воздушного пространства бассейна будут продолжены.

В соответствии с соглашением вкратце:

- В Каспийском море каждое государство будет иметь сухопутные воды на расстоянии до 15 морских миль, рыболовную зону шириной 10 морских миль.
- Государства смогут размещать подводные кабели и основные трубопроводы на дне Каспия в соответствии с порядком, принятым в международных соглашениях.

- Решение маршрута размещения трубопроводов и подводных кабелей будет осуществляться по соглашению с государством, которое пройдет через зону морского дна.
- За исключением стран, имеющих побережье Каспийского моря, в регионе не будет иностранных военных сил.
- Страна, которая имеет побережье региона, имеет право строить, использовать и эксплуатировать искусственные острова, объекты и сооружения.
- Все проблемы, связанные с Каспийским бассейном, будут решаться мирным путем.

На данный момент — это важный вопрос, на который нужно ответить, почему Россия и Иран согласились на такой компромисс в августе 2018 года и пошли на уступки по некоторым вопросам. Действительно, для трех тюркских республик соглашение имеет большую экономическую ценность, в то время как Москва и Тегеран приближаются к компромиссу на Каспии скорее из политических и геополитических рамок. Одна из основных причин, по которой спор в регионе продолжается уже много лет, Россия удовлетворяет свои энергетические потребности из разных областей. Москва, не зависящая от энергоресурсов на Каспии, пыталась заморозить процесс на длительный срок, как и в других кризисных сферах с геополитическими счетами. Российское правительство как политика планирует решить замороженные проблемы в своих интересах, превратив их в инструмент давления на двусторонние переговоры [1, с. 34–35].

Несовпадение позиций прикаспийских стран по вопросу путей урегулирования международно-правового статуса Каспийского моря усилили соперничество за доступ к месторождениям углеводородных ресурсов и их последующую доставку на внешние рынки. Россия стремилась установить контроль над будущими объемами добычи нефти и газа на Каспии, добиваясь их экспорта через свою территорию. Иран выступал за сохранение своего политического влияния на Каспии и настаивал на сохранении за ним как минимум равной доли акватории. Схожие геополитические цели России и Ирана, выступавших против расширения влияния в регионе вне региональных государств, не являлись препятствием для каждой из сторон укрепить свои позиции. Так, соперничеством за углеводородные ресурсы пытался воспользоваться Иран [2, с. 628–629].

В некотором смысле и Тегеран, и Москва обеспокоены тем, что Казахстан и Азербайджан развивают сотрудничество с западными странами, в первую очередь с США. Это также еще один важный фактор, с которым Китай вместе с Западом усиливает свое влияние в регионе. То, что Китай усиливает свое влияние на Каспии с помощью проекта “Один пояс, один путь”, особенно беспокоит Москву, что противоречит интересам страны. По этой причине Россия и Иран пошли на некоторые уступки по своим тезисам, пытаясь помешать странам, не имеющим побережья Каспия, участвовать в военной деятельности в регионе.

Декретное соглашение в январе 2018 года между Казахстаном и США об использовании портов Актау и Курик в чисто гуманитарных целях, за исключением

военной деятельности, примечательно тем, что Вашингтон демонстрирует важность, которую он придает региону. Это принципиальное соглашение оказало значительное влияние на достижение компромисса Каспийской пятерки 12 августа 2018 года. Этот шаг США в регионе привел к тому, что Россия и Иран, обеспокоенные иностранным военным предприятием в регионе, отступили от некоторых вопросов спора, которые они выдвигали в течение многих лет.

Действительно, после достигнутого компромисса МИД Казахстана заявил, что США не могут создать военную базу на Каспийском побережье. Несмотря на это, присутствие американских энергетических компаний в Азербайджане и Казахстане открывает этим молодым республикам противостояние Тегерана и Москвы.

Россия и Иран, пытаясь избежать возможной иностранной военной деятельности на Каспии, с определенными уступками продемонстрировали геополитический и ориентированный на безопасность подход к региону. Азербайджан, Казахстан и Туркменистан планировали добиться серьезных экономических выгод по соглашению. После соглашения были начаты работы по проектам, предназначенным для этой цели [3].

Достигнутый компромисс займет довольно важное место в таких вопросах, как сотрудничество в регионе, реализация экономических проектов, защита окружающей среды, но есть много вопросов, которые до сих пор не согласованы и не завершены. По этой причине, хотя компромисс, достигнутый в августе 2018 года, квалифицируется как ценное сотрудничество, риторика, такая как “соглашение века”, на данный момент маловероятна.

После ратификации соглашения о правовом статусе Каспийского моря в феврале 2019 года, Назарбаев подчеркнул, что соглашение включает в себя такие принципы, как уважение суверенитета, территориальной целостности, независимости, равенства, отсутствие власти и угроз. Казахстан стремится развивать свою экономику, используя компромиссную среду на Каспии.

В сопровождении этих соображений было подписано соглашение между премьер-министром Азербайджана Али Аседовым и премьер-министром Казахстана Аскармом мамином о строительстве новой волоконно-оптической кабельной линии в казахстанском порту Актау. Азербайджанская компания "Азертелеком" и казахстанские компании "Транстелеком" и "Казтранском" были инициаторами в этом проекте. Строительство 400-километровой линии планируется завершить в 2021 году. Благодаря этой линии возможности связи в регионе улучшатся еще больше.

Статья 14, регулирующая строительство трубопроводов в Каспийском море, является одной из важнейших особенностей договора. В предыдущие годы для строительства трубопровода требовалось одобрение всех сторон, и с этой статьей достаточно получить согласие только государств с морским дном, через которое будет проходить трубопровод. Таким образом, для Транс-Каспийского проекта, например, соглашение между Туркменистаном и Азербайджаном стало достаточным, и проект был открыт. Однако по протоколу, который возлагает ответственность на все стороны за защиту окружающей

среды Каспия в реализуемых проектах, все пять государств неявно имеют право оспаривать и вето на любой проект. По этой причине новые проекты были открыты, но есть вероятность возникновения серьезных трудностей в реализации.

На этом фоне Москва, которая с 2019 года начала получать больше туркменского газа по лучшей цене, пытается отговорить руководство Ашхабада от этого проекта. Но Туркменистан, который имеет четвертый по величине запас природного газа в мире, имеет гораздо больше природного газа, чем Россия может получить.

Несмотря ни на что, этот проект, который может принести значительные выгоды Туркмении, Азербайджану, Турции и странам ЕС, был открыт Каспийским примирением. Действительно, Казахстан уже много лет планирует соединить Тенгиз и недавно обнаруженные Кашаганские нефтяные месторождения на своем побережье с линией Баку-Тбилиси-Джейхан. После предоставленного компромисса этот проект стал более вероятным для реализации. По этой причине неудивительно, что в ближайшее время администрация Нур Султана увидит шаг в этом направлении.

В результате достигнутый компромисс будет выполнять довольно важную функцию в таких вопросах, как сотрудничество в регионе, реализация экономических проектов, охрана окружающей среды. В частности, происходит позитивный процесс передачи туркменских и казахских энергетических ресурсов через Каспий в Азербайджан и Турцию. Но есть еще много проблем, которые не обсуждаются и не завершаются. По этой причине Каспийский компромисс, достигнутый в августе 2018 года, может быть квалифицирован как ценное сотрудничество, но это не соглашение, которое решает все проблемы в регионе.

Интересы внерегиональных игроков

ЕС. Новая эра, образовавшаяся на Каспии с распадом Советского Союза, также вызвала различные планы для ЕС. Будучи одним из ведущих участников мирового рынка по потреблению энергии, ЕС с 1990-х годов рассматривал Каспийский регион как серьезную альтернативу для обеспечения энергетической безопасности. Государства ЕС, направленные на снижение энергетической зависимости от России, при поддержке США поддержали проекты по транспортировке туркменских, казахских и азербайджанских ресурсов через Каспий в Европу. Расширение границ до Каспия, особенно с расширенной европейской мыслью, долгое время оставалось на повестке дня.

С выходом Каспийского бассейна из-под контроля Москвы в международной системе возросли ожидания, что этот регион станет третьим энергетическим бассейном, независимым от Ближнего Востока и России. Вместо того, чтобы быть энергозависимым от России, поставки нефти и природного газа из Туркменистана, Казахстана и Азербайджана через Каспий также были более важными для ЕС в геополитическом плане. По этой причине западные государства воспринимали 1990-е годы как историческую возможность и пытались предпринять быстрые шаги для диверсификации своих энергетических ресурсов.

Помимо энергетической безопасности, нестабильность, которая могла произойти в регионе в постсоветский период, и беспокойство о распространении ее

в Европу также усилили интерес ЕС к Каспию. Создавая новую концепцию безопасности для региона, ЕС также развил сотрудничество с прибрежными странами Каспия по таким вопросам, как экологические проблемы, а также оказал различную помощь с целью формирования свободной рыночной экономики в регионе и демократизации.

Осознавая реальные политические реалии, ЕС вскоре понял, что он не может строить прочные отношения в регионе только с сотрудничеством и различными соглашениями. Действительно, в декабре 1993 года семь западных нефтяных компаний совместно с казахстанским правительством провели в Алматы нефть на Каспии и подписал соглашение об эксплуатации запасов природного газа. Аналогичным образом, Азербайджан и Туркменистан заключили такие соглашения со многими западными компаниями и правительствами.

Несмотря на такой подход ЕС, войны, начатые США после 11 сентября 2001 года в Афганистане и на Ближнем Востоке, оставили Каспийский регион прямо посреди чрезвычайно нестабильной области. Дальнейший рост нестабильности на Ближнем Востоке, конфликты на Кавказе и споры о правовом статусе Каспия привели к невозможности выполнения целевых энергоносителей в регионе.

Государства ЕС, которые не смогли решить проблемы со статусом региона, лучше поняли тот факт, что они должны смотреть на процесс на Каспии многомерно. В некотором смысле, что Каспий не может считаться независимым от политических событий на Ближнем Востоке и в Евразийской географии, вскоре стало ясно в ЕС.

США. С распадом Советского Союза США также проявили большой интерес к новой эре на Каспии. С начала 1990-х годов США, в частности Азербайджан, Казахстан и Туркменистан, рассматривали Турцию как транзитный маршрут и формировали свою политику в этом направлении. В связи с этим можно изучить интерес США к Каспию как энергетике, демократии и безопасности в нескольких общих названиях. Обеспечение инвестиций американских компаний в регионе, ускорение процесса демократизации, развитие рыночной экономики в регионе, обеспечение стабильности и ограничение влияния России и Ирана выделялись в качестве основной политики США на Каспии. В частности, идея уменьшить зависимость Европы от российской нефти и газа и не допустить, чтобы Россия стала монополией на транспортировку энергии в Евразию сыграла фундаментальную роль в стратегиях США на Каспии. На данный момент проект Транс-Каспийского газопровода, который будет транспортировать туркменский газ через Каспий в Азербайджан, а оттуда в Европу через Турцию, не был реализован, хотя и был поддержан Вашингтоном.

Самым осязаемым достижением США на Каспии, несомненно, является реализация линии Баку-Тбилиси-Джейхан. Доставка каспийской нефти на международные рынки без контроля России началась по этой линии. Второй альтернативой, которая откроет туркменский газ миру, кроме России, Китая и Ирана, является южное крыло Каспия. Также часто поднимаются различные проекты, которые обеспечат поток туркменского газа через Афганистан

в Пакистан, а оттуда в Индию или океаны. Действительно, в документе США “Новая Центральноазиатская стратегия”, объявленном в 2020 году, также подчеркивается Афганистан и этот маршрут. В связи с этим, наряду с новым статусом на Каспии, различные проекты, в первую очередь проект Транс-Каспийского газопровода, и транспортировка энергии в регионе на международные рынки найдут больше возможностей со стороны США [там же, с. 26].

Китай. Хотя основные геостратегические “игры” в XXI веке КНР ведет в Восточной Азии, тем не менее, интересы экономической, даже скорее энергетической, безопасности предполагают более глубокое втягивание этой страны в районы Ближнего Востока и Каспийского моря. Причем в первом случае в силу уже утвердившихся отношений Китай оказался в связке с Ираном и Ираком, т.е. со стратегическими противниками США. Не случайно последние рассматривают КНР как одну из дестабилизирующих факторов в регионе.

Глубокое втягивание Пекина в казахскую нефть, а в перспективе, не исключено, и в туркменский газ, превращают данное направление для Китая в стратегически значимую из-за планируемого резкого увеличения энергопотребностей как следствие динамично развивающейся китайской экономики. Все это ведет к тому, что КНР явится одной из основных игроков в районе Каспийского моря, интересы которого фактически не совпадают ни с одной внерегиональной страной. Китай, оттягивающий нефть на себя и действительно заинтересованный в ее добыче, представляет конкуренцию западным компаниям, но окажется союзником Японии, которая может использовать нефтепроводы, идущие на Китай, для перекачки собственной доли нефти. На этой почве возникают весьма сложные отношения в четырехугольнике КНР – США (Запад) – Япония – Россия, например, за заказы по строительству самого нефтепровода, финансируемые КНР.

В наибольшем выигрыше оказывается Казахстан и другие сопричастные к проекту страны Центральной Азии. Это один из самых сложных узлов взаимоотношений, в которые вплетаются после ядерных взрывов в Индии индийский и пакистанский факторы.

К какой стороне склонятся Казахстан и Китай, зависит от степени стратегической близости этих двух стран с Россией и Западом. И хотя с коммерческой точки зрения выбор очевиден, но он не столь очевиден с позиции политических и геостратегических перспектив.

Дипломатическое искусство России как раз и состоит в том, чтобы убедить Казахстан учитывать общие долгосрочные геостратегические интересы обеих стран, а не сиюминутные выгоды. Анализ этого узла осложняется тем, что Китай ведет стратегию, рассчитанную, как минимум на 50 лет, в которой США однозначно являются его стратегическим противником. Данный блок взаимоотношений настолько сложен, что даже официальный Вашингтон не может однозначно определить позицию в отношении КНР на каспийском участке, поскольку не в состоянии оценить ни характер ущерба, ни суть выгод от наличия китайского фактора в данном регионе [4, с. 150].

Турция. Новые государства, завоевавшие независимость в Центральной Азии и на Кавказе с распадом Советского Союза, также произвели солидные изменения в турецкой внешней политике. С 1990-х годов Турция стремилась быть эффективной в регионе экономическими и политическими средствами. В частности, тот факт, что Каспий считается ключевой областью для открытия Турцией в Центральной Азии, также сделал Турцию важным актором в геэкономической и геополитической борьбе, проводимой в регионе. В процессе борьбы и сотрудничества Азербайджана, Казахстана и Туркмении с Россией Турция попыталась сыграть ведущую роль.

Идея Турции стать “энергетическим центром ” стала более реалистичной с богатыми подземными ресурсами Каспия. С 1990-х годов обеспечение передачи энергетических ресурсов Каспия в Европу и на другие рынки мира стало предметом новых проектов. Турция, которая в значительной степени зависит от экспорта в энергоснабжении, расположена в регионе с богатыми запасами нефти и природного газа, главным образом на Ближнем Востоке и в Каспийском бассейне. Турция, которая образует транзитный путь, является мостом между странами - источниками и странами с высоким уровнем импорта энергии, является важной страной мирового масштаба за счет диверсификации как ресурсов, так и маршрутов в энергетическом транспорте между Азией и Европой; он приобрел большое значение, особенно в поставках энергии в Европу. Мысль о снижении зависимости Европы от российского газа и нефти в этом вопросе и поддержка США этой идеи позволили Турции найти поддержку и со стороны Запада своих проектов на Каспии. Проекты газопровода Баку-Тбилиси-Джейхан и транс-Каспий быстро поднялись.

Кроме того, Турция заинтересовалась этими странами, чтобы укрепить независимость Азербайджана, Туркмении и Казахстана, расположенных в Каспийском бассейне, и внести свой вклад в их экономическое развитие. Тот факт, что центральноазиатские тюркские республики, укрепляющиеся в экономической сфере, уменьшат зависимость от России и других стран, проложит путь для Анкары к политическому и экономическому сотрудничеству с этими странами на лучших условиях.

Действительно, с этими мыслями Транс-Каспийский проект, который будет передавать туркменский газ через Каспий в Турцию, а оттуда в Европу, оставался на повестке дня в течение многих лет. Анкара подписала 30-летнее соглашение о проекте с правительством Ашхабада в 1999 году, но из-за правового статуса Каспия и геополитической конкуренции этот проект не был реализован. Кроме того, нефть, которая будет производиться в Каспийском регионе, предназначена для транспортировки в Джейхан через Азербайджан и Грузию через безопасную, экономически и экологически подходящую трубопроводную систему и доставки оттуда на мировые рынки. Декретное соглашение, подписанное 4 июня 2006 года между Азербайджаном, Грузией и Турцией, обеспечило успешное открытие нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан. Таким образом, стремление России энергетической монополии в Евразии была нарушена

и были серьезные экономические и геополитические выгоды для Турции и Азербайджана.

25 октября 2011 года Турция провела переговоры с Азербайджаном и консорциумом Шахдениза, в ходе которых был достигнут консенсус о передаче в Турцию 6 миллиардов кубометров азербайджанского газа в год, начиная с 2018 года. 26 июня 2012 года между Турцией и Азербайджаном был подписан проект ТАНАПа, после чего было достигнуто соглашение о строительстве нового трубопровода для транспортировки 10 миллиардов кубометров азербайджанского газа в год через Турцию в Европу.

В рамках ТАНАПа, который имеет начальную мощность 16 миллиардов кубометров в год и максимальную годовую мощность 32 миллиарда кубометров, планируется строительство трубопровода длиной 1,85 километра, который простирается от границы с Грузией до границы с Грецией. Проект имеет партнерство с 30 % акций Botas, 58 % SOCAR и 12 % акций BP. 12 июня 2018 года был осуществлен первый поток газа в Турцию, газ в ближайшее время также будет доставлен в Европу.

Заключение. Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что Россия и Иран, которых мы можем охарактеризовать как доминирующие силы Каспия, больше ориентированы на безопасность в регионе, а Азербайджан, Казахстан и Туркменистан занимают более высокий план экономики. Действительно, в процессе соглашения Тегеран и Москва часто сосредотачиваются на статье, что на Каспии не может быть задействована иностранная военная сила, в то время как три республики настаивают на том, чтобы проекты трубопроводов, которые ранее, как ожидается, будут включать согласие всех пяти прибрежных государств, стали жизнеспособными двусторонними соглашениями.

Следует отметить, что эта точка зрения, ориентированная на экономику Азербайджана, Казахстана и Туркмении, напрямую связана с их безопасностью и суверенитетом. Против идеи совместного Каспия России и Ирана с момента распада Советского Союза три молодые республики защитили тезис о том, что каждое государство использует свое суверенное право на своем континентальном шельфе. Кроме того, экономические доходы и дипломатические доходы, полученные по сделкам с международными энергетическими компаниями, также нарушают влияние Москвы и Тегерана в этих странах. Мы также можем говорить о том, что государство, которое сумело интегрироваться в мировую систему с международными энергетическими проектами, может найти большую поддержку в случае кризиса или конфликта, который может возникнуть в будущем. Россия и Иран, которые очень богаты энергетическими ресурсами, более ориентированы на безопасность, приближаются к Каспию и сильно обеспокоены перспективой того, что в регионе будет найдена еще одна сила, которая не является прибрежной для Каспия.

Китай, который постепенно усиливает свое влияние на международной арене, также начал участвовать в уравнении на Каспии. В то время как Китай, крупный потребитель энергии, уже получает нефть и природный газ из Туркменистана и Казахстана, он показал, что он еще больше повысит свою

эффективность в Каспийском регионе по соглашению с Ираном в июле 2020 года. Хотя китайско-иранское соглашение может показаться скорее вызовом Пекина в ответ на американские санкции.

Наряду с Каспийским примирением с точки зрения ЕС снова были подняты такие важные проекты, как транс-Каспийский проект и передача казахской нефти через Баку-Тбилиси - Джейхан. Несмотря на это, государства с локомотивными державами ЕС, такие как Германия и Франция, не действуют с рефлексамми 1990-х годов против Москвы. Несмотря на то, что зависимость этих стран от России в энергетике время от времени критикуется как в их внутренней общественности, так и в глобальной плоскости, сильные государства континентальной Европы вступают в новые энергетические соглашения с Москвой, в частности "Северный поток-2". С непоследовательной и ненадежной внешней политикой ЕС попытка изменить статус-кво на Каспии кажется довольно сложной.

Отношение США, гораздо более решающим с точки зрения противовесов на Каспии, чем к ЕС. США не действуют с рефлексамми холодной войны против Москвы. Основная причина этого заключается в том, что в экономическом, технологическом и военном отношении две страны не находятся в конкурирующей ситуации. Несмотря на это, энергетическая зависимость ЕС от России и энергетический контроль России в Азии беспокоят Вашингтон. Это также вызывает тревогу с точки зрения Вашингтона, что Китай, в котором США вступают в глобальную борьбу, повышает свою эффективность в Каспийском бассейне. И также следует отметить что несмотря на то, что прошло два года с момента соглашения, похоже, что дискуссии на Каспии будут продолжаться еще долго.

Список литературы

1. Арин О. А. Россия на обочине мира. – М., 1999. – С. 150–151.
2. Жильцов С. С. Отношения России и Ирана в Каспийском регионе: итоги и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2016. – С. 628–640.
3. Маркелов К. А. Современные геостратегические концепции политических элит прикаспийских государств // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 147–170.
4. Burak Caliskan. Hazardenizi. Enerji Havzasında Mücadele. – 2020. – P. 26–41.

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

Синегубова Е.Н., студентка, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: lena.sinegubova@yandex.ru

Аннотация. XXI век является веком развития и появления новейших технологий, соответственно меняется и сценарий ведения войн. Государства уходят от классических военных действий, введения войск и на передний план выходят скрытые угрозы, предугадать которые почти невозможно. Важными аспектами является и геополитическая обстановка в стране. После распада СССР были различные конфликты, которые смогли дестабилизировать ситуацию в стране и привели к значительным изменениям. Влияние оказал и мировой экономический кризис, который становится проверкой на прочность ведущих игроков геополитической карты мира. Предметом исследования является феномен «гибридной войны» в стратегии России и влияние со стороны США. Так как, российско-американские отношения в последние годы значительно ухудшаются, то страны разрабатывают новые стратегии в борьбе друг с другом. В статье используется основная стратегия России в ведении гибридной войны, а также рассматриваются опасения со стороны Соединенных Штатов Америки и их видение гибридной войны, цели и инструментарий.

Ключевые слова: гибридная война, скрытые угрозы, стратегия, военные действия, информационные технологии

HYBRID WAR IN THE MODERN FOREIGN POLICY STRATEGY OF RUSSIA

Sinegubova E.N., student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.
E-mail: lena.sinegubova@yandex.ru

Annotation. The XXI century is the century of development and the emergence of new technologies, and the scenario of warfare is changing accordingly. States are moving away from the classic military actions, the introduction of troops, and hidden threats are coming to the foreground, which are almost impossible to predict. The geopolitical situation in the country is also important. After the collapse of the USSR, there were various conflicts that could destabilize the situation in the country and led to significant changes. The global economic crisis has also had an impact, which is becoming a test of the strength of the leading players on the geopolitical map of the world. The subject of the study is the phenomenon of "hybrid war" in the strategy of Russia and the United States influence. As Russian-American relations have deteriorated significantly in recent years, the two countries are developing

new strategies to fight each other. The article uses the main strategy of Russia in conducting a hybrid war, and also examines the concerns of the United States of America and their vision of a hybrid war, goals and tools.

Keywords: hybrid war, hidden threats, strategy, military actions, information technologies

В настоящее время большое внимание уделяется феномену «гибридной войны», который не так давно был введен в военную литературу Соединенных Штатов Америки и изначально рассматривался, как «гибридная угроза». Такой вид угрозы является весьма опасным, так как не предполагает ведения открытых боевых действий [1, с. 75].

Инструменты ведения гибридной войны не являются новыми, их использовали уже несколько десятилетий. Однако сейчас об этом сформировалось более общее видение, которое рассматривают каждый инструмент и механизм очень внимательно, пытаясь улучшить стратегию ведения гибридной войны.

Одной из форм гибридной войны является слежка и шпионаж, перед которыми ставится цель получить коммерческие или военные аспекты той или иной страны [2, с. 18].

Соединенные Штаты Америки видят большую угрозу в ведении гибридной войны со стороны России, так как, согласно их стратегии, есть большой риск стратегических поражений. Что касается ведения российских гибридных войн, то они могут включать использование значительных вооруженных сил. Российские военные определяют «гибридную войну» как усилия стратегического уровня по формированию управления и геостратегической ориентации государства-объекта, в котором все действия, вплоть до использования обычных вооруженных сил в региональных конфликтах, подчинены информационной кампании [11, с. 8–9].

Благодаря высокому развитию информационных технологий, можно полностью отказаться от ведения традиционной войны, последствия которой являются весьма значительными. Можно рассматривать гибридную войну как основную линию будущего развития.

С точки зрения Кремля, гибридная война – это тактическое применение стратегии хаоса. Это война полного спектра, которая использует сочетание обычных и нетрадиционных средств, направленных на воздействие на изменения цели на местах, стремясь избежать прямой военной конфронтации с западными государствами. Гибридная война используется специально для того, чтобы посеять хаос в странах-мишенях. Такие усилия, как правило, включают нерегулярные боевые действия, активные меры и специальные операции. Неспособный конкурировать в прямой конфронтации, Кремль использует гибридную войну как средство компенсации своих слабостей по отношению к Соединенным Штатам и НАТО.

Настоящая стратегия России по ведению гибридных войн заключается в повышении своих возможностей в ведении гибридной войны и развитии ее инструментов. Даже один из пунктов стратегии Кремля утверждает, что России

необходимо адаптировать традиционные военные теории и доктрины, чтобы позволить российским военным вести гибридные войны в качестве основной миссии [6].

Стратегия ограниченных действий за пределами границ России направлена на противодействие существующим угрозам российским национальным интересам путем ограниченного военного вмешательства за пределами территории [5, с. 50–54]. Это в значительной степени включает уроки, извлеченные из операций в Сирии и в некоторой степени на востоке Украины. Соответственно, асимметричные и нелинейные методы действий имеют первостепенное значение, не в последнюю очередь для получения и сохранения информационного превосходства на протяжении всей продолжительности военных операций с акцентом на внезапность и решительность. Хотя это не дает плана для постоянной глобальной проекции силы, которую Россия не может себе позволить, ограниченные действия одобряют целенаправленное применение обычной военной мощи в качестве инструмента государственной власти для достижения национальных целей.

Стратегия активной обороны направлена на упреждающую нейтрализацию угроз с помощью активных мер. Соответственно, это было бы ответом на западное вмешательство, изображенное Герасимовым как «Троянский конь» [3, с. 5–6]. Эта ссылка на Запад является более конфронтационной, чем раньше: она позиционирует Соединенные Штаты как «агрессора» и обвиняет их в разработке стратегий вмешательства, которые сочетают политическую войну пятой колонны и цветные революции с высокотехнологичными возможностями глобального удара. Это также связано с подготовкой оперативной обстановки за счет информационного превосходства и использования нелинейной тактики. Активная оборона использует советский инструментарий обмана (маскировка) и возлагает бремя ответственности на невоенные средства действия.

В последние годы значительно возрастает использование гибридных войн в общей стратегии России, что связано с развитием информационных технологий и военного потенциала России. У Москвы также есть большой объем различных механизмов для ведения гибридной войны, которые она активно использует. К ним относятся: различные информационные операции, кибервойны, экономическое влияние, какие-либо скрытые операции, а также политическое влияние. Все эти механизмы являются очень сложными и требуют особой подготовки и поэтапного рассмотрения. Также каждый из них преследует особые цели, которые помогают в ведении гибридной войны. Основной упор делается на информацию, используя которую, можно манипулировать общественным мнением в свою пользу. Такие технологии особенно эффективно себя зарекомендовали в ходе т.н. «цветных революций», прокатившихся в 2020-х гг. по целому ряду стран [7].

Состав инструментов гибридной войны России меняется в зависимости от политической обстановки. Возможно, лучший пример этого-район Балтийского моря, самый сложный, интересный и, возможно, опасный район конфронтации, за исключением, возможно, Сирии. Здесь различные варианты российской

гибридной войны пересекаются, поскольку Россия применяет разные инструменты и разные правила в своих отношениях с разными государствами.

Россия, как страна, обладающая ядерным потенциалом, может также использовать свой ядерный потенциал в ходе ведения войны. Однако, Россия в своей стратегии предпочтет минимизацию боевых действий, которые всегда приводят к дестабилизации политической обстановки в стране. Таким образом, Россия экономит на обеспечении военной силы, ограничиваясь при этом применением киберинструментов.

Для России ведение гибридной войны не является новым, еще в период Советского Союза Москва использовала особые стратегии, которые представляли из себя так называемые «подрывные меры», помогающие построить в стране нужный политический ландшафт для достижения своих целей [10].

Основной целью гибридной войны является захват территории без применения открытой или обычной военной силы. И в данный временной период можно заметить, что многие страны отказываются от военной силы, отдавая предпочтения скрытым угрозам [5, с. 36-40]. Валерий Герасимов-начальник Генерального штаба России, заявлял, что невоенные средства используются в современных конфликтах в четыре раза чаще, чем обычные военные меры.

Россия также опасается начала ведения гибридной войны от стран Европы и США. Валерий Герасимов отмечает, что «цветные революции» и «мягкая сила» являются элементами военной стратегии США [3, с. 8–10].

Л.А. Кроль рассматривал в своей работе информационный фактор в контексте гибридной войны. Он уделял особое значение цифровой внешней политике и старался описать как цифровые инструменты могут способствовать достижению внешнеполитических целей Европы. Автор также делает упор на то, что в отличии от традиционной атаки, кибератака отличается низкой стоимостью. Так как для этого не надо нанимать армию, покупать какие-то новые технологии, тут достаточно одного специалиста, который может произвести кибератаку. Находясь в постоянной опасности для кибератак, государства стремятся найти новые способы их сдерживания. Одним из элементов, который помогает в решении данного вопроса является Таллинское руководство НАТО. Однако, надо принять во внимание тот факт, что этот документ не был кодифицирован ни в каких договорах и не является официальной политикой НАТО. Таллинское соглашение можно рассматривать как некое пособие по руководству и ведению кибервойн.

Против России ведется масштабная гибридно-информационная война, инициатором которой выступают непосредственно США при поддержке некоторых стран Запада. Эта война захватывает массовое сознание людей, духовные основы, а также символические области. На Россию оказывается значительное политическое и информационное давление. Целью этой войны, в-первую очередь, желание повлиять на сплоченность нации, экономическую и политическую ситуацию, тем самым, ослабив Российское государство [8, с. 93–95].

Основной задачей для Соединенных Штатов является использование гибридных мер для влияния на политику стран Запада [4, с. 53–55]. Кремль не

стремится придерживаться такой же задачи. В свою очередь, он старается сделать так, чтобы политические результаты в целевых странах служили национальным интересам России.

Александр Александрович Бартош, проанализировав военную стратегию США, сделал заключение, что у стран Запада прослеживается тенденция, которая заключается в том, что они приравнивают понятия «гибридная война» и «военная агрессия» [1, с. 76–79]. Это подразумевает то, что государства, в ответ на гибридную угрозу, могут ответить военными действиями. Что касается США, так тут термин «гибридная война» является синонимом «иррегулярной войны», так как Пентагоном не было выработано официального определения. Характерной чертой ведения гибридной войны является эффективное использование военных и невоенных инструментов, ведение регулярными войсками операций различного масштаба, быстрое реагирование на неожиданные угрозы [9].

В сентябре 2019 года глава Пентагона Марк Эспер заявил о том, что США не готовы к «опосредованной и гибридной» войне с Россией. Он также отметил, что за последнее время Россия весьма эффективно продемонстрировала свою лидирующую позицию при ведении гибридных действий в так называемой серой зоне. В качестве примера можно рассматривать события в Крыму и на Украине, начавшиеся в 2014 году.

Многие страны, включая и саму Украину, заявляют о том, что Россия вмешивается в дела Украины, в свою очередь, Россия данные обвинения полностью отрицает и считает их неприемлемыми.

Особое внимание уделяется отношениям Украины и России в ведении гибридной войны, у США тут также присутствуют свои интересы. После присоединения Крыма к Российской Федерации в 2014 году, были заложены различные опасения, связанные с действиями Кремля. Рассматривалась возможность различного рода операций, которые могли бы сопровождаться кибероперациями, направленными на разжигание напряженности или усложнение национальных и натовских ответных мер [9]. По мнению некоторых исследователей, санкции, введенные США, смогли удержать Москву от еще большей эскалации конфликта на востоке Украины.

Таким образом, по нашему мнению, гибридная война представляет из себя так называемую «войну будущего», которая использует совершенно разные средства. Большой упор делается на современные информационные технологии, но может так же быть применена и военная сила. Мы полагаем, что данный феномен получит ещё большее распространение в ближайшие годы. Возможно, что НАТО будет разработана единая стратегия по ведению гибридной войны.

Россия пытается противостоять новым угрозам и защитить свои национальные интересы, но у нее, как и у любого другого государства нет бесконечных ресурсов, чтобы вести гибридную войну. Россия также считает, что многие действия США и НАТО направлены против неё и поэтому она использует гибридные войны, как основную защиту и пытается совершенствоваться в их ведении.

На сегодняшний день Россия удерживает преимущество в гибридной войне на Украине, присоединив Крым и превратив Украину в государство, находящееся в состоянии ещё более худшего положения. Россия является государством, которое обладает значительной военной мощью и технологиями, которые и широко используются при ведении гибридной войны. Также Россия заняла такую позицию, благодаря которой она смогла избежать серьёзного ответного удара со стороны США.

Список литературы

1. Бартош А. А. Гибридные войны как проявление глобальной критичности современного мира // Геополитика и безопасность. – 2015. – № 1 (29). – С. 71–79.
2. Владимиров А. И. Доклад по теме: «Гибридные войны в Общей теории войны» на конференции «Гибридные войны XXI». // Военный университет МО РФ (28 января 2015 г. Москва). – С. 18–35.
3. Герасимов В. В. Организация обороны Российской Федерации в условиях применения противником «традиционных» и «гибридных» методов ведения войны // Вестник Академии военных наук. – 2016. – № 2. – С. 5–10.
4. Дугин А. Г. Теория многополярного мира. Евразийское движение. – М., 2013. – 532 с.
5. Картаполов А. В. Уроки военных конфликтов и перспективы развития Средств и методов их ведения, Прямых и косвенных действий в современных международных конфликтах // Вестник Академии военных наук. – 2015. – № 2. – С. 36–54.
6. Кларк М. Русская гибридная война. – Режим доступа: <http://politwar.ru/russkaya-gibridnaya-vojna.html>, свободный (дата обращения: 25.03.2021).
7. Максимова Е. Н. Политические элиты как ведущий фактор цветных революций на постсоветском пространстве // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 116–129.
8. Марков С. А. Гибридная война против России. – М. : Республика, 2015. – 200 с.
9. НАТО приняла стратегию против «гибридных войн» // РИА Новости, 02.12.2015 (обновлено 15.03.2020). – Режим доступа: <http://politwar.ru/russkaya-gibridnaya-vojna.html>, свободный (дата обращения: 28.03.2021).
10. Эволюция гибридной войны в России // Военное обозрение 23.10.2017. – Режим доступа: <https://topwar.ru/127771-rossiya-v-epohu-gibridnyh-voyn.html>, свободный (дата обращения: 28.03.2021).
11. Hoffman Frank G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid War. – Arlington VA : Potomac Institute of Policy Studies. – 2007. – P. 8–9.

НЕФТЬ И ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКАЯ АРАВИЯ СО СТРАНАМИ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Ручкин В.А., студент, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Аннотация. В статье анализируются двусторонние отношения Королевства Саудовская Аравия с прикаспийскими государствами бывшего СССР (РФ, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан) в нефтегазовой и религиозно-культурной сферах. Данная проблематика рассматривается через взгляды российских, казахстанских и азербайджанских экспертов. Рассматривается взаимодействие стран в рамках ОПЕК+. Анализируются причины слабого присутствия КСА в Каспийском бассейне.

Ключевые слова: Каспийский регион, Саудовская Аравия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан, Иран, ислам, ОПЕК/ОПЕК+, двусторонние отношения, дипломатические встречи

OIL AND THE ISLAMIC FACTOR ARE IN THE BILATERAL RELATIONSHIP BETWEEN THE KINGDOM OF SAUDI ARABIA AND THE COUNTRIES OF THE CASPIAN REGION

Ruchkin V.A., student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatischev st.

Annotation. The article analyzes the bilateral relationship between the Kingdom of Saudi Arabia and the Caspian States of the former Soviet Union (Russia, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan) in the oil and gas and religious and cultural cooperations. This issue is considered through the expert's views of Russian, Kazakhstan and Azerbaijan. The interaction of the countries within the framework of OPEC+ is considered. The reasons for the weak presence of the KSA in the Caspian Sea are analyzed.

Keywords: Caspian Region, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan, Kingdom of Saudi Arabia, Iran, islam, OPEC/OPEC+, bilateral relationship, summits

Каспийский регион сегодня становится новой значимой точкой на геополитической карте планеты. Глобализация, поиск новых логистических цепочек и торговых маршрутов, более обширные, чем считалось прежде запасы нефти, а также вовлечение прикаспийских государств в глобальный китайский проект "Один пояс – один путь", привлекают в регион страны, чье присутствие на побережье Каспия было незначительным или вовсе отсутствовало. Одной из таких стран является Саудовская Аравия. Времена, когда КСА считало Каспийское море внутренним озером атеистического СССР и шиитского Ирана остались в прошлом. За прошедшие 30 лет на побережье Каспийского моря образовалось 4 новых государства: Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан,

4 независимых экономики, 4 независимых акватории со своими нефтяными месторождениями, и со своим отношением к традиционным исламским ценностям [10]. Изменилась и Саудовская Аравия. В стране осуществляется смена политической элиты, власть постепенно переходит к новому монарху. Реформы «Видение 2030» (Vision 2030) наследного принца Мухаммеда бин Салмана призваны не только модернизировать экономику королевства, сократить зависимость КСА от нефтепродуктов, но и предложить миру новый взгляд на то, каким может быть современное исламское государство. Религия для Королевства давно превратилась в инструмент мягкой силы, столь же значимый как и нефть. Саудовские суннитские миссионеры пришли в Каспийский регион даже раньше нефтяных эмиссаров. Фонд "Хранителя двух Святынь" активно инвестирует в восстановление разрушенных мечетей и строительство новых, поощряет вызов саудовских богословов, постоянно увеличивает квоты на хадж [8, с. 154].

Двусторонние отношения РФ и КСА имеют богатую историю. Советская Россия была первой страной, которая признала независимость королевства в 1926 г., и первой, кто стала поставлять в королевство керосин (до 1939 г. у королевства не было своих энергоресурсов). "Пакт Куинси" и поддержка саудовской элитой ваххабитов на Кавказе на долго заморозили российско-саудовские отношения. Но, как и 80 лет назад, страны сблизил нефть. Речь, конечно же, идет о сделке ОПЕК+. Для Каспийских регионов РФ сделка имела очень важное значение. Российская нефтяная компания "Лукойл" является одной из крупнейших нефтяных компаний, представленных на Каспии, и основным налогоплательщиком таких регионов как Астраханская область и Республика Калмыкия. Доля "Лукойла" в казну регионов на 2019 г. составила 6,8 млрд. и 5,2 млрд. рублей соответственно. Представители "Лукойла" неоднократно заявляли о своей обеспокоенности в связи с нестабильностью в ОПЕК.

ОПЕК, возникшая в 1960 г., как организация, противопоставляющая себя "Семью Сестрам" – крупнейшим нефтяным компаниями из США и Западной Европы, и ставшая впоследствии организацией влияющей на мировую цену на нефть, оказалась не готова к мировым геополитическим изменениям. К концу 2014 - началу 2015 доля ОПЕК на мировом рынке составляла всего 30 %. Из которых большую часть поставляло королевство [6. с. 41]. Скептики зло стали называть ОПЕК: "Саудовская Аравия и все остальные". Кризис 2016 г. поставил под угрозу существование ОПЕК и весь мировой нефтяной рынок. Саудовский министр энергетики, промышленности и минеральных ресурсов аль-Фалех призвал Россию и стран-экспортеров, не входящих в картель сбалансировать ситуацию совместными усилиями. В ходе трех дневных переговоров в Вене, и личных встреч министра энергетики РФ А.В. Новака с министрами смежных ведомств Ирана и Саудовской Аравии, 7 декабря 2018 г. соглашение было подписано. Новости из Вены тепло встретили в Эр-Рияде. Саудовские СМИ наперебой признавались в любви к России. Газета Al-Riyadh (Саудовская Аравия) назвала соглашение "нефтяной сделкой века". Кувейтский эксперт в области нефтяной промышленности Камиль Аль-Харамии назвал соглашение "российско-саудовским альянсом", а глава ОПЕК Мухаммед Баркиндо назвал альянс

КСА и РФ «началом новой главы» в истории нефтяной промышленности. Эксперты даже заговорили, что на смену ОПЕК+ может прийти российско-саудовский дуумвират, но дуумвирата не случилось [1, с. 25].

Эпидемия COVID-19 и резкое снижение спроса на мировом рынке внесла значительные корректировки в соглашения ОПЕК+. В апреле 2020 г. цена на нефть ушла в отрицательное значение, -40 долл. за 1 барр. нефти марки WTI. За всю историю нефтеторгов такого не было никогда, рынок лихорадило. В мае 2020 цена составила – 42 долл. за барр., к сентябрю – 39 долл. В подобных условиях Россия не могла позволить себе продолжать осуществлять сокращение до 7,7 млн барр. в сутки. Дальнейшее падение угрожало финансовой стабильности страны [4, с. 40]. Эксперты обвиняли Москву и Эр-Рияд в намеренном разрушении рынка. Сделка ОПЕК+ сохранилась на бумаге, фактически перестала существовать. Ведущий аналитик Centre for Global Energy Studies Жулиан Ли назвал сделку губительной и несоответствующей современным условиям рынка. Отрицательные прогнозы давали и российские эксперты. Один из ведущих российский экономистов, аналитик и бывший работник аппарата администрации Президента России М.Л. Хазин призывал правительство РФ окончательно порвать с ОПЕК, и вместо сокращения добычи нефти, сократить налоговую нагрузку на нефтяные компании внутри страны [1, с. 29]. Ведущая экономическая газета Asharq Al-Awsat (Саудовская Аравия) назвала сделку ОПЕК+ исторической, но уже бесполезной, потому что в условиях кризиса стабилизация рынка невозможна без третьей нефтяной империи – США, которая не входит в ОПЕК+.

Несмотря на мнения экспертов и скептиков, ОПЕК+ не только устояла, но и продолжает оставаться главной ценообразующей силой на мировом нефтяном рынке. 16 февраля 2021г. состоялся телефонный разговор президента РФ В.В. Путина и наследного принца КСА Мухаммеда бин Салмана, в ходе которого лидеры выразили намерение продолжить координацию с целью стабилизации энергетического рынка.

Другой важнейшей стороной двухсторонних отношений КСА и РФ является религия. Особую роль в укреплении религиозно-культурного сотрудничества между странами играет Духовное управление мусульман РФ, Совет муфтиев России, и лично их председатель Равиль Исмагилович Гайнутдин и его зам. Рушан Аббясов. Оба религиозных деятеля проводят регулярные встречи с министром по делам ислама, призыва и наставления Саудовской Аравии Абделатиф бен Абдель Азиз Аль-Шейхом. Последняя такая встреча состоялась 21 января 2019 г. на 29-ой международной исламской конференции. 10 ноября 2019 г. состоялось подписание Меморандума о сотрудничестве между Советом муфтиев России, Духовным управлением мусульман РФ и Министерством по делам Ислама, наставления и призыва КСА. Данный документ переворачивает темную страницу, когда КСА поощряло радикальные течения ислама на территории Кавказа, отныне Москва и Эр-Рияд вместе будут способствовать популяризации традиционных ценностей ислама и решительно выступать против любых попыток исказить слова Пророка в угоду политическим и личностным

амбициям. Также Меморандум призван регламентировать религиозную литературу в российских медресе. Российские исламоведы получают возможность принимать участие в обсуждении вопросов развития богословской научной мысли в "Двух Святынях" – Мекке и Медине.

Говоря о религиозном сотрудничестве нельзя не упомянуть - хадж. Благодаря усилиям Совета муфтиев и министра туризма РФ, с апреля 2018 г. для граждан РФ КСА выдает туристические визы сроком на 30 дней, в том числе для женщин старше 25 лет, которые путешествуют без мужчин. В 2019 г. общая квота, выделенная России на хадж, составила 20 500 чел., в 2020 г. из-за пандемии COVID-19 хадж не проводился, в 2021 г. – квота составит 20 000 чел., 8 тыс. из которых получают жители Республики Дагестан (40 % от общего числа паломников).

Дагестан, вместе с Чеченской Республикой и Республикой Татарстан претендует на статус "исламского центра" РФ. 15 июля 2019 г. на мероприятиях посвященных 15-летию Хадж-миссии в РФ, Махачкалу посетили посол КСА Абдуррахман Ибрахим Ар-Раси, генеральный консул КСА Талал Абдаллах Аль-Хумайди. Знаковое событие произошло 20 декабря 2019 г., российская "Utair" совместно с саудовской компанией "Марва-Тур" запустили регулярные авиа-рейсы между Махачкалой и Джидой. Впервые за всю историю на Юге России появилось прямое сообщение с Саудовской Аравией.

Дипломатические отношения Саудовской Аравии с Казахстаном, Азербайджаном и Туркменистаном были установлены примерно в одно время, сразу после распада СССР в период с 1991–1995 гг. В отличие от РФ, которую Эр-Рияд всегда рассматривал только в качестве нефтяного партнера, три новообразованные республики важны для саудовцев и с точки зрения панисламизма [8, с. 152]. Именно по приглашению саудовской стороны все три страны вошли в состав таких международных исламских организацией как "Организация исламского сотрудничества" (Organisation of Islamic Cooperation) и "Исламская организация по вопросам образования, науки и культуры" (ICESCO).

Наиболее теплые отношения сложились здесь у королевства с Азербайджаном. В своих официальных заявлениях, наследный принц Мухаммед бен Сальман Аль Сауд называет президента И. Алиева "мой дорогой брат", а азербайджанские эксперты и вовсе утверждают: "Саудовская Аравия считает Азербайджан своим главным партнером в регионе". В пользу этого говорит тот факт, что именно на азербайджанском месторождении Азари-Чираг-Гюнешли представлены две единственные саудовские компании на Каспии – Delta Hess и Dragon Oil. Нефтяное сотрудничество королевства с Азербайджаном уже давно идет по нарастающей. Первые совместные контракты были заключены в 1994 г. и не прекращались даже в условиях мирового кризиса 2008 г. В 2015 г. государственная нефтяная компания Азербайджана SOCAR и саудовская компания Sorooof International подписали меморандум о намерениях по осуществлению долгосрочных нефтяных проектов, а 22 марта 2018 г. в Баку открыло свое представительство Aramco Overseas – европейское подразделение национальной нефтяной компании КСА Saudi Aramco [20]. Саудовский эксперт Мохаммед

Алрмизан уверен, что это событие приведет к расширению двусторонних связей в нефтяной отрасли, включая проекты на Каспийских месторождениях. Столь теплое отношение саудовцев к Азербайджану объясняется рядом причин.

Во-первых, Азербайджан после распада СССР имеет на своей территории относительно новую и современную нефтяную инфраструктуру, нефтепроводы Азербайджана не нуждаются в столь обширных инвестициях и модернизации.

Во-вторых, выгодное географическое положение, близость к Европейской части материка, а также налаженные логистические и торговые цепочки с Турцией, страной, с которой Азербайджан связывают давние исторические связи.

В-третьих, Азербайджан и КСА имеют схожие позиции в отношении Ирана. Азербайджан является единственным государством с шиитским большинством, поддерживающим КСА [19].

На этом фоне обе страны активно используют "исламский фактор" как связующую силу двух государств. 5 марта 2019 прошло 5-ое заседание совместной комиссии по сотрудничеству между правительствами Азербайджанской Республики и Королевства Саудовская Аравия в экономической, торговой, инвестиционной, технической, культурной, спортивной и молодежной сфере. 21 января 2019 г. в Баку состоялась встреча члена Совета директоров Центра международного межрелигиозного и межкультурного диалога Короля Абдуллы (KAICIID), председателя Управления мусульман Кавказа (УМК) шейха уль-ислам Аллахшукюр Пашазаде с делегацией во главе с председателем комитета межпарламентской дружбы с Азербайджаном Консультативного совета Саудовской Аравии Файезом бин Абдуллой Аль-Шахри. А уже 21 февраля 2020 состоялся ответный визит председателя мусульман Кавказа в Саудовскую Аравию. В ходе этих визитов сторонами была отмечена важность межкультурного и религиозного сотрудничества между странами.

Экономическое сотрудничество Саудовской Аравии и Казахстана, несмотря на частые обоюдные визиты лидеров двух стран друг к другу, остается слабым. Это подтверждает посол КСА в Нур-Султане ДахирМутишАленазе. По словам посла сотрудничество двух стран сегодня "ниже желаемого уровня". Посол посетовал, что заключённые контракты выполняются плохо и тормозятся на уровне министерств, а также из-за того, что между странами нет налаженных торговых связей, а те что есть, проходят через не дружественный Эр-Рияду Тегеран. Слова саудовского посла звучат сдержанно и продуманно, однако ряд экспертов связывает низкий уровень отношений не только с нерасторопностью министерств. С одной стороны, саудовская сторона испытывает некоторую "обиду", что Казахстан не привлек ни одну саудовскую компанию к разработке крупнейшего нефтяного месторождения в казахстанской акватории Каспия "Кашаган". С другой, если бы Казахстан это сделал, то это могло повлечь за собой ухудшение отношений Нур-Султана с Ираном, а Эр-Рияда с Баку. По словам казахстанского эксперта ТлеужанЕсильбева, Азербайджан очень ревностно относится к своему статусу главного союзника КСА на Каспии, "как не печально, но выбирая сегодня между Казахстаном и Азербайджаном, Эр-Рияд выберет Баку" – закончил эксперт. Куда успешнее сотрудничество Казахстана

и КСА идет в рамках панисламизма. В преддверии приезда в КСА президента Н. Назарбаева в 2016 г., министр иностранных дел Саудовской Аравии Адель аль-Джубейра назвал Казахстан "центром величия исламской цивилизации". Дважды Казахстан посещал министр КСА по делам религии, вакуфов и исламского призыва шейх Салех Аль аш-Шейх (Нур-Султан в 2007 г., Алма-Ата в 2009 г.) [17]. Из личного фонда "Хранителя Двух Святынь" было выделено 2 млрд долл. на строительство мечети в г. Петропавлоск. Саудовская "Международная организация по оказанию помощи, социального обеспечения и развития" (ранее "Международная организация Исламской помощи Саудовской Аравии" (IROSA)) выделяет средства на строительство более 20 средних и малых мечетей в Южно-Казахстанской области, финансирует строительства нового здания Центральной мечете в Алма-Ате. С 2006 г. действует система обмена студентами-арабистами и богословами между Казахским национальным Университетом им. Аль-Фараби и университетом Мухаммеда V в городе Рабат [13, с.100.].

Двусторонние связи есть у КСА и с Туркменистаном. Но уровень отношений с этой Центрально-Азиатской страной остается достаточно низким, и не только у Саудовской Аравии. Политика государственного нейтралитета, провозглашенная Туркменистаном 12 декабря 1995 г., сегодня вырождается в изоляционизм. В современном глобальном мире РТ остается закрытой страной с супер-президентской формой правления. Энергетическая инфраструктура Туркменистана нуждается в инвестициях и модернизации. С целью обсуждения возможных инвестиционных проектов Туркменистан дважды посещали саудовские делегации. В 2017 г. – делегацию возглавил министр энергетики, промышленности и минеральных ресурсов КСА Халид аль-Фалих, и в 2019 г. – делегацию возглавил глава компании «Nesma Trading Co. Ltd.» Бадер бин Бахишан Аль-Бусайс. 12 сентября 2019 г. президент Г. Бердымухамедов встретился с госминистром Саудовской Аравии Турки Бин Мухаммедом Бин Фахад Бин Абдул Азиза Аль Саудом и заместителем председателя Саудовского фонда развития Халидом Бин Сулейманом Аль Худейри на полях международной выставки «Основные направления развития энергетической промышленности Туркменистана», где предложил Саудовской Аравии сотрудничество в нефтегазовом секторе Туркменистана [18]. Однако саудовская элита не спешит вкладываться в развитие Туркменистана. В первую очередь большой вопрос возникает с возможностью Ашхабада выполнять взятые на себя обязательства и независимостью его инфраструктуры. В период с 2014-2019 КНР выделил Туркменистану займов на более 8 млрд. долл. Обслуживать такой долг РТ на сегодня не в состоянии, Ашхабад ведет переговоры с Пекином о реструктуризации, но если это не удастся, часть нефтегазового сектора Туркменистана перейдет в пользование КНР. Второй проблемой является безопасность. Близость Туркменистана с нестабильным Афганистаном вызывает опасения в реализации любых двусторонних проектов. Возникают опасения, что Туркменская сторона способна гарантировать их неприкосновенность. По той же причине, Саудовская Аравия очень осторожно и малым суммами вкладывается в газопроводную магистраль

ТАПИ. Очень не просто идут и культурные связи. Исторически Туркмения относит себя к ханафитскому мазхабу суннитского ислама. Но специфика государственного строя привела сначала к тому, что ислам стал оружием власти, а затем и вовсе к появлению в стране квазрелигии "Башизм", основанной на культе личности Сапармурата Ниязова. Написанная Ниязовым книга "Рухнама", заменила Коран во всех мечетях Туркмении [11, с. 76]. Власти Туркмении намеренно сдерживают число паломников на хадж. Несмотря на то, что королевство ежегодно выделяет для Туркмении квоту в 3000 паломников, на хадж отправляются только 188, именно столько способен вместить в себя единственный самолет, который власти РТ отправляют из Ашхабада в Мекку. Подобные отношения к исламу не могут не отбрасывать тень на двусторонние отношения с фанатичной Саудовской Аравией.

В заключении отметим, что у государств Каспийского региона и Саудовской Аравии есть большой потенциал к дальнейшему укреплению сотрудничества. Но пока он остается не реализованным. Во многом это проблема связана с отсутствием в Каспийском регионе развитой транспортной сети и прямой границы КСА с прикаспийскими странами бывшего СССР. Особо остро эта проблема стоит в Центрально-Азиатских республиках: Казахстан и Туркменистан. Такие глобальные проекты, как "Один пояс - один путь" (КНР), Транспортный коридор "Европа-Кавказ-Азия", международный транспортный коридор "Север – Юг" призваны решить эту проблему и связать Персидские монархии с Каспием. Саудовская сторона неоднократно заявляла о своем намерении инвестировать в эти проекты. Суверенный фонд Саудовской Аравии уже включен в список инвесторов судоходного канала, который соединит Персидский Залив с Каспийским морем. Но до их полной реализации еще далеко. Другой причиной слабого сотрудничества КСА с регионом, является то, что Эр-Рияд видит в прикаспийских государствах не только партнеров, но и конкурентов. Уступать свое место новым нефтяным игрокам Саудовская Аравия не желает. Согласно конвенции о правовом статусе Каспийского моря, присутствие в акватории стран, не имеющих прямого выхода к Каспию, возможно только с согласия всех пяти-стран прикаспийского региона. И позиция Ирана по присутствию в регионе саудитов всегда категорична. Несмотря на неоднократные попытки Москвы и Нур-Султана усадить за стол переговоров Эр-Рияд и Тегеран, позиции двух центров исламского мира остаются непримиримыми [2, с. 27].

По данным Минприроды РФ, только разведанные запасы углеводородов каспийского шельфа составляют 2,95 млн тонн нефти. В течение ближайших 10–15 лет прикаспийский регион станет если не ведущим, то очень значимым нефтяным центром мира, что определит усложнение международных отношений.

Список литературы

1. Аникин В. И. Россия в формате «ОПЕК+»: перспективы, оценки, возможности // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 5. – С. 24–31.
2. Бирюков Е. А. Взаимоотношения Саудовской Аравии и Ирана в сфере безопасности // Проблемы национальной стратегии. – 2017. – № 2 (41). – С. 21–38.

3. Бобылев Ю. Н. Мировой рынок нефти: основные тенденции 2018 г. // Экономическое развитие России. – 2019. – № 1. – С. 10–13.
4. Боков А. Н. Нефтяные шоки в XXI веке и роль ОПЕК по стабилизации ситуации на мировом нефтяном рынке // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 2. – С. 39–41.
5. Вильковски Д. М. Арабо-мусульманские организации в Казахстане: внешнее воздействие на исламское обновление // Исламский фактор в истории и современности. – 2011. – № 1. – С. 496–510.
6. Дударев К. П. Ветры перемен над Саудовской Аравией // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 11. – С. 41–43.
7. Каукин А. С. Мировой рынок нефти в конце 2020 г. // Экономическое развитие России. – 2021. – Т. 28, № 1. – С. 7–10.
8. Косач Г. Г. Политика Саудовской Аравии на постсоветском "мусульманском" юге: цели и итоги // Вестник Евразии. – 2005. – С. 152–157.
9. Лосев К. В., Михайлов В. В. Туркменистан и глобализирующийся мир: Инновационная политика культурного объединения // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2017. – № 4 (16). – С. 121–126.
10. Маркелов К. А. Современные геостратегические концепции политических элит прикаспийских государств // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 147–170.
11. Мирзеханов В. С. Туркменистан и Исламский мир // Восток. Афразийские общества: история и современность. – 2019. – № 3. – С. 72–89.
12. Трушин М. М. Российско-саудовские отношения: энергетическая дипломатия // Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. – 2020. – № 7. – С. 1–8.
13. Тулеубаева С. А. К истории арабистики в Казахстане // Арабистика Евразии. – 2018. – № 4. – С. 88–102.
14. Углицких О. Н. Влияние COVID-19 на мировой финансовый рынок // Вопросы студенческой науки. – 2021. – № 53. – С. 49–52.
15. Хлопов О. О. Причины и последствия снижения цены на нефть: интересы США и Саудовской Аравии // Власть. – 2015. – № 3. – С. 156–160.
16. Яковлев А. И. Саудовская Аравия: Поиски устойчивости в неустойчивом мире // АЗИЯ И АФРИКА. – 2009. – № 3. – С. 10–13.
17. Министерство Иностранных Дел Республики Казахстан. Двусторонние отношения между Республикой Казахстан и Королевством Саудовской Аравии. – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-jeddah/press/article/details/16387?lang=ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
18. Государственная миграционная служба Туркменистана. В Королевстве Саудовская Аравия состоялись двусторонние переговоры на высшем уровне. – Режим доступа: <https://migration.gov.tm/ru/v-korolevstve-saudovskaya-araviya-sostoyalis-dvustoronnie-peregovory-na-vysshem-urovne>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

19. Каспийский Вестник: Саудовская Аравия прицеливается на Иран через Азербайджан. – Режим доступа: <http://casp-geo.ru/saudovskaya-araviya-pritselivaetsya-na-i>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

20. Republic of Azerbaijan Ministry of Foreign Affairs. The Kingdom of Saudi Arabia. – Режим доступа: <https://mfa.gov.az/en/content/328/saudi-arabia>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

КАСПИЙ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Головина Е.Е., аспирант, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: golovinaeeasp@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена вопросам развития интеграционных процессов на евразийском пространстве с российской позиции научного видения. Обоснованы специфические особенности развития международных организаций и объединений: Содружества Независимых Государств; Евразийского экономического союза; Шанхайской организации сотрудничества и неформального объединения стран Прикаспийского региона, совокупность которых формируют ареал Большого Каспия на основе новых моделей сопряжения экономик многочисленных государств. В рамках указанной конфигурации ведущих стран и международных образований, рассмотрены подходы к сопряжению их геополитических и -экономических процессов, которые выражаются в формировании особых взаимоотношений России и Китая, исходя их особенностей сотрудничества по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, а также Большого Евразийского партнерства. Результаты исследования позволили определить Каспий как геополитический и экономический проект Большого Евразийского партнерства.

Ключевые слова: Каспий, геополитика, геоэкономика, евразийское пространство, международные организации, Россия, Китай, партнерство, новый миропорядок

CASPIAN AS A GEOPOLITICAL AND ECONOMIC PROJECT OF A GREAT EURASIAN PARTNERSHIP

Golovina E.E., postgraduate student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishev st.
E-mail: golovinaeeasp@gmail.com

Annotation. The article is devoted to the development of integration processes in the Eurasian space from the Russian position of the scientific vision. The specific features of the development of international organizations and associations are

substantiated: Commonwealth of Independent States; The Eurasian Economic Union; Shanghai Cooperation Organization and informal association of the countries of the Caspian region, the aggregate of which form the area of the Greater Caspian Sea based on new models of conjugation of the economies of numerous states. Within the framework of the specified configuration of the leading countries and international formations, approaches to the conjugation of their geopolitical and - economic processes are considered. These processes are expressed in the formation of special relations between Russia and China, based on their peculiarities of cooperation in conjugating the construction of the Eurasian economic union and the Silk Road Economic Belt, as well as the Greater Eurasian Partnership. The results of the study made it possible to define the Caspian Sea as a geopolitical and economic project of the Greater Eurasian Partnership.

Keywords: Caspian, geopolitics, geoeconomics, Eurasian space, international organizations, Russia, China, partnership, new world order

Каспий – один из уникальных регионов мира, в котором сконцентрированы геополитические интересы ведущих экономик и международных организаций мира, включая США, КНР, Европейский союз. Учитывая его значимость, Каспийский бассейн был включен в геополитические проекты Запада [6, с. 39–40]. Общепринятое понятие «Каспийский регион» стало меняться, приобретая более емкое значение: «Большой каспийский регион», «Большой Каспий» (БК), «Прикаспийская десятка» и др. После распада СССР, когда в акватории моря образовалось пять государств, возникла геополитическая и геоэкономическая проблематика урегулирования данных процессов. Только в 2018 году была подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (12.08.2018), однако проблемы «принадлежности дна и недр» остались не в полном объеме разрешенными, поэтому со стороны Ирана процесс ратификации не завершен.

Как следствие, до настоящего времени, не принято решение о создании Организации каспийского экономического сотрудничества (ОКЭС), что не позволяет говорить о полноценном статусе международной организации стран Каспийского региона, что сдерживает развитие экономического взаимодействия и сотрудничества стран [2, с. 15]. В результате сложилось неформальное межгосударственное объединение стран Прикаспийского региона (СПР), имеющее существенное значение для развития евразийского пространства и располагающее огромным природно-ресурсным (энергетическим) и транспортно-логистическим потенциалом в системе координат «Север-Юг» и «Восток-Запад» [3, с. 66].

Российские геополитические и экономические интересы определяются вековыми историческими условиями и традициями совместного развития стран на постсоветском пространстве. Достаточно сложным и противоречивым рассматривается процесс создания Содружества Независимых Государств (СНГ от 08.12.1991), который ассоциировался как форма «цивилизованного развода» и минимизации неизбежных потерь от разрушения сложившихся связей [12, с. 4–5].

Российское руководство одновременно искало новые формы и отношения консолидации республик бывшего СССР: Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС, от 10.10.2000), Евразийский экономический союз (ЕАЭС, от 29.05.2014), Союзное государство (России и Белоруссии, от 08.12.1999). На Евразийском пространстве была создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС, от 15.06.2001).

Анализ географии государств и указанных форм содружества [3; 4] свидетельствуют, что они последовательно вовлекают в свои конструкции основные прикаспийские страны и формируют пространство Большого Каспия. Данная конструкция признается как «новое геополитическое пространство» на Евразийском континенте [8, с. 149] и как «естественная экономическая зона» [12] регионального развития.

С другой стороны, в совокупности большого количества различных государств, на данном пространстве накопилось большое количество проблем и противоречий, значительная часть которых определяется влиянием внешних акторов. Крайне напряженные взаимоотношения (внутриполитические процессы в отдельных странах) и с некоторыми государствами, как между собой, так и с Россией, обострили накопившиеся проблемы. Среди важнейших выделим: вооружённый конфликт в Южной Осетии и Пятидневная война с Грузией (08-12.08.2008), революцию достоинства на Украине (с 21.02.2014), вооружённый конфликт в Нагорном Карабахе (сентябрь – ноябрь 2020 года), которые привели к изменению политической ситуации в Прикаспийском регионе.

В результате, формируются проблемные геополитические треугольники: 1) Турция – Грузия (экономическая аннексия Аджарии) – Азербайджан; 2) Турция – Украина (под прессом влияния оказалась территория Крым) – Молдова; 3) Грузия – Украина – Молдова, которые совместно с Азербайджаном находятся по патронажем Турции. Указанные политические пространства, управляемые единым центром – Турцией, являются недружественными и представляют существенные вызовы и угрозы для Российской Федерации и дальнейшего развития Большого Каспия.

Более серьезное воздействие внешних акторов оказано на государства, входящие в Евразийский экономический союз – Беларусь, Армения, Кыргызстан, т.е. фактически была предпринята попытка «устранения» данной международной организации с геополитической карты мира.

Евразийский экономический союз, созданный после государственного переворота на Украине, включает следующих членов: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. Фактическая конструкция организации предусматривает вовлечение в ее деятельность ряда членов СНГ, наиболее лояльных и зависимых от Российской Федерации, включая Центральноазиатские страны. В данном контексте можно полагать, что ЕАЭС выступает внутренним стержнем на постсоветском пространстве, связующим бывшие союзные республики СССР. Ее основу составляет триада государств: Россия, Казахстан и Беларусь. В состав стран наблюдателей вошли: Молдова, Узбекистан и Куба. Наиболее развитые государства: Китай, Иран, Вьетнам, Сингапур являются участниками

Зон свободной торговли, поэтому не могут оказывать влияние на деятельность этой организации, а триада стран сохраняет доминирующее положение в ее управлении. Расширение участия со стороны третьих стран свидетельствует о возрастании международного статуса Евразийского экономического союза за счет реализации принципа четырех свобод, обеспечивающих свободу перемещения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов.

ЕАЭС продолжает активно взаимодействовать с ШОС, что подтверждается ростом количества стран-наблюдателей и партнеров. Привлекательность организации объясняется присутствием в составе стран-участниц ведущих экономик мира (Китай, Индия, Пакистан и России). В качестве стран-наблюдателей и партнеров выступают Иран и Турция. Указанные региональные лидеры притягивают к себе Центральноазиатские и Закавказские государства, формирующие пространство Большого Каспия (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Афганистан и Монголия, а также Армению и Азербайджан).

Таким образом, консолидация усилий ЕАЭС, СНГ и ШОС, а также новая комбинация стран различных континентов, наполняет интеграционные процессы новым содержанием, в котором формируется уровни влияния в новом миропорядке [3, с. 69]:

– внутренний контур – ЕАЭС, определяемый странами, расположенными на постсоветском пространстве;

– внешний контур – ШОС, формируемая ведущими экономиками мира (Китай, Россия, Индия) и наиболее значимыми геополитическими странами (Иран, Пакистан, Афганистан, Турция), имеющими выраженные самостоятельные сегменты развития.

В системе указанных взаимоотношений особое место занимает Иран, предпринимающий меры по развитию сотрудничества [3, с. 101]: 1) является государством-наблюдателем Шанхайской организации сотрудничества; 2) подписало Временное соглашение по зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом от 17.05.2018 года. С другой стороны, действия Ирана направлены на укрепление позиций ЕАЭС в Прикаспийском регионе.

Следующим шагом к формированию нового мирохозяйственного порядка являлось сотрудничество по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути (от 08.05.2015 г.), которое расширяет возможности взаимовыгодного сотрудничества в создании условий для устойчивого развития Евразии [1, с. 658], что позволяет рассматривать Евразию как центр интеграционных преобразований [1, с. 578].

Модели сопряжения России и Китая могут формироваться:

1) в области геоэкономики (создание транзитного пространства, создание природно-ресурсного, транспортно-логистического и инфраструктурного каркасов);

2) в области геополитических отношений – обеспечение реализации международного политического взаимовлияния, стратегическое партнерство с ведущими экономиками мира и внутреннее ресурсное сопровождение региональных и мегапроектов [9, с. 11–12].

Последняя инициатива связана с созданием «Большого Евразийского партнёрства» с участием Евразийского экономического союза, а также ведущими экономиками Евразии (Китай, Индия, Пакистан, Иран) [11]. Объединение усилий ЕАЭС и ШОС поможет сформировать основы единого Евразийского партнёрства с общей зоной свободной торговли [11, с. 108] посредством создания новых нарождающихся пространств и зон влияния.

По мнению профессора Г.В. Косова, современные большие пространства разрушают старый мировой порядок и являются технологией формирования и поддержания нового мирохозяйственного порядка путем включения в него новых государств и регионов [6, с. 86].

Таким образом, на евразийском континенте формируется новое большие пространства, приоритет в котором имеет геополитическое значение - создание нового мирового порядка. Основными акторами данного процесса выступают России и Китай, развивающие собственные идеологии и направления развития. Российская Федерация последовательно реализует многовекторность создания международных организаций на постсоветском пространстве, уделяя особое внимание Центральноазиатскому и Прикаспийскому регионам [9]. Консолидирующим фактором развития сотрудничества между Россией и Китаем может выступать процесс создания Большого Евразийского партнёрства на основе построения современных моделей сопряжения экономик этих государств и вовлечения в данный процесс совокупности стран, участвующих в деятельности ЕАЭС, ШОС и СНГ. Государства Большого Каспия активно вовлекаются в интеграционные процессы создания нового мирового порядка, что позволяет рассматривать Каспий как геополитический и экономический проект Большого Евразийского партнёрства.

Список литературы

1. Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. («Коллекция Изборского клуба»). – М. : Книжный мир, 2018. – 768 с.

2. Головина Е. Е. Евразийская интеграция как фактор развития сотрудничества стран Прикаспийского региона // Региональная специфика и российский опыт развития бизнеса и экономики : материалы XI Международной научно-практической конференции (г. Астрахань, май 2020). – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2020. – С. 98–103.

3. Головин В. Г., Головина Е. Е. Взаимосвязанность международных образований как фактор евразийского развития // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 2 (63). – С. 62–71.

4. Головина Е. Е. Интеграционные процессы стран Прикаспийского региона и Евразийского экономического союза // Каспий в цифровую эпоху: материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием в рамках Международного научного форума «Каспий 2021: пути устойчивого развития» (27 мая 2021 года). – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2021. – С. 14–17.

5. Головин В. Г., Головина Е. Е. Транснациональные элиты в системе геополитических координат // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 2. № 1. – С. 63–87.

6. Гукасов А. В., Косов Г. В. Технологии формирования нового мирового порядка в период «interregnum»: к вопросу формирования новых элитарных зон и территорий распада (кейс Большого Средиземноморья) // Вопросы элитологии. – 2020. – № 4. – С. 82–103.

7. Магомедов А.К. Югоосетинский конфликт и рубежи борьбы за энергоресурсы Большого Каспия // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – Т. 62, № 2. – С. 36–50.

8. Маркелов К. А. Концепт «Большого Каспия» в контексте геополитического измерения // Современная наука и инновации. – 2020. – № 2 (30). – С. 140–153.

9. Маркелов К. А., Головина Е. Е. Сопряжение как новое политико-экономическое понятие: теоретико-практический аспект // АСТРАПОЛИС. – Астрахань, 2020. – Т. 9–10. – С. 8–17.

9. Маркелов К. А. Современные геостратегические концепции политических элит прикаспийских государств // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 147–170.

10. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума (Санкт-Петербург, 17.06.2016). URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/52178>.

11. Таирова Ш.С., Головина Е.Е. Международные отношения России и Евросоюза: состояние, проблемы, развитие // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 4 (61). – С. 102–109.

12. Хейфец В. Л., Оводенко А. А. Актуальные проблемы развития стран СНГ: Текст лекций. – СПб. : ГУАП, 2003. – 74 с.

13. Ohmae K. The Rise of the Region State // International Affairs. – 1993. – Vol. 72, № 2. – P. 78–87.

РОЛЬ КИТАЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРОЦЕССЕ

Головина Я.В., студентка, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: yana-golovina-2020@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль Китая на мировой арене, его сферы деятельности в числе которых: экономика и внешняя политика. Автором обосновывается актуальность данной темы, а также в ходе исследования выявляет особенности китайской дипломатии и характерные черты китайской внешней политики.

Ключевые слова: Китай, экономика, внешняя политика, актор, международные процессы, ВВП, «китайская мечта», китайская угроза, США, Евросоюз, Россия

THE ROLE OF CHINA IN THE CONTEMPORARY INTERNATIONAL PROCESS

Golovina Y.V., student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishev st.
E-mail: yana-golovina-2020@mail.ru

Annotation. The article examines the role of China in the world arena, its spheres of activity, including: the economy and foreign policy. The author substantiates the relevance of this topic, and during the study, the features of Chinese diplomacy and the characteristic features of Chinese foreign policy were identified.

Keywords: China, economy, foreign policy, actor, international processes, GDP, "Chinese dream", Chinese threat, USA, European Union, Russia

Китай играет огромную роль в настоящее время, поскольку на данном этапе Китай показывает высочайшие экономические показатели, которые растут с каждым днем, также Китай активно и ярко проявляет себя во внешней политике, именно поэтому тема о роли КНР в современных международных процессах является актуальной, и она останется ею еще долгое время. Однако Китай не всегда был великой экономической державой. Так, гуманитарная катастрофа, которая настигла Китай в 50-е годы XX века, унесла от 10 до 40 миллионов жизней китайцев. Страну поглотила нищета, бедность, голод. Впрочем, в 70-х Китай открылся миру, а его экономика стала стремительно расти. Последовало так называемое «экономическое чудо». В современном мире Китай – один из главных акторов на международной арене. Известно, что его роль возрастает с каждым днем. С ним считаются, сотрудничают, а ВВП Китая на втором месте среди остальных государств мира, он уступает лишь США. Китай – научный центр притяжения, выпускающий высококвалифицированных специалистов, способствующих развитию технологий, которые ценятся, как и внутри страны, так и за рубежом. Известен тот факт, что Китай – крупнейший экспортер в настоящее время. Одежда, обувь, ткани и текстильные изделия, всевозможные виды промышленной (спортивный инвентарь, мебель) и сельскохозяйственной продукции (морепродукты, зерновые культуры) – представляют традиционный китайский экспорт. Поскольку Китай превратился в мощный полюс мировой экономики, теперь он нацеливается на лидерство в мировой политике, однако не в традиционно негативном, гегемонистском смысле, как это привыкли воспринимать. Это должна быть особая политика – «великодержавная дипломатия с китайскими чертами» [1, с. 191]. Подчеркивается, что Китай стремится к отличной от традиционных военно-политических союзов структуре отношений, на основе взаимной заинтересованности и всесторонности, не допускающей сосредоточения на военных аспектах и охватывающей все страны региона [1, с. 191]. Теперь хотелось бы подробнее остановиться на каждой из сфер, в которой Китай себя ярко проявляет.

Безусловно, хочется начать с экономики Китая, поскольку его участие в мировой экономике велико. С 2013 по 2016 годы вклад КНР в нее достиг примерно 30 %, а это превышает сумму общего вклада США, Евросоюза и Японии. [3, с. 49] ВВП Китая в 2016 году составил 14,8 % от мирового, что на 3,4 % выше показателя 2012 года [3]. Однако, на XIX съезде КПК была утверждена «Новая норма», которая ставит на первое место высококачественное развитие страны, а не рост ВВП. Таким образом, вместо того, чтобы завоевывать новые рынки сбыта, при этом уничтожая окружающую среду и создавая пропасть между городом и деревней, необходимо ориентироваться на собственный, внутренний рынок. Именно он становится основой экономического роста, поэтому так важно отдавать ему приоритет. С 2013 по 2016 год показатель конечного потребления в экономическом росте КНР составил 55 %, а это превышает половину. Покупательная способность населения увеличивается за счет сокращения числа нуждающихся, миграции сельского населения в города, увеличения доходов граждан. В 2016 году реальный денежный доход составил 23821 юань, что на 7311 юаней выше, чем показатель 2012 года, т.е. среднегодовой прирост составил 7,4 % . К концу 2016 года в городах проживало почти 60 % населения Китая, что почти на 5 % превышает аналогичный показатель 2012 года. Нельзя не упомянуть влияние коронавируса на экономику Китая. Как оказалось, коронавирус не смог сломить высокое экономическое положение КНР. Китайская экономика выросла на рекордные 18,3 % в первом квартале 2021 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [4]. Рост ВВП оказался самым существенным с начала отслеживания этих данных в 1992 году [4]. Благодаря строгим ограничительным мерам ВВП страны стабильно демонстрировал рост. И, несмотря на неудачное начало 2020 года, Китай стал единственной крупной экономикой, которая по его итогам показала рост, хотя и самый слабый за десятилетия (2,3 %) [4]. Власти Китая полагают, что по итогам 2021 года темпы роста экономики страны превысят 6 %.

Если говорить о внешней политике, то, конечно, Китай сейчас один из главных игроков на политической сцене мира. Он сотрудничает со многими странами Земного шара. Если говорить о РФ, то Китай – её ключевой партнер, который играет немало значимую роль в вопросах глобального характера.

Что касается китайско-американских отношений, то они варьировались от положительных до отрицательных.

Сотрудничество между странами резко накалилось при Дональде Трампе, администрация которого назвала Китай «стратегическим конкурентом», начиная с Стратегии национальной безопасности 2017 года. В 2018 году Министерство юстиции США инициировало «Китайскую инициативу» для «борьбы с экономическим шпионажем». В 2020 году было опубликовано одно из первых исследований воздействия инициативы, в котором был сделан вывод о том, что эта инициатива несправедливо стигматизирует исследователей китайской национальности, подразумевая «угрозу со стороны ассоциаций». Впоследствии она начала торговую войну против Китая, запретила компаниям США продавать оборудование Huawei и другим компании, связанные с нарушениями прав

человека в Синьцзяне, ужесточили визовые ограничения для студентов и ученых из Китая и объявили КНР валютным манипулятором. К маю 2020 года отношения обострились еще сильнее, поскольку обе стороны обвиняли друг друга в возникновении пандемии COVID-19. Отношения также ухудшились из-за решения правительства Китая санкционировать закон о национальной безопасности Гонконга в 2020 году [5].

Нельзя не упомянуть и об китайско-европейских отношениях. На официальном уровне отношения между ЕС и КНР были установлены в 1975 г. В 1985 г. вступило в силу Соглашение о торговле и сотрудничестве, являющееся юридической основой их отношений. Отношения Китая и Европейского Союза представляют собой отношения двух сверхдержав. В целом, китайско-европейские отношения можно охарактеризовать как довольно мирные, потому что каких-либо значимых конфликтов между Китаем и ЕС в настоящее время нет (в отличие от США, которые в настоящее время фактически находятся в состоянии политической войны с Китаем). [4]

Однако при этом Европарламент выступает за сохранение эмбарго ЕС на поставки военной техники Китаю, критикует его политику в отношении Тайваня и Тибета.

Также поток инвестиций Китая в Европу довольно значителен, как в частные, так и в государственные предприятия. С 2010 г. лидерство обрели госкомпании; на их долю пришлось 70 % от общего объема ПИИ КНР в ЕС. Это вызвало подозрения у ведущих стран Западной Европы и бизнесменов.

В результате страны ЕС разделились по вопросу отношения к китайским инвестициям в стратегические секторы на два лагеря. Германия, Италия и Франция выступили за более строгий публичный и законодательный контроль за такого рода приобретениями, а Греция, Нидерланды и северные страны заявили, что не нуждаются в «протекционизме» Брюсселя [2, с. 31].

Вообще, огромное значение внешней политике Китая придал Дэн Сяопин, период руководства которого приходится на 1980–1989 гг. Именно он представил Китай в новом, неизведанном свете. Как результат, резко изменилась линия поведения КНР в международной жизни: Дэн Сяопин отказался от внешнеполитической практики «экспорта революции» в страны третьего мира [7, с. 84]. В этот период Дэн Сяопин заявил: «Китай не претендует на статус преемника СССР в руководстве мировым социалистическим движением. Китай не собирается быть лидером как в мире социализма, так и среди развивающихся стран. Мы должны в своей внешней политике исходить из прагматических соображений пользы для китайского народа. Не в интересах Китая становиться гегемоном и мировым лидером. Китай не заинтересован в участии в каких-либо политических союзах, что может привести к вмешательству во внутренние дела других стран. Самое важное для Китая – это развитие экономики» [7, с. 85]. В 1992 году ситуация смягчилась, новыми тенденциями развития стали глобализация, регионализация, многополярность. Хотя локальные конфликты все равно сохранялись, в основе которых лежали этнические, религиозные и территориальные проблемы.

Период правления Цзян Цзэминя (1992–2003). В 1997 году председатель КНР Цзян Цзэминь в своем выступлении на XV Всекитайском съезде КПК отметил: «Китай будет придерживаться внешнеполитической стратегии Дэн Сяопина, т. е. твердо придерживаться мирного курса, курса самостоятельности и независимости внешней политики... борьбы против гегемонизма и защиты мира во всем мире; не будет участвовать в политических союзах, в гонке вооружений; не будет заниматься военной экспансией; ...будет мирно развивать отношения с соседними странами, укреплять сотрудничество с развивающимися странами» [7, с. 85].

После Цзян Цзэминя пришел Ху Цзиньтао (2003–2013). Основой политической стратегии администрации Ху Цзиньтао на последующие 10 лет стали такие положения: «гармоничное общество» во внутренней политике; «мирное развитие» во внешней политике [7]. Изначально термина «мирное развитие» не существовало, был термин «мирное возвышение». Однако во избежание подозрений со стороны Запада, который мог счесть данное понятие как появление китайской угрозы, «мирное возвышение» было заменено на «мирное развитие». В идею о «китайской угрозе» вложен смысл, который заключается в опасении западных стран относительно быстрых темпов развития китайской экономики.

С 2013 года председателем КНР является Си Цзиньпинь. В своем выступлении на заключительном заседании Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва в 2013 году Си Цзиньпин упомянул о «китайской мечте». По его словам, «китайская мечта» позволит Китаю реализовать следующее: «...Достичь целей всеобъемлющего построения среднезажиточного общества; стать социалистической страной, процветающей, демократической, цивилизованной и гармоничной; реализовать великое возрождение китайского национального сознания. Именно осуществить мечты превращения Китая в богатое и сильное государство, энергичное развитие китайской нации и создание счастливой жизни для народа» [7, с. 86].

Возрастание роли Китая благодаря реформам Дэн Сяопина в конце 1970-х – начале 1980-х годов сделало китайцев более уверенными в международных делах, определило успех китайских внешнеполитических и внешнеэкономических действий в различных регионах мира.

В самом Китае некоторые ученые и журналисты, наоборот, критикуют внешнюю политику КНР за слабость, в противовес теории о китайской угрозе. Идет непрерывная дискуссия в научных кругах Китая о текущем направлении внешней политики страны. Так, профессор Пекинского университета Вань Цзисы считает, что, когда в США приступили к реализации политики «возвращения в АТР», а Европа, Индия и Россия «повернули на Восток», Китай должен был не только сосредотачивать свое внимание на прибрежной территории на традиционных конкурентах и партнерах, но и активно реализовывать политическую стратегию направленности «на Запад» [7, с. 87].

Китай является членом главных региональных организаций, в том числе АТЭС, Восточноазиатского саммита, Азиатско-тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности, АСЕМ и др. В Северо-Восточной Азии КНР активно

содействует в проведении шестисторонних переговоров по проблемам безопасности Корейского полуострова; в Юго-Восточной Азии Китай создал диалог АСЕАН – Китай, активно принимает участие в АСЕАН + 3 (КНР, Япония, Республика Корея) и АСЕАН + 6 (Япония, Китай, Республика Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия); в Центральной Азии Китай через ШОС укрепляет сотрудничество в сфере безопасности и экономики, способствует стабильности и развитию в Центрально-Азиатском регионе [7, с. 88].

Для всего континента Евразии в целом и для регионов вблизи от Индийского океана была выдвинута концепция «Один пояс и один путь», в которой объединены две концепции: «экономический пояс» Шелкового пути и морской Шелковый путь. По сути, данная концепция предоставит Китаю новый рынок для экспорта товаров и одновременно будет стимулировать экономическое развитие стран и регионов вдоль «пояса», что в итоге будет способствовать процветанию и стабильности в данном регионе [7, с. 88].

Правительство КНР считает экономическую модель Зона свободной торговли (ЗСТ) новой платформой для дальнейшего открытия страны и ускорения внутренних реформ. Китай активно участвует в различных международных организациях, выдвигает инициативы о формировании подобных организаций и международных фондов.

Но все же прагматичная миролюбивая внешняя политика КНР, определяемая моделью преемственности идей Дэнь Сяопина, направлена прежде всего на обеспечение благосостояния китайского народа, что и нашло отражение в современной многофакторной доктрине «китайской мечты».

Можно сделать вывод о том, что роль Китая глобальна в современном мире, он вносит свой вклад, как и в всемирную экономику, так и во внешнюю политику, не забывая о своих традициях и исконном китайском пути.

Список литературы

1. Гордон А. В. Китай при Си Цзиньпине: проблемы и перспективы // Россия и современный мир. – 2016. – № 3.
2. Гуселетов Б. П. Отношения между Евросоюзом и Китаем на современном этапе // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 4.
3. Иванова А. Р., Рубцов Н. М. Экономика Китая: настоящее и будущее // Научная идея. – 2018. – № 3.
4. Лебедева И. В., Подулясская А. Ю. Новая сверхдержава на пути к мировому лидерству // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 177–184.
5. Упир И. Р. Особенности политического лидерства в Китае: первая часть серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 3. – С. 167–172.
6. Экономика Китая показала рекордный рост на фоне улучшения ситуации с коронавирусом // BBCNews|Русская служба. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-56770610> (дата обращения: 10.05.2021).
7. Ю Хань. Развитие современной внешней политики КНР. Текст научной статьи по специальности «Политологические науки» // Общество. Коммуникация. Образование. – 2016. – № 1.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТОЛОГИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА УКРАИНЫ И РУСОФОБСКИЕ ПРИНЦИПЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССАМИ ГОСУДАРСТВА

Карницкая В.Р., аспирант, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: Valeriya_1612@bk.ru

Аннотация. В статье представлен анализ политических трансформаций Украины. Политическая, социальная и экономическая трансформация государства в значительной мере обусловлена состоянием и поведением его политической элиты, а также (в кризисные моменты) сменой правящих элит. Актуальность этого вопроса повысилась в связи с произошедшей в 2014 году в результате Евромайдана смены власти в этой стране. В частности, автор заостряет внимание на актуальной проблеме оценок в современной науке соответствия процессов в украинской политической элите классической теории элитизма, которая предусматривает наличие в политическом поле нескольких элит и развитие политического процесса как смены правящей элиты контрэлитой.

Ключевые слова: политическая элита, русофобия, национализм, борьба элит, контрэлита, олигархические группы, смена элит

THE POLITICAL ELITE OF UKRAINE AND RUSSOPHOBIC PRINCIPLES OF REGULATING THE PROCESSES OF THE STATE

Karnitskaya V.R., postgraduate student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.
E-mail: Valeriya_1612@bk.ru

Annotation. The article presents an analysis of the political transformations of Ukraine. The political, social and economic transformation of the state is largely due to the state and behavior of its political elite, as well as (in times of crisis) the change of the ruling elites. The relevance of this issue has increased in connection with the change of power in this country that occurred in 2014 as a result of the Euromaidan. In particular, the author focuses on the actual problem of assessments in modern science of the correspondence of processes in the Ukrainian political elite to the classical theory of elitism, which provides for the presence of several elites in the political field and the development of the political process as a change of the ruling elite by the counter-elite.

Keywords: political elite, russophobia, nationalism, elite struggle, counter-elite, oligarchic groups, elite change

Сегодняшнее украинское государство доведено правящей элитой до крайнего уровня деградации. Промышленность и экономика практически разрушены, страна официально пропагандирует нацизм, а в Донбассе шла гражданская война. Россия объявлена «государством-агрессором», а бедное и страдающее население люто ненавидит свою власть, которая, видимо, не желает покидать властного Олимпа.

Неслучайно на Украине к власти пришли нацистские и русофобские режимы, настроившие свое население против России. Благодаря специфическому выбору Украины представители разных слоев общества изначально рекрутировались во властную элиту, объединенную не общей целью построения сильного государства и удовлетворения потребностей общества, а общей целью стало мародерство и грабеж государственных ресурсов [10].

В украинском государстве нет дееспособной элиты, есть группа временных работников, которые одержимы коррупцией и не брезгуют самыми элементарными методами овладения властью и ограбления государства. Система выбора правящего класса устроена таким образом, что самые беспринципные и циничные представители попадают в эту касту, где они «идут своим путем» не из-за своих заслуг и знаний, а в нарушение того, что большинство из них не знают, что такое власть и как управлять государством, но захватывают власть в кабалу и ни при каких обстоятельствах не откажутся от власти ради удовлетворения своих корыстных интересов [11].

Современная политическая элита Украины состоит в основном из беспринципных, порочных, с комплексом неполноценности фигур, часто презираемых в обществе, отчасти просто сумасшедших. Значительную часть элиты составляют галицкие представители со специфическим «крестьянским» («сельским») менталитетом. В связи с этим украинская элита не может объективно оценивать политические, социальные и экономические процессы, происходящие в мире и обществе, принимая соответствующие решения не только в интересах государства, но даже в своих личных интересах. Непрофессионализм и популизм элиты, а также неподготовленность к управлению страной привели к огромному провалу экономического и государственного строительства.

В элите есть разные люди, некоторые из них хотят сделать что-то полезное для государства, но система их отвергает, потому что они могут подорвать устоявшийся фундамент, только те, кто принимает ее правила, остаются в соответствии с этим принципом, политика и олигархический «бомонд» в Украине сложился, она установила для себя официальное братство, выбранное по тем же критериям, и они делят награбленное между представителями «братства» [9].

Есть еще одна особенность украинской элиты: подавляющее большинство людей заражено вирусом украинского национализма и нацизма, хотя многие из них русские. Причина этого в том, что Украина изначально была не как страна, отстаивающая интересы проживающего в ней населения, а как антиросийская элита, элита которой всегда стремилась и пыталась противопоставить украинскому народу альфу и омегу для всех украинских элит, что русский национализм был и остается. Они пытаются заразить этим вирусом все украинское

общество, и добились в этом отношении значительных успехов. Из Галиции он проник в центральную Украину, и его пытаются привить на Юго-востоке [3].

Навязывая национализм, элита пытается воспользоваться глубоким историческим и цивилизованным расколом украинского общества, чтобы разделить его на враждующие лагеря. Они пытаются внушить народу, что у русских и украинцев нет общих корней, общей истории, общих верований, и пытаются оторвать Украину от общероссийского культурного древа. По этой причине обществом постоянно движет русофобия, ведь без этого невозможно противостоять естественному примирению двух частей одного и того же человека, притягивающихся друг к другу [9].

Еще одной особенностью украинской элиты является наличие олигархических племен, как и в России, которые, разделяя награбленное советское наследие, сходились с политиками и постепенно захватывали власть в стране. Этим кланам также выгодно насаждение национализма и русофобии, так как это помогает отвлечь общество от разграбления государственных ресурсов. Национализм и русофобию западные кураторы также попросили оказать давление на Россию с Украины, чтобы сформировать плацдарм, где их интересы совпадают с политическими элитами и олигархическими кланами [8].

Первыми мощными кланами стали днепропетровский и донецкий, захватившие самые лакомые куски бывшей советской промышленности. При Кучме власть перешла в руки днепропетровского клана, который представляли олигарх Пинчук, премьер-министр Лазаренко и два вице-преьера: Тимошенко и Тигипко. Грабеж государства был настолько наглым, что США посчитали себе в убыток поддерживать такую власть и организовали разоблачительный скандал. Лазаренко пришлось бежать из страны, его перехватили американцы и надолго упрятали в свою тюрьму. Тимошенко несколько месяцев отсидела в украинской тюрьме и, выйдя, организовала партию своего имени, отправившись в самостоятельное плавание, а Тигипко перебежал и закрепился в донецком клане.

Кучма пытался усидеть на двух стульях, объявив многовекторность и заигрывая с Западом и Россией. Американцы быстро ему объяснили, что так себя вести нельзя, должен быть только один вектор – на Запад и организовали труп журналиста Гонгадзе и «пленки Мельниченко» с прослушкой переговоров президента, обвинив Кучму в убийстве. Прокатилась волна заказных протестов «Украина без Кучмы», и ему пришлось забыть о третьем президентском сроке, отодвинуть от кормушки днепропетровский клан и уступить место донецким.

Набравший силу донецкий клан во главе с Ахметовым и присоединившийся к нему клан газовщиков во главе с Фирташем и Бойко, которые сделали миллиарды на поставках российского газа, стремились войти во власть уже со своей как бы «пророссийской» Партией регионов. Они сформировали свою бандитскую элиту, продвигая в качестве лидера бывшего уголовника Януковича [17].

С одной стороны, пропагандируя русофобию и национализм, элиты, разделяя общество, создают условия для расхищения государственных ресурсов и сохранения своей власти, с другой стороны, выполняя заказы Запада на ослабление России, обеспечивая при этом развитие страны [13].

Украинская элита в лице политиков, бизнесменов и чиновников чувствует себя вполне комфортно в создавшейся обстановке, на проблемы общества и населения она никак не обращает внимания, поэтому нет никаких оснований менять политическую систему.

Запад поддерживает режим кредитами, но этого недостаточно, не хватит на всех. Для сохранения государства и возможности его ограбления необходимы дополнительные ресурсы, в связи с чем правящий режим должен изыскивать средства, изымать средства у населения путем введения жестких налогов, повышать цены на услуги, предоставляемые предприятиями при посредничестве государства, сокращать социальные расходы, что приводит к неизбежному снижению уровня жизни большинства населения и подрыву социальной основы правящего режима [9].

Для того чтобы держать массы в узде, помимо правоохранительных органов, правительство создало группы националистических радикалов, которые по их указанию безнаказанно запугивают всех инакомыслящих.

Проводя политику русофобии, элита неизбежно разрушает экономическую базу своего существования, потому что ей приходится снижать экономическую активность с Россией, и далеко не весь бизнес это устраивает, но ему приходится мириться с этими издержками.

Без политической, экономической и финансовой поддержки Запада элите практически невозможно удержать власть, поэтому гарантировать ее сохранение могут только прозападные носители.

При поддержке Запада комплекс пропагандистских мер и мощное давление на общество могут позволить держать государство в руках и обеспечить неизменность системы власти независимо от личности тех, кто у власти.

Сложившаяся система правления позволяет правящей элите и некоторым радикально настроенным гражданам фактически оккупировать страну и навязать обществу свои взгляды, подавляющее большинство которых не верит или не имеет результатов в идее национализма и русофобии, Украина разделена на два неравных лагеря: с одной стороны-подавляющая часть общества, борющаяся за благополучие и налаживающая сотрудничество с Россией, с другой, вся правящая элита и благородная часть общества, пытающаяся ограбить государство.

Это противоречие само по себе не разрешится. Только элита, или хотя бы ее часть, под давлением масс или под внешним влиянием может изменить систему правления в Украине. Никакое народное восстание не может изменить страну, оно может только способствовать действиям элиты, невозможно осуществить революцию снизу. Снизу идет только бунт без конкретной цели, обычно он подавляется властями или перехватывается частью элиты и направляется в нужном им направлении.

Для того чтобы отключить националистический и русофобский проект Украины, необходимы целенаправленные поддержанные извне действия украинской антиэлиты или части действующей элиты. Антиэлиты еще нет, она должна формироваться в недрах существующей системы, и в обществе созрело

ее восприятие. В силу неоднородности нынешней элиты ее можно разделить и сформировать вменяемую часть противников правящего режима [1].

Переформатирование правящего класса в обоих направлениях требует усилий Украины и России. Российская элита окончательно начала просыпаться после поражения в 2014 году, министр иностранных дел России Сергей Лавров ясно дал этот вопрос в недавнем интервью: «Нам нужно готовиться к окончательному приходу новой элиты и для этого-инвестировать в наше понимание украинского политического ландшафта и нового поколения политиков» и «Украинский кризис-самая существенная дилемма российской внешней политики». Нельзя оставаться в стороне от событий на Украине, потому что они имеют прямые внутривнутриполитические последствия для России [5].

Российские власти пытались взаимодействовать с более или менее вменяемой украинской элитой. Приезд Медведчука и Бойко в Москву подтверждает это, однако ставка делается на политиков, которые не пользуются серьезным влиянием и авторитетом на Украине [14].

К сожалению, сегодня никто из настоящих патриотов и политиков не понимает неизбежности интеграции Украины и России в Украину, и мы должны выбирать из того, что имеем.

Для элит, которые принимают новые правила игры, на постукраинском пространстве должна быть создана система, делающая его единым целым с государством и обществом, отстаивающая общие экономические и политические интересы. Система должна исключать и предотвращать разграбление будущими государственными элитами и продажность, что привело уже к плачевным результатам на Украине.

Для формирования нового поколения элит и переформатирования Украины украинскому обществу нужен толчок, который может родиться внутри общества и получить от России.

Ненависть и презрение общества к правящему режиму зашкаливают, и националисты готовы сломить эту власть. Этот накал может перерасти в военное противостояние, а у Украины слишком много неучтенного оружия. Националисты могут взять в руки оружие и попытаться установить собственную диктатуру [15].

В связи с этим Украина столкнется с неизбежной неадекватностью, некоторые элиты и стоящие за ними боевики не пойдут ни на какие компромиссы, это может привести к полномасштабной силовой зачистке всеми доступными методами. Они должны исчезнуть с политического ландшафта Украины, а без такой зачистки никакие проблемы на Украине не будут решены. Только катастрофический провал и народный гнев могут смести режим.

Линии разлома цивилизации и национальной политики в Украине слишком различны, и ее будущее будет зависеть от способности нового поколения элит удовлетворять интересы живущих здесь людей. Как бы далеко ни было российское руководство от решения украинской проблемы, она все равно должна быть решена, мы слишком тесно связаны общей судьбой, что уже не можем обойтись без вмешательства [17].

Украина сформировала собственную современную политическую элиту в соответствии с особенностями своего исторического развития, традициями, накопившими с течением времени ряд проблем и противоречий.

Необходимо подчеркнуть следующие вопросы и особенности развития политической элиты Украины:

1. Низкий уровень морального облика, что приводит к низкому уровню доверия к абсолютному большинству украинских политиков. Политическая элита страны в большинстве случаев обладает властью и богатством, но не высоким уровнем моральных качеств. Это показывает, что власть в стране можно «купить», даже не заботясь об уровне и глубине знаний.

2. В поведении представителей политической элиты интересы отдельных лиц и групп преобладают над интересами общества. Украинские политические элиты, как правило, являются представителями власти, олигархии, и те и другие в ходе своей деятельности опираются в основном на индивидуальные потребности, создавая привилегии для своих кругов, и только потом учитывают интересы общества в целом. В свою очередь, политическая элита любой страны, обладающая высоким положением в обществе, богатством, престижем, должна уже не заботиться о собственных интересах, а направлять все свои усилия на поддержку населения.

3. Значительная часть политической элиты имеет относительно низкий уровень профессиональной подготовки и не обладает стратегическим мышлением, необходимым реальной элите. Конечно, нельзя сказать, что вся элита Украины - это люди без должной профессиональной подготовки, но, учитывая специфику формирования современной политической элиты, можно сказать, что сейчас у власти находится значительное количество людей, они не имеют на это права.

4. Эффективность политической и управленческой деятельности в целом невысока, а качество политических решений - в частности. Это, в свою очередь, зависит от уровня профессиональной подготовки и стратегического мышления элиты.

5. Не умеют договариваться, согласовывать интересы. Конечно, политическая элита Украины, как и других стран, внутренне различается, но если в других странах можно наблюдать взаимодействие элит, то в Украине, наоборот, идет так называемая «борьба элит».

6. Отчуждение политических элит и общества углубляет социальный разрыв между их представителями и рядовыми гражданами [4].

7. Зависимость политических элит Украины от т.н. карнавальных политических традиций. В своих практиках они все чаще и все глубже погружаются в антиполитический мир, уходят в Зазеркалье, в придуманный ими же мир, который принимают за реальность и в котором они пытаются жить [5–7].

Представители украинской политической элиты научились бороться за власть, но не всегда способны использовать эту власть в общественных интересах. За право влиться в политическую элиту идет жесткая, а зачастую и ожесточенная конкуренция. Умение побеждать в борьбе за власть-главный критерий

выбора элиты. По этому стандарту политическая элита действительно является элитой. Однако эффективность украинской политической элиты, качество выполнения ею своих социальных функций все еще слишком низки [2].

Таким образом, история формирования украинской элиты – это постоянная борьба региональных ФПГ (финансово-промышленных групп) за создание благоприятных условий для существования собственных предприятий. Политическая жизнь страны превратилась в конкуренцию между производителями девелоперских проектов вроде Украины. Причем эта конкуренция носит конфронтационный характер не только в экономическом, но и в политическом и идеологическом плане. Кроме того, это противостояние поддерживается географическими и культурными факторами, потому что Украина никогда в истории не была в такой территориальной форме, как сейчас. Восточная часть Днепра входит в геополитический состав России, и население этой территории тяготеет к русскому культурному этносу. Исторически разделенные, украинцы были важным фактором в противостоянии Востока и Запада. Экономические элиты умело используют этот объективный исторический факт. Достаточно вспомнить съезд Северного Донца. Пророссийские избиратели в разгар поствыборной кампании поддержали бы идею федерализации и отделения от Украины в то время. Поэтому можно сказать, что мультикультурализм в Украине сам по себе выражает оппозицию, не говоря уже о пользе этой нестабильности для экономического региона страны [15].

Исходя из этого, можно отметить, что в Украине нет доминирующей политической элиты. Современная украинская политическая элита – это «примитивная элита», группа региональных ФПГ (финансово-промышленных групп). Украинские предприятия уходят вглубь политической сферы страны, и в результате экономическая конкуренция пронизывает поле политического противостояния. Украина привлекательна не только для иностранных инвесторов, но и для отечественных, потому что нет уверенности, что завтра частные предприятия не будут подавлены налогами или проданы с аукциона под предлогом «справедливой реприватизации». Для постепенного развития страны необходимо разработать стратегические планы развития по всем направлениям: геополитика, культура, экономика, политика и т.д. На сегодняшний день можно создать такой план развития, но нет никакой гарантии, что он будет поддержан и в конечном итоге реализован. Для этого требуется доминирование одной политической силы или раздельное попеременное доминирование двух политических сил по всей стране, что давно ожидается.

Список литературы

1. Бережная И. Обновление политической элиты в Украине: неожиданность обещанной атаки // Народная правда. – 2018. – Режим доступа: <http://narodna.pravda.com.ua/rus/politics/4bd026dac03f2/> (дата обращения: 14.04.2021).

2. Дашаківська О. Ю. Політична еліта України: проблема легітимації : автореф. дис. Наздобуття наукового ступеня кандидата політичних наук. – Львів, 2017.
3. Жданов И., Якименко Ю. Украина в XXI веке: вызовы для политической элиты. – Режим доступа: <http://www.uceps.org/ua/show/552/> (дата обращения: 14.04.2021).
4. Ищенко Р. Особенности украинского политического режима. – Режим доступа: <http://ukraina.ru/analytics/20140721/1009876002.html> (дата обращения: 14.04.2021).
5. Карабущенко П. Л. Карнавальная политическая культура: политические элиты в поисках утраченной идентичности // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 4. – С. 138–164.
6. Карабущенко П. Л. Карнавальная политическая культура: системный анализ основных категорий // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 31–62.
7. Карабущенко П. Л. Карнавальная политическая культура: субъекты и объекты театра абсурда // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 3. – С. 93–120.
8. Карницкая В. Р. Политическая элита Украины: противоречия становления и развития // Вопросы элитологии. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 123–140.
9. Кучма Л.Д. Украина – не Россия. – М. : Время, 2013. – 690 с.
10. Лапкин В. В., Пантин В. И. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты // Полис. – 2014. – № 5. – С. 68–89.
11. Маковская Д. В., Гарас Л. Н. Этнонациональная виктимизация украинского общества в дискурсе научной элиты Украины: тенденции и содержание // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 4. – С. 104–121.
12. Маммадов М. Особенности модернизации постсоветских политических режимов // Обозреватель Observer. – 2017. – № 1. – С. 5–32.
13. Министр культуры Украины пояснил свои слова... – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20161123/1481985032.html> (дата обращения: 14.04.2021).
14. Полохало В. Неототалітарні трансформації посткомуністичної влади в Україні // Політична думка. – 2004. – № 3. – С. 17.
15. Политическая элита или протоэлита Украины? // Статьи: Выборы 2009. – Режим доступа: <http://http://www.biz.kr.ua> (дата обращения: 14.04.2021).
16. Ставицкий А. В. Украинская элита: идентичность или глобальный выбор. – Севастополь: Рибэст, 2013. – 208 с.
17. Украина: кризис политической нации. – Режим доступа: http://www.discred.ru/news/ukraina_krizis_politicheskoy_nacii/2016-11-21-25066 (дата обращения: 14.04.2021).
18. Фесенко В. Отечественная политическая элита в контексте «проекта Украина» // Диалог – 2007. – Режим доступа: <http://http://dialogs.org.ua> (дата обращения: 14.04.2021).
19. Характерные черты формирования политической элиты в Украине в постсоветский период // Персонал. – 2016. – № 10. – С. 42–46.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ИРАНА

Оськина О.И., кандидат политических наук, доцент, Астраханский государственный университет

414056, Астрахань, ул. Татищева, 20а

E-mail: oskina_olga@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2006-1786>

Аннотация. Одна из древнейших цивилизаций на земле имеет тысячелетнюю историю государственного строительства, не раз выраставшую до уровня мировой державы (империи) и неоднократно приходившую в полный упадок и дезинтеграцию. Политическая культура Ирана впитала в себя все богатство своей национальной исторической традиции и может служить примером создания суверенитета с опорой на свои внутренние ресурсы и силы. Анализ традиции политической культуры подобных стран дает исследователям огромный теоретический и исторический материал, позволяющий производить более точные диагностические измерения современных политических процессов.

Ключевые слова: политическая культура, Иран, политическая система, идеология, ислам, теократия, традиции

MODERN POLITICAL CULTURE OF IRAN

Oskina O.I., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Astrakhan State University

414056, Astrakhan, 20a Tatishev st.

E-mail: oskina_olga@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2006-1786>

Annotation. One of the most ancient civilizations on earth has a thousand-year history of state building, which has repeatedly grown to the level of a world power (empire) and has repeatedly fallen into complete decline and disintegration. The political culture of Iran has absorbed all the richness of its national historical tradition and can serve as an example of the creation of sovereignty based on its internal resources and forces. The analysis of the traditions of the political culture of such countries provides researchers with a huge theoretical and historical material that allows them to make more accurate diagnostic measurements of modern political processes.

Key words: political culture, Iran, political system, ideology, Islam, theocracy, traditions

В основе политической культуры Ирана лежат исламские ценности, которые и определяют ее характер и общий вектор развития. Вторым источником формирования политической культуры Ирана служит сама тысячелетняя история Ирана, богатая имперскими традициями политического управления [4]. В анализе политической культуры Ирана особое место отводится историческому культурному прошлому, в котором и формировалась матрица политических институтов и различных форм информационной коммуникации, поддерживающих ту или иную политическую систему взглядов [5].

Идея сакральности иранской власти восходит еще ко времена «Шахнаме» («Книги царей») А. Фирдоуси, в которой утверждается, что правителя иранской земли, как и сам Иран в целом, носят в себе сакральную миссию, миссию утверждения закона Истины на земле и уничтожения зла. Данная сакральная миссия имеет первостепенную важность, все остальное отходит на второй план. Закон (вначале зороастрийского Ахура-Мазды, а затем и ислама) стоит выше мирских законов, а идеальный правитель – тот, кто управляет своим государством, основываясь на божьем законе¹.

Исторический политический опыт здесь сочетается с опытом, накопленным уже в связи с Исламской революцией 1979 г. [14]. И чаще всего речь заходит о политической культуре Ирана, когда пытаются охарактеризовать особенности этой политической системы. «Культура считается сутью существования и природы, истиной, составляющей идентичность человека. Культура представляет собой комплекс нравов и обычаев, убеждений, мыслей, поверий, высказываний, поведений, формирующийся с течением времени, передается поколениям и проявляется в общественной и личной жизни. Культура делится на общественную и политическую» [8]. Пример современного Ирана наглядно показывает, что анализ политической культуры конкретного государства невозможно без детального рассмотрения контекста его политической истории.

В Исламской республике Иран (ИРИ) сильно влияние теократической политической культуры. Иранские клерикалы, стоящие на позициях шиитского фундаментализма, стоят на страже исламских ценностей и категорически отказываются ограничивать свое влияние в угоду процессам модернизационного плана. Именно клерикальная элита и стала основой политической системы ИРИ. «Религиозным лидерам удалось захватить власть, вытеснить с политической сцены другие идеологические течения и предложить эффективный проект государственного устройства – исламскую республику, которая воплощала в жизнь идею исламского правления в современном мире, разработанную идеологом революции аятоллой Хомейни. Созданная в Иране в первые послереволюционные годы политическая система обеспечила представителям религиоз-

¹ Следует напомнить, что в период правления шаха (1925 - 1941) Реза Пехлеви (1978–1941) поэма «Шахнаме» была одной из идейных опор монархии в Иране, так как говорила о божественном начале наследственной власти. Однако после исламской революции 1979 г. новый лидер Ирана аятолла Рухолла Хомейни (1902–1989) посчитал «Шахнаме» оскорбительным, даже кощунственным текстом.

ных кругов руководящие позиции. Исламский режим подтвердил свою жизнеспособность» [11, с. 170].

В основе идеологии исламской революции лежит тезис о неразделимости ислама и политики. Аятолла Хомейни утверждал: «...имперские державы с радостью отделили религию от политики и политику от религии. С самого начала наши политиканы продвигали эту идею, и мы, духовенство, поверили, что нам нет дела до политики и мы должны ограничиться только религией» [10, с. 85]. Развивая эту мысль, он заявлял: «Наш долг работать над установлением исламского правления. Первое, что мы должны предпринять в этом направлении, это пропаганда наших целей... враг не в состоянии отобрать у вас средства воздействия на массы. Вы должны учить людей всему, что связано с поклонением Аллаху, конечно, но более важны политический, экономический и юридический аспекты ислама. Наш долг приложить все силы к тому, чтобы установить истинное исламское правление. Мы должны поднимать волну интеллектуального пробуждения, проникать внутрь общества, постепенно формировать в умах просыпающихся религиозных масс образ исламского правления и, наконец, установить его» [10, с. 65].

По мнению иранских исследователей, исламская республика как цель исламской революции «представляет собой новую модель государственного устройства, сочетающую в себе принципы республиканизма (демократии) и исламскую сущность, которая может рассматриваться как соответствующая интересам модернизации Ирана, способствующая осуществлению народовластия и учитывающая традиционные ценности» [23].

Критики иранского исламизма возражают, утверждая, что исламскую республику необходимо рассматривать как авторитарную систему, Хомейни называть диктатором и полагает, что «после свержения шахского режима к власти пришло не духовенство как сословие, а узкая группа богословов... и не ислам как религия стал официальной государственной идеологией, а его искаженная версия в интерпретации Хомейни» [20]. Созданный в Иране политический режим нельзя рассматривать как исламский, Жиль Кепель оценивает иранский проект как неудавшуюся попытку воплощения исламской утопии, исламскую республику считает «исторически изжившей себя, отсталой и отвергнутой моделью..., которая уже перестала быть утопией и носителем будущего» [13].

Американский автор иранского происхождения Э. Абрахамиян утверждает об особом пути развития демократии в Иране времен правления воинственных аятолл: «Конституция скрестила принцип веляят-е факих, сформулированный Хомейни, с принципами Французской республики по Базаргану при превашировании первого над вторым. Этот закон соединил понятия божественное право и права человека, теократию и демократию, голос Бога и голос народа, власть духовенства и народное самоуправление» [1]. Именно в особенностях иранской демократии многие и видят национальную специфику иранского проекта [2]. Ряд авторов характеризуют годы президентства М. Хатами (1997–2005) как попытку демократического транзита [2]. Возвратом к консервативной

традиции следует считать победу на президентских выборах 2005 г. представителя новой волны консерваторов президента Махмуда Ахмадинежад (2005–2013). Впервые за всю историю ИРИ основные центры власти оказались в руках представителей консервативного фланга [11].

В политической системе Исламской Республики Иран отчетливо видно переплетение традиций Востока и Запада. В Иране имеет место существование «демократических выборных органов, аналогичных тем, какие действуют и в современных странах Европы и Америки, соседствует с элементами исламской теократии, закрепляющими реальную политическую власть в руках у небольшой группы мусульманских религиозных деятелей. Органы, избираемые демократическим путем – президент, меджлис (парламент), оказались в полном подчинении органов назначаемых – рахбара (духовного руководителя государства), Наблюдательного совета, состоящего из мусульманских религиозных деятелей, судебных органов. Какие бы решения и законы ни принимали президент или парламент, они не могут вступить в силу без утверждения рахбаром или Наблюдательным советом» [7].

Самими иранскими исследователями признается, что идеология политического ислама стала в Иране формироваться как идейная альтернатива официальной шахской идеологии именно из-за того, что в ней в 1960–1970 гг. все более резко усиливался крен в сторону западных элементов. Поэтому главным направлением в культурной политике нового режима стало противопоставление западным культурным принципам и смещение акцентов в цивилизационном коде от культурных в сторону традиционных и исламских принципов [9]. «Иран находится в процессе поиска баланса между традиционными и современными механизмами формирования новой концепции национальной безопасности и политической культуры. При этом важной и актуальной задачей является создание условий для конструктивного политического диалога между двумя поколениями современного Ирана: тем поколением, которое до сих пор связано с традиционными ценностями и историей Ирана, и тем, что в определенном смысле оторвано от традиционных ценностей» [3].

Природа власти носит теократический характер и подпитывается силой авторитета «Корана». Это и обеспечивает главенство консервативных постулатов и укрепление власти исламских клерикалов. Когда Мухаммед говорит: «Худшие из ваших правителей те, которых вы ненавидите, а они ненавидят вас, и которых вы проклинаете, а они проклинают вас» – он тут же добавляет, что и таких плохих правителей не следует свергать, ибо их власть от Аллаха [16].

Идея экспорта исламской революции была реализована иранскими властями на практик. Посредством этой доктрины теократические круги Ирана пытались расширить свою власть на регион Ближнего Востока и Персидского залива и создать «шиитскую сверхдержаву» [6].

Выдвинутая президентом реформатором М. Хатами (1997–2005) концепция «диалога цивилизаций» одной из своих целей (помимо улучшения отношений с Западом) предусматривала и расширение культурного влияния Ирана на соседние исламские страны.

Правительство президента Ирана (1989–1997) А.А. Хашеми Рафсанджани (1934–2017) призывало начать широкий международный диалог с целью привлечения технологий и инвестиций и открыло возможности расширения рыночных отношений. Реформы этого периода стали попыткой увязать принципы неолиберальной западной модели с «исламскими экономическими механизмами и выработать экономическую модель, более привлекательную для стран с мусульманским населением, чем доказавшие свою эффективность модели европейских стран» [22].

Президент Ирана М. Ахмадинежад откровенно апеллировал к исламу, стараясь представить противостояние Ирана и США как столкновение западной и мусульманской цивилизаций. Его сторонники видят в Америке «большого Сатану», источник культурного разложения, хищную капиталистическую державу, эксплуатирующую ресурсы более бедных стран [21].

В настоящее время развитие политической культуры Ирана зажата в тисках борьбы демократии, теократии и авторитаризма [15]. С точки зрения иранских идеологов, исламская демократия является лучше западной и восточной [24]. «Специфическая структуризация власти и зависимости, которая в гражданской и политической культуре часто носит сугубо личный характер и функционирует по принципу асимметричности религиозных, правовых, политических, моральных и иных норм в отношениях между «своими» и «чужими», оставляет открытым вопрос о том, может ли мозаичный иранский социум трансформироваться в современное гражданское общество с развитой политической культурой. При этом не всегда западные классические образцы политической культуры подходит под иранский политический ландшафт и отвечают их интересам и запросам [20–21]. Необходима глубокая и идеологически не ангажированная концептуализация и легитимация иранского социума как гражданского общества, а отечественной политической культуры – как демократической политической культуры» [17].

Проводя независимую внешнюю политику, власти Ирана считают свое государство суверенной теократической демократией и не намерены оглядываться и сверять свои действия с западными демократическими стандартами. Для них эталоном является их собственный политический опыт, на котором они и выстраивают здание своей государственности [12].

Список литературы

1. Abrahamian E. A History of Modern Iran. – New York : Cambridge University Press, 2008. – P. 164.
2. Ansari A. M. Iran, Islam and Democracy. The Politics of Managing Change. – London : Cha-tam House, 2006. – P. 18–23; Moussawi I. Shi'ism & The Democratization Process in Iran with a Focus on Wilayat al-faqih, London, UK : Saqi Books. 2011. – P. 15.
3. Алиасгар Амини Дейхаги Махмуд. Особенности формирования современной политической культуры Ирана в условиях информационной эпохи: со-

циально-политический анализ : дис. ... канд. полит. наук. – Душанбе, 2012. – 159 с.

4. Алиев С. М. История Ирана. XX век М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. – 644 с.

5. Бигделу Реза. Консерватизм и интеграция древности в современной истории Ирана. – Тегеран, 2001 (на перс. яз); Ахмади Хамид. Иран, сущность, национальность, этническая принадлежность. – Тегеран, 2004 (на перс. яз); Моджтахед-заде Пируз. Иранская идентичность в двадцать первом веке. Научно-культурный вестник иранцев, живущих за рубежом. – Тегеран, 2005 (на перс. яз); Шариати Али. Познание ирано-исламской идентичности. – Тегеран, 1999 (на перс. яз).

6. Васильев А.М. Иран как «шиитская сверхдержава»: реальные и мнимые вызовы // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 8. – С. 3–7.

7. Воскресенский А. Д. Политические системы и политические культуры Востока / под ред. профессора А.Д. Воскресенского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ : Восток – Запад, 2007. – С. 55.

8. Гасеми Хамид Морад. Политические и культурные условия внешней политики исламской республики Иран // Молодой ученый. – 2013. – № 4 (51). – С. 424–429.

9. Джаханбахш Ф. Эслам, демокраси ва ноугераии дини дар Иран (1953 - 2000): аз Базарган та Соруш. – Тегеран, 2004. (Форуха Джаханбаша «Ислам, демократия и религиозный модернизм в Иране (1953–2000): от Базаргана до Соруша») (на перс. яз).

10. Доктрина исламской революции. Избранные мысли и взгляды Имама Хомейни. – М. : Научная книга, 2009. – С. 85.

11. Дунаева Е. В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. № 11 (4). – С. 169–189. – Режим доступа: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-169-189>.

12. Дунаева Е. В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – № 11 (4). – С. 169–189. – Режим доступа: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-169-189>.

13. Карабущенко П. Л. Новейшая политическая история: «Кавказский геополитический узел» (1991–2011 гг.) : учебное пособие / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 489 с.

14. Кепель Ж. К «мусульманской демократии»? // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 6 (26).

15. Мамедова Н. М. 25 лет ИРИ как опыт исламского правления в современном мире // Двадцать пять лет исламской революции в Иране / ред. Н. М. Мамедова. – М. : ИВ РАН, 2005.

16. Мамедова Н. М. Тенденции демократизации во внутривосточной жизни ИРИ // Иран: ислам и власть. – М., 2002. – С. 52.

17. Муслима Х. Всемирное писание. Сравнительная онтология священных текстов. – М., 1995. – С. 555–557.
18. Пакраванфард М. М. Трансформации политической культуры в современном иранском обществе: дис. ... канд. полит. наук. – Душанбе, 2014.
19. Оськина О. И. Трансформационные переменные политической культуры современной политической элиты // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 3. – С. 52–73.
20. Подвойская Н. Л. Политическая культура и ментальные особенности современных американских элит // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 3. – С. 74–91.
21. Складов Л. Е. Иран 60–80-х годов: традиционализм против современности. Революция и контрреволюция. – М. : Наука, 1993. – С. 230–231.
22. Такей Р. Время для разрядки в отношениях с Ираном // Россия в глобальной политике. – 2007. – Т. 5, № 2. – С. 108–109.
23. Ульченко Н. Ю., Мамедова Н. М. Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана). М. : Городец, 2006. – С. 257.
24. Хаджесарви Г. (ред.) Политика и власть в Исламской республике Иран. Тегеран: Университет имама Садега, 2011/12. – С. 63. (на перс. яз.).
25. Эспозинио Дж. Исламская революция Ирана и ее мировое отражение. Пер. Мухсина Мудир Шаначи. Центр изучения ислама и Ирана. – 3-е изд. – Тегеран : Баз, 2009. – С. 64, 65 (на перс. яз.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

Кудряшова Е.В., кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и международных отношений, Астраханский государственный университет 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: eafanasova@mail.ru

Аннотация. Политическая культура современной Турецкой республики представляет собой сложносочиненный историко-культурный ландшафт, уникальную смесь азиатской и европейской традиций, не имеющей аналогов в мире. Наиболее остро перед Турцией стоит вопрос о политической самоидентификации, от выбора решений которого зависит единство самой этой нации. В этом выборе («запад или восток») она сродни России, в ментальной истории которой тоже была дилемма между «западниками» и «славянофилами». Именно неустойчивость этого вектора развития грозит в будущем резкими сменами направления стратегического развития страны, что чревато социальными и политическими потрясениями.

Ключевые слова: политическая культура, политическая система, идеология, неоосманизм, кемализм, традиции, Турция

POLITICAL CULTURE OF MODERN TURKEY

Kudryashova E.V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of political science and International relations, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatischev st.
E-mail: eafanasova@mail.ru

Annotation. The political culture of the modern Turkish Republic is a complex historical and cultural landscape, a unique mixture of Asian and European traditions that has no analogues in the world. The most acute issue for Turkey is the question of political self-identification, on the choice of decisions of which the unity of this nation itself depends. In this choice (“west or east”) it is similar to Russia, in whose mental history there was also a dilemma between “Westerners” and “Slavophiles”. It is the instability of this vector of development that threatens in the future with abrupt changes in the direction of the country's strategic development, which is fraught with social and political upheavals.

Keywords: political culture, political system, ideology, neo-Ottomanism, Kemalism, traditions, Turkey

Современная Турецкая республика (провозглашенная в 1923 г.) является светским государством, президентской республикой, с многовековой имперской традицией, привыкшей самостоятельно решать свою внутреннюю и внешнюю политику. В историческом плане в политической культуре Турции следует выделить несколько культурно-исторических пластов: 1) древнетюркское наследие (элементы доисламских верований сохранялись в качестве периферийного, вспомогательного компонента); 2) византийское наследие и 3) исламско-арабское наследие. Каждый из этих пластов оказывает на нее свое определенное воздействие, интенсивность влияния которого зависит от конкретного исторического периода ее истории.

Имперский эксперимент для Османов завершился созданием из обломков их могущества современной Турции. Известно, что еще русский царь Николай I увидел в Османской империи «больного человека Европы» (по версии британского историка Гарольда Темперлея – “больного или умирающего медведя”, что еще более показательнее, учитывая привычную ассоциацию “медведя” именно с Россией) [7], и к адресованному Великобритании предложению ускорить естественную смерть умирающей империи.

Одним из важных идеологических скрепов современной Турции был и остается *кемализм*¹. Данная идеологическая концепция включает в себе следующие 6 пунктов, впоследствии закреплённых в конституции 1937 г.: 1) народность; 2) республиканизм; 3) национализм; 4) светскость; 5) этатизм

¹**Кемализм** (тур. *Kemalizm*), также **ататюркизм** (туо. *Atatürkçülük*) – идеология турецкого национализма, выдвинутая **Мустафой Кемалем Ататюрком** (1881–1938). Считается официальной идеологией Турецкой республики. Сторонники считают, что их идеология является эффективной моделью развития стран Третьего мира. – Мухаметдинов Р. Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. Казань: Заман, 1996. 270 с.

(государственный контроль в экономике); б) реформизм [11]. «Турецкий национализм (миллиетчилик) – один из краеугольных камней официальной идеологии Турецкой Республики, зафиксированный в ее Основном законе» [10, с. 20]. При этом особенностью тюркизма (национализма) было то, что он никоим образом не совместим с клерикализмом, теократией [4]. К. Ататюрк полагал, что жизнь турок как нации означает переход в состояние современного общества [5].

Политический талант Ататюрка как «архитектора новой Турции» отличался прагматизмом и рационализмом, всегда использовавшим разнообразные и весьма гибкие тактические приемы, в процессе ускоренного «высаживания молодых черенков при выкорчевывании старых пней». Личный пример Ататюрка – наглядное подтверждение его собственного вывода: «Нации нужны вожди, обладающие духовным величием, честностью и целеустремленностью» [14].

С 1920-х гг. в жизни Турции на первый план вышли три принципа - национализм, лаицизм (секуляризация) и народность. При этом «национализм рассматривался как база режима». Идеология национализма была очищена от всяких проявлений пантюркизма, поскольку кемализм стремился построить турецкое национальное государство (нация – государство) [3].

Точно так же как и Россия, Турция всегда была раздираема выбором одного из двух векторов своего политического развития – западного и восточного. Сходство современных Турции и России – их политической эволюции – тема большого числа исследований, включая полноценные академические монографии [1].

Западнический вектор в Турции хотя и имеет сторонников, но не вызывает понимание у самого Запада.¹ Вместе с тем вопрос относительно того насколько западные политические технологии и оценки применимы к турецкой действительности, остается открытым и, возможно, вообще не имеет никакого решения [16–17]. Однако, в большей мере турки (османы) мыслят себя все-таки больше европейцами, чем азиатами. Но в Европе их никто не жалуется. Для турецкого сознания быть «европейцами» значит ориентироваться на высокие стандарты Запада как мирового политического, экономического и культурного центра. «Для тех сил в России и Турции, что сделали ставку на “европейский выбор”, это означало следующее: либо агенты этой политики признаются в ее ошибочности и уступают место более проамериканским силам, либо выбирают что-то иное. Этим иным естественным образом оказалась некая версия “особого пути”: “евразийского” в случае России, или “неосманского” в случае Турции» [13, с. 61].

Одним из препятствий на пути в ЕС стал религиозный фактор - усиление роли ислама в политической культуре Турции «В случае Турции выбор был однозначен, поскольку разделение “проамериканского” и “роевропейского” курсов наложилось на смертельную вражду секулярно настроенной армейской

¹ Американский социолог турецкого происхождения Айше Заракол в монографии «После поражения...» сравнивает опыт вестернизации Турции, Японии и России, обнаруживая общие черты в реакции этих стран на поражение от Запада, а затем – на сохраняющееся недоверие западных элит к «западническому» преобразению этих государств. - Zarakol A. *After Defeat. How the East Learned to Live with the West*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

верхушки и европейски ориентированного демоисламизма, из среды которого вышел Эрдоган. Отступить было некуда. Мобилизовав все силы, нацеленные на возрождение ислама под демократическими лозунгами, включая движение “Хизмет”, с его лидером – проживавшим в США проповедником Фетуллахом Гюленом, Эрдоган вырывает власть у армии и впоследствии обнуляет ее роль идеократической силовой надстройки над демократическим процессом» [13, с. 61].

В настоящее время Турция пытается возвратиться на геополитическую сцену, имея в багаже полуофициальную идеологию *неоосманизма* [8]. Впервые турецкая элита увлеклась этой идеей еще в конце 1980-х гг., когда допустила возможность отхода от идей кемализма [6]. В настоящее время неоосманизм обозначает направление в турецкой политике, где возрождение османских культурных традиций способствовало росту популярности Партии справедливости и развития (ПСР), которая с 2003 г. стала правящей. ПСР называет своих сторонников и своего основателя Реджепа Эрдогана (с 2014 г. президент Турции) «*Osmanlı torunu*» (потомки османов). Критики обвиняли Эрдогана в том, что он управляет страной так, как будто бы он является султаном.

Длительное время идеи *пантюркизма* (создание «Великого Турана») были оценены кемалистами опасными [10]. В противовес приверженцам панисламизма пантюркизм обосновывает необходимость разделения светской и духовной власти и развития тюркской нации на основе достижений европейской цивилизации. Одним из условий достижения успеха на этом пути он видит в объединение тюркоязычных народов в рамках единого государства. Подобные идеи получили широкую популярность в среде младотурок еще в XIX в. Данная идеология связана с понятием «Туран» (упомянутый еще в «Авесте»), которое возникло как антипод «Ирана» — страны ариев, где господствует персидская культура [9]. «Туран» представляет собой пространство к северу от Ирана, и от Кавказа до Саян, рассматривалось как прародина «туранских» народностей, к которым причислялись все этносы урало-алтайской языковой семьи. При этом тюркский мир мыслился как ось этого обширного «Турана» – соответственно, пантюркизм выступал как концентрированное выражение более широкого и более расплывчатого *пантуруанизма* [2].

Турция всегда активизировалась в своей истории, когда во главе ее вставал харизматический лидер. Но не всегда этот харизматик приводил ее к желаемым для страны целям [15]. Состояние современной Турция характеризуется усилением геополитических амбиций, при явной деградации военной политической культуры. Конфликт генералитета и правящей политической элиты возник вследствие попытки изменить выбранный в XX в. курс на сближение с Европой, курсом на восстановления былого имперского величия (неоосманизм) [18].

Если Россия в 2010-е гг. сделала свой выбор в пользу евразийской интеграции, то Турция с большим трудом разворачивается в целом враждебный ей мир Евразии, народы и правительства которой все еще помнят «прелести» ее османского владычества и особо не стремятся навстречу новым османским планам. «В итоге Россия и Турция обнаружили себя в одной и той же роли – отвергнутых маргиналов Евро-Атлантики. Эта цивилизация, легко преодолев

внутренний раскол, добилась новой интеграции на ценностной основе, но оттолкнула от себя и Путина, и Эрдогана... Но гораздо более важным мотивом было стремление лидеров нового поколения Путина и Эрдогана пересмотреть политику своих стран периода 1990-х годов и выйти из-под зависимости от элит, предпочитающих пребывать под американским влиянием» [13].

Пестрота элементов политической культуры современной Турции, нерешенность целого ряда этнических вопросов и завышенные геополитические амбиции правящих элитных групп, все это делает саму Анкару весьма уязвимой для деструктивных тенденций, которые могут обостриться в случае неблагоприятного исхода в решении основного политического вопроса – вопроса самоидентификации («запад или восток») [12].

Список литературы

1. Ataürk'ünsöylevvedemecleri. C. I-III. [Ankara], 1989, C. III. С. 91; Zarakol A. After De-feat. How the East Learned to Live with the West. Cambridge: Cambridge University Press. 2011; Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 320 с.
2. Diakonoff I. M. The Paths of History. – Cambridge University Press, 1999. – P. 100.
3. Karpat K. Türk demokrasi tarihi. – İstanbul, 1967. – С. 48.
4. Kaynar R. Atatürklükte millileşme, lâikleşme, çağdaşlaşma (medeniyetçilik). – Atatürk araştırma merkezi dergesi. [Ankara], 1988, с. IV, № 12. – С. 522–525.
5. Kili S. 1960–1975 döneminde Cumhuriyet halk partisinde gelişmeler. – İstanbul, 1976. – С. 66–67.
6. Murinson, Alexander. Turkey's Entente with Israel and Azerbaijan: State Identity and Security in the Middle East and Caucasus (Routledge Studies in Middle Eastern Politics). – Routledge, 2009. – P. 119.
7. Temperley H. England and the Near East. The Crimea. – London : Longmans, Green and Co., 1936. – P. 272; Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – С. 168.
8. Аватков В. А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. – 2014. – № 3. – С. 71–78.
9. Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов / подгот. к изд. С. Г. Кляшторный; отв. ред. А. Н. Кононов. – Перепеч. с изд. 1968 г. – М. : Вост. лит., 2002. – 757 с.
10. Данилов В. И. Метаморфозы турецкого национализма // Ближний Восток и современность. – М. : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. – Вып. 9. – С. 29.
11. Добаев И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика / отв. ред. профессор Волков Ю. Г.; Ростовский государственный университет, Северо-Кавказская академия государственной службы. – Ростов-на-Дону : Изд-во «СКНЦ ВШ», 2003. – 416 с.

12. Карабущенко П. Л. Новейшая политическая история: «Кавказский геополитический узел» (1991–2011 гг.) : учебное пособие / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. – М. : ИНФРА-М, 2019. – С. 335–417.
13. Межуев Б. В. Турция, Россия и Европа с позиции «цивилизационного реализма» // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 62.
14. Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. 1921–1927. – М., 1934. – Т. IV. – С. 86.
15. Надеин-Раевский В.А. Р.Т. Эрдоган как пример политика-харизматика. – Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, № 6. – С. 138–154. – Режим доступа: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-6-138-154>.
16. Оськина О. И. Трансформационные переменные политической культуры современной политической элиты // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 3. – С. 52–73.
17. Подвойская Н. Л. Политическая культура и ментальные особенности современных американских элит // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 3. – С. 74–91.
18. Саркисян С. Эволюция турецкой армии в контексте политических изменений в стране. – 21-й век. – 2012. – № 5. – С. 53–80.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

Подвойский Л.Я., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: leonid.podv@gmail.com

Аннотация. Политическая культура Индии относится к трем древнейшим цивилизациям на планете (вместе с Китаем и Ираном/Персией), которые стоят у истоков культуры и цивилизации современного человечества. Ее вклад в развитие политической мысли измеряется трудами ее выдающихся ученых и политических деятелей, начиная с древнейших времен и заканчивая нашим днем. От брахмана Чанакья Кауталья и до Махатмы Ганди индийская политическая наука сохраняла черты своей национальной самобытности и уникальности. И в наше время эти культурные коды определяют традиции индийской политической системы, характер и особенности ее политических элит и лидерства.

Ключевые слова: политическая культура, политическая система, идеология, касты, традиции, Индия

FEATURES OF THE POLITICAL CULTURE OF MODERN INDIA

Podvoisky L. Ya., Ph.D. in philosophy, associate professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.
E-mail: leonid.podv@gmail.com

Annotation. The political culture of India belongs to the three oldest civilizations on the planet (together with China and Iran / Persia), which stand at the origins of the culture and civilization of modern mankind. Its contribution to the development of political thought is measured by the works of its outstanding scientists and political figures, from ancient times to our day. From Kautillo to Mahatma Gandhi, Indian political science has retained its national identity and uniqueness. And in our time, these cultural codes determine the traditions of the Indian political system, the nature and characteristics of its political elites and leadership.

Keywords: political culture, political system, ideology, castes, traditions, India

Индия до сих пор пытается избавиться от комплекса неполноценности, травмы которую ей нанесло британское униженное колониальное господство. То унижение, которое Индия испытала за эти века английской гегемонии, разводит их по разные стороны геополитической картины мира. Индия, так же, как и Китай, страна с длинной исторической памятью, помнящей как свои великие достижения, так и свое большие унижения. Мера взыскания с Великобритании Индией своего долга за совершенное зло пока не известно, но оно будет неизбежным.

Самоидентификация Индии происходит через осознания своего исторического богатства [1]. В самосознании местных политических элит вызывает отторжение даже само название их страны, в котором они видят следы колониального британского владычества.¹ В общем, самоидентификация в Индии осуществляется на цивилизационной, а не на национальной основе, поскольку это многонациональная страна с преобладанием трудно искоренимых феодальных, колониальных, кастовых и трайбалистских пережитков [2]. В общенациональных масштабах совместную политическую деятельность осложняет великая «многоярусная» пестрота и разобщенность самого населения этой страны. Ситуацию усложняет взаимодействия огромного числа языков и диалектов, - из них двух государственных и 15 официально признанных Конституцией языков. К этому также следует добавить разобщенность людей по кастовому признаку – в стране 3 тыс. каст и около 25 тыс. подкаст, численностью от сотен человек до нескольких миллионов каждая[4]. Из бывших колониальных народов Индию

¹Официальное название страны – *Республика Индия*, происходит от древнеперсидского слова *хинду*, родственного санскритскому *синдху* (исторического названия реки Инд). Древние греки называли индийцев *индои* (Ἰνδοί – «люди Инда»). В Конституции Индии устанавливает название на хинди, официальном языке страны – *Бхарат*, которое происходит от санскритского имени древнеиндийского арийского царя, история которого была описана в «Махабхарате». Basham, A. L. *The Wonder That Was India*. South Asia Books, 2000.

выделяет «присущий ее социальной структуре национальный и конфессиональный плюрализм, отсутствие единого центра, организующего экономическую, социальную и духовную жизнь Индостана» [6].

Индийская цивилизация отличается от христианской или исламской цивилизаций в религиозном плане. Нормы, говорящие о поведении людей, изложены в книгах, именуемых шастры. Отличительной чертой индуизма является простая модель, допускающая отклонения и требующая гибкости в духе реализма и терпимости [5].

Для индийской политической культуры характерны толерантность и плюрализм, без которых невозможно развитие демократии [7]. В целом демократические институты Индии отвечают западным критериям [9-10], хотя и имеют целый ряд своих национальных особенностей (черт). В индийском национальном политическом сознании лучшие национальные демократические идеи и традиции были в XX в. развиты и соединены с либеральными западными и общечеловеческими идеалами. Выразителями этих идеалов стали великие мыслители и деятели национально-освободительного движения Индии Махатма Ганди (1869–1948) и Джавахарлал Неру (1889–1964) [8].

Исследователи различают три типа политической мобилизации членов кастовых сообществ: вертикальную, горизонтальную и дифференциальную. Вертикальную мобилизацию они определяют как «обеспечение местной знатью политической поддержки со стороны локальных сообществ, организованных и интегрированных в систему иерархическими рангами, их взаимосвязью и авторитетом традиционных органов власти» [4].

Реально существующий в Индии политический режим отличается своей сложно-комбинированной структурой. Его невозможно однозначно определить или только в рамках демократической либо авторитарной моделей. Экспертное сообщество признает, что ни одна из его основных демократических черт в начале XXI в. не получила еще достаточно полного развития [3]. Так, Конституция признается к качеству юридической основы государства и общества, но, будучи гибко-жесткой, она довольно просто, подчас даже из конъюнктурных соображений правящей партии подвергается изменениям. К тому же не все ее положения «работают» [6, с. 122]. Именно в силу указанных причин, политическую систему в Индии чаще всего определяют как неустойчивую демократию, с множеством национально-исторических вкраплений [6, с. 128].

Политическая символика (флаг и герб) Индии передает ее национальный колорит. Государственный флаг Индии представляет собой прямоугольное полотнище из трёх горизонтальных полос равной ширины: верхней - «глубокого шафранного» (символ духовности), средней - белого (миролюбие) и нижней - зелёного (плодородие) цвета. В центре флага расположено изображение колеса с 24-мя спицами, тёмно-синего цвета (символ религии)¹. Государственный герб

¹Это изображение известно как «Ашока Чакра» (Дхармачакра) и скопировано было с «Львиной капители» в Сарнатхе; именно оно заменило собой первоначальное изображение прялки. Диаметр колеса составляет 3/4 ширины белой полосы флага. Отношение ширины флага к его длине 2:3. Флаг используется также в качестве военного флага Индийской армии.

Индии представляет собой изображение «львиной капители», венчающей колонну Ашоки в Сарнатхе. На гербе изображены четыре индийских льва на круглой абаке¹.

В политической жизни Индии немаловажную роль играет культ политического национального лидера. «Индуизм и традиции древнеиндийского общества лежат также в основе слабости современных партий в этой стране, а также государственных институтов. Лояльность к ним постоянно подрывается лояльностью к касте, местной общине, харизматическому лидеру. Так, в политической жизни современной Индии бесконечная борьба клик и фракций постоянно раздирает партии. Переход таких клик из партии в партию, постоянное создание новых партийных комбинаций может показаться европейцу аморальным. Но это не аморальность: преданность клике важнее, чем преданность партии, традиционные связи сильнее новых. Связи эти ослабляют партии, делают их ареной борьбы традиционных группировок; ослабляют они и государство» [3].

Проблема идентичности, как во многих других странах, связана с темой единства страны. «В Индии нет чувства естественности и необходимости государственного единства. Как в традиционной Индии общинная принадлежность значила неизмеримо больше, чем принадлежность к государственному образованию, так и ныне местные интересы и лояльность постоянно вступают в конфликт с преданностью государству. Конфликты языковых и религиозных общин друг с другом и с центром – неизменная черта политической жизни современной Индии, причем движения за языковые и религиозные автономии все время балансируют на грани сепаратизма» [3, с. 59].

В 2010-е гг. в Индии стал происходить социокультурный и экономический рост, что стимулирует складывание и оформление лидерских амбиций власти. Дели стал играть более заметную роль на международной арене. В действительности Индия может стать мировой сверхдержавой, только притянув в сферу своего «имперского» влияния такие страны, как Непал, Бирму, Бутан, Бангладеш, Шри-Ланку и даже (в особенности) Пакистан.

Список литературы

1. Wolpert, Stanley. A New History of India. – Oxford and New York : Oxford University Press. 2003. – 544 p.
2. Алаев Л. Б. Индийские идентичности в условиях модернизации // Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока : учебное пособие. – М., 1999.
3. Алаев Л. Б. Политическая система и политическая культура Индии // Политические системы и политические культуры Востока / под ред. профессора А. Д. Воскресенского. – 2-е изд. перераб. и доп. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – С. 203–205.

¹Четвёртый лев находится сзади и, следовательно, скрыт из виду. Герб символизирует нацию, которая «отважна в храбрости, сильна в теле, благоразумна в совете и устрашает противников». Абака украшена четырьмя животными - символами четырёх направлений: Лев - севера, Слон - востока, Лошадь - юга и Бык - запада (на изображении видны только Лошадь и Бык). Абака опирается на лотос в полном расцвете, символизирующий источник жизни.

4. Гендин А. А. Каста и выборы в Индии // Политические отношения на Востоке. – М., 1990. – С. 111–121.
5. Глушкова И. П. Боги здесь и сейчас: индусская мифология как инструмент создания североиндийской идентичности // Восток. – 2004. – № 1. – С. 5–6.
6. Кашкин С. Ю. Политический режим в современной Индии: сущность, основные особенности и тенденции развития // Государство и право. – 1995. – № 4. – С. 122.
7. Лунев С. И. Политическая система и политическая культура Индии // Политическая компаративистика / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М. : Аспект-пресс, 2019. – С. 697–728.
8. Неру Дж. Открытие Индии / пер. с англ.: В.В. Исакович, Д.Э. Кунина, И.С. Кливанская, В.Ч. Павлов; ред. перевода В.Н. Мачавариани. – М. : Изд-во Иностранной литературы, 1955. – 652 с.
9. Оськина О. И. Трансформационные переменные политической культуры современной политической элиты // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1, № 3. – С. 52–73.
10. Подвойская Н. Л. Политическая культура и ментальные особенности современных американских элит // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1. № 3. – С. 74–91.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОД ИНДИИ

Челнакова И.Ю., студентка, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: koralina125@mail.ru

Аннотация. Без понимания прошлого государства невозможно понять его настоящее. Эти слова в том числе относятся и к политике, в том числе внешней. Когда речь идет об Индии и ее социальной, политической и культурной структуре, необходимо понимать, что реликты давнего времени являются весьма устойчивыми, и отличаются весомой силой традиции. Некоторые черты античности, органически продолжают быть связаны с современной жизнью, в постоянно меняющемся современном мире. Общество, каста, религия—это далеко не самый полный перечень проявлений прошлой жизни, понимание роли которых как основ в современной Индии во многом зависит от изучения их происхождения и этапов развития. Сегодня понимание политики, методов дипломатии и культурных особенностей страны представляют не только профессиональные интересы: общественные деятели, организации и партии Индии по-разному оценивают культурное наследие. Однако следует отметить принятие факта о многообразии источников, возраст которых относит нас к тысячелетиям до нашей эры. Уже в то время были сформированы нормы, заложившие формирование практику дипломатии Индии. Цивилизационные отличия и характеристики, оформившиеся в древности и влияющие на взаимоотношения между государствами в нынешнее время, объективно требуют внимания и изучения. Вот почему объективные исследования древней политической и культурной жизни Индии особенно важны. Система индийских методов дипломатии представляет интеллектуальный интерес, и ее изучение могло бы привлечь внимание политологов, ученых, изучающих международные отношения и международное право. Источниками, в которых подробно описаны данные методы, являются Древнеиндийские тексты «Артхашастры», «Законы Ману» наряду с ведами, «Махабхаратой» и «Панчатантрой».

Ключевые слова: дипломатия, политическая традиция, метод дипломатии, древняя Индия, «Артхашастра», политическая философия, международные отношения

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF DIPLOMATIC TRADITIONS AND THE CULTURAL CODE OF INDIA

Chelnakova I. Yu., student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.
E-mail: koralina125@mail.ru

Annotation. Without understanding the past of the state, it is impossible to understand its present. These words also apply to politics, including foreign policy. When it comes to India and its social, political and cultural structure, it is necessary to understand that the relics of ancient times are very stable, and are distinguished by the weighty strength of tradition. Some features of antiquity, organically continue to be associated with modern life, in an ever-changing modern world. Society, caste, religion-this is not the most complete list of manifestations of past life, the understanding of the role of which as the foundations in modern India largely depends on the study of their origin and stages of development. Today, understanding the politics, methods of diplomacy and cultural characteristics of the country are not only professional interests: public figures, organizations and parties in India have different values of cultural heritage. However, we should note the acceptance of the fact about the diversity of sources, the age of which refers us to the millennia before our era. Already at that time, the norms that laid the foundation for the practice of Indian diplomacy were formed. Civilizational differences and characteristics that took shape in ancient times and affect the relations between states in the present time, objectively require attention and study. This is why objective research into the ancient political and cultural life of India is particularly important. The system of Indian methods of diplomacy is of intellectual interest, and its study could attract the attention of political scientists, scholars of international relations and international law. The sources that describe these methods in detail are the Ancient Indian texts "Arthashastra", "Laws of Manu" along with the Vedas, "Mahabharata" and "Panchatantra".

Keywords: diplomacy, political tradition, method of diplomacy, ancient India, "Arthashastra", political philosophy, international relations

Война не была табу ни в одну эпоху. В прошлом война и дипломатия были как никогда тесно связаны. Но она также не была предпочтительней чем мир. Индийская дипломатия, как отмечал Арриан в "Индике" (IX), не стремилась к завоеваниям за пределами своих естественных границ. Названием этого принципа является *Нуми*, оно основывается на гармоничном развитии человечества в равном значении с правильным проведением политики. Сущность древней дипломатии в Индии, в этом контексте, основывается на радикальной морализации и этическом рвении. Закон должен быть основан на согласии организованного мнения большинства, соотносящимся с религией и нормами морали в государственном управлении и дипломатии в межгосударственных вопросах, в противном случае он отвергается как неэффективный. Памятник санскритской повествовательной прозы Панчатантра, помимо динамичного собрания

басен с моралью, является учебником *Нити*, который является непосредственной интерпретацией дипломатических основ и методов [2]. Стоит отметить, что индийская дипломатия в начале своего зарождения не была оторвана от философских соображений. Однако несмотря на несформированность на начальном этапе дипломатических принципов и хорошее владение военной наукой, впоследствии именно интеллектуальное и культурное влияние на мир, а не войны принесли Индии всеобщую славу и уважение. Было также отвергнуто, что средства должны ставить под угрозу или оправдывать цель.

Артхашастра, несомненно, является самым важным произведением в индуистской политической мысли. Полнота и богатство содержания Артхашастры изображается сложным анализом внутренней и международной политики. В трактате освещаются не только вопросы управления, правопорядка, политическими проблемами, но и такие современные проблемы как война и дипломатия. Концепция государства всеобщего благосостояния заложена в руководстве Каутильи по управлению государством, где говорится, что "в счастье подданных лежит его счастье; в их благополучии -его благополучие" [3, с. 39]. Артхашастра отводит благосостоянию граждан первое место во всех политических соображениях, общему благу народа и его устойчивому развитию. Счастье рассматривается как главная цель для служения которой Каутилья описал сложную административную систему. Его акцент на государстве всеобщего благосостояния хорошо отражен в его теории *Самтанга*, дипломатии, *данданити*. Каутилья жил и писал в то время, когда Индия была разделена на ряд княжеств, поэтому возникает идея о необходимости сильного политического центра в Индии. Зная о бедствиях, которые могут обрушиться на государство, Артхашастра предлагает решение проблемы управления стихийными бедствиями, ту составляющую современного управления. Он считал, что из семи элементов государства, бедствие каждого предшествующего более серьезно, чем бедствие непосредственно следующего.

Принципы управления, провозглашенные им около 2300 лет назад, имеют сходство с современной концепцией государства всеобщего благосостояния в идеологии, идеалах, функциях, задачах, обязанностях, социально-административных организациях и т. д. Способный правитель-это тот, кто не только обеспечивает благосостояние своих граждан, но и следит за тем, чтобы нарушители закона были наказаны. Таким образом, то, что обозначается как верховенство закона в настоящее время, было очень описано в трудах Каутильи. Для Каутильи внутренняя администрация была не менее важна, чем поддержание хороших дипломатических отношений с соседними государствами. Он считал, что хорошее государство не обязательно означает наличие правильных законов и обязанностей и честное управление, но также и дипломатические отношения с другими государствами. Интересно отметить, что Каутилья был дипломатом по преимуществу. Его стратегии, позволяющие правителю стать *чакравартином*, владыкой мира, включают в себя мир, войну, нейтралитет, марширование, союз, двойную политику, и он тщательно объясняет, какую стратегию следует принять и когда. "Тот, кто уступает другому государству,

должен заключить с ним мир; тот, кто превосходит по мощности, должен вести войну; тот, кто считает, что ни один враг не сможет навредить и достаточно силен, чтобы сокрушить врага, должен соблюдать нейтралитет"[4, с. 59]. Все эти принципы указывают на то, что система управления Каутильи была вполне научной и хорошо всесторонне отражает всеобъемлющие руководящие принципы *сарваджана, сукхино, бхаванту*. Основа дипломатии Каутильи, в отличие от дипломатии Макиавелли, коренится в моральной ответственности и не оправдывает концепцию аморального суверенитета. Таким образом, данью законов древней Индии является то, что, несмотря на политические потрясения и катаклизмы, основы дипломатического метода и практики не претерпевали изменения, не искажались в угоду достижения моментного результата.

Идеал праведности в Индии был такой же частью индивидуальной этики, как и дипломатической процедуры. Монарх, король, являлся ядром межгосударственных отношений, считал дипломатию этичной и превыше атрибутов простого государственного управления, основанного на военных методах. Политическая геометрия, считавшаяся само собой разумеющейся предтечей к дипломатической деятельности, даже сегодня служит замечательным образцом политической изобретательности, дальновидности и мудрости. Гипотезы Каутильи о такой системе мандалы [3] заслуживают особого внимания. Принцип по которому были организованы иностранные союзы и коалиции в древнеиндийской дипломатии – принцип концентрических колец естественных врагов и союзников. Каждый царь рассматривал свое собственное царство как расположенное в центре своего рода мишени, окруженное кольцами (мандалами), которые с течением времени могут представлять его естественных врагов и его естественных союзников [5, с. 114]. Изложенная выше концепция является еще одним вкладом в обогащение индийской дипломатии, "Это основная фигура своего рода политической геометрии, которая может быть применена с небольшими корректировками к практическому расчету напряженных отношений почти на любой исторической сцене" [5, с. 115]. Он заменил это понятие Чакраварта, подразумевающая под собой "целостную империю с целью в конечном счете осуществить мечту Будды, которая была всеобщей праведностью"[1, с. 137]. Вклад Каутильи также за Дхарма Виджаяю в отличие от Лобха Виджайи и Асур Виджайи в категории Куаюддхи, или понятия «неправедной войны», является значительным вкладом в международное право[1, с. 142]. Гита начинается, что важно, с мира Дхармакшетры, и Махабхарата, не возлагающих надежды на физическую войну. Отсюда исходит основной принцип древнеиндийской дипломатии, состоящий в том, что необходимо избегать войны. Или, в крайнем случае, оставить идею войны как последнее средство, в том случае, когда все остальные средства будут использованы безрезультатно. Основные цели дипломатической миссии, в древнее время, соответствуют современным, принципиально не меняются. К ним относятся обеспечение национальной безопасности, защита национальных интересов и государственной целостности, а также защита национального суверенитета всегда являются основными целями дипломатического успеха. Однако Нити-шаstra призывает к преобладанию

средств, способствующих сохранению и преобладанию этических целей. В этом контексте особую упоминания заслуживает концепция Чатур-Упайи, или четырехкратных альтернатив дипломатии. Эти инструменты дипломатии – *сама, дан, данд и бхед*. Разрешается использовать любую из них или все вместе, если государство находится в неблагоприятной обстановке, или при угрозе [6].

Сама, как метод дипломатии, означает дружбу, вежливость, разум, мир, переговоры, убеждение и примирение. Слово сама буквально означает мелодию, "которая обозначает особую ветвь жреческого учения в ведической традиции ритуалов, которая трактует о мелодиях, которыми исполняются различные строфы Ригведы" [5, с. 120]. Огромное значение для своевременного мирового сообщества пактов о ненападении, переговоров, переговоров на предварительном уровне, является отражением данного древнеиндийского дипломатического метода.

Дословным значением слова *дан* является "подарок". В современной дипломатии это находит отражение в компромиссах и об идее взаимных уступок для обеспечения межгосударственного взаимопонимания и партнерских отношений. Для избегания недопонимания, негативной оценки и тенденций к ухудшению отношений между государствами, необходимо уметь вести диалог в особой обстановке и с особым посылом. При умеренности, доброжелательности, терпимости и терпении это становится не трудным выполнимым делом [5]. В качестве сравнительного исследования, использование программ экономической и военной помощи подпадают под эту категорию в современном мире.

К *бхед* приходилось прибегнуть, когда *сама* и *дан* были использованы безрезультатно. Значением этого слова является: раскол, разделение, разрыв, разрыв, смуту, сеяние раздора во вражеском лагере, измену, предательство. Эта техника применялась в полной мере для того, чтобы разрушить врага изнутри, истощая государство, делая его неспособным к защите собственного суверенитета. Все шаги, ведущие к дипломатической хитрости, являются частью *бхед*. При ведении реальных боевых действиях использование этого метода принимало серьезные масштабы.

Данд – это наказание, нападение, нападение, насилие, а также дубина, палка, посох, вражеский контроль, подчинение и сдерживание: именно, применение силы, приводящее иногда в последствии к войне. Обычно немислимо, чтобы метод *данд* использовался без должной осторожности. Даже в качестве отчаянного средства, *данд* применялся только в чрезвычайной, безвыходной ситуации. *Данд* можно описать как агрессивную деятельность любого рода, будь то откровенная и бесстыдная, или лицемерно оправданная в качестве наказания за оскорбление или за угрожающее отношение. Однако Каутилья предостерегал от применения таких откровенно недобросовестных средств, которые имеют тенденцию со временем быть возвращенными в качестве политического бумеранга. Война также описывается как заключительный метод дипломатии. Военные действия зачастую означали провалом дипломатических методов, так как война использовалась для достижения тех целей, которые мирные дипломатические методы могли достичь [7]. В древнеиндийском

сборнике законов Ману указано: «Никто не знает исхода войны. Поэтому разумно избегать такой катастрофы» [8, с. 356]. В Ману также указывается, почему метод данд должен быть последним оружием в дипломатическом арсенале. Кодекс Ману является первой книгой по праву, в ней содержится исчерпывающий отчет о раджа-дхарме, гражданском и уголовном праве. Подробно описывая обязанности царя, Ману утверждал, что обязанностью главы государства является необходимость защищать людей и не нарушать дхарму (закон). "Мы должны сделать так, чтобы сильные не могли эксплуатировать слабых. Королевство, в котором эксплуатируют слабых, ждет необратимый упадок" [10, с. 36]. Современная концепция государственного благосостояния широко отражается в контексте защиты и благотворных мер для обездоленных. Представляется очевидным, что концепция социально-экономической справедливости, помощи бедным со стороны государства была частью внутренней политики и принципом управления. Хотя Каутилей и был оформлен курс науки управления *данданити* [8], по традиции, война была фактически не приветствовалась для использования в качестве внешнеполитических средств. Причины этого очевидны, поскольку индуистская военная наука ценила как этику, так и доблесть, ведение войны без учета моральных и традиционно принятых норм считались признаком деградации человеческого духа и превращения института войны в простую звериную жестокость. В Махабхарате показано, как Кришна безуспешно пытался примирить Кауравов и Пандавов всеми возможными способами убеждения (сама) и компромисса (Дан). Последовавшая за этим братоубийственная бойня была в такой же мере нарушением нормальной дипломатической процедуры, как и проявлением бессмысленной дипломатии кауравов [9].

Применение государственной политики Садгунья, включала такие понятия как мир *сандхи*, война *виграха*, соблюдение нейтралитета *асана*, поход *яна*, союз *самсрая*, заключение мира с одним и ведение войны с другим *двайдхибхав*. Важным замечанием была необходимость придерживаться такой внешнеполитической деятельности, в результате которой враг не теряет ничего, в то время как государство теряет [8]. Это политика применялась в моменты, когда государствам угрожала междоусобная война, ставившая под угрозу дипломатическое равновесие. Садгунья позволяла слабым выживать, а сильным быть рациональными и справедливыми, несмотря на случаи разжигания войны дипломатами. Тем не менее было бы несправедливо обвинять все государства древности в том, что они придерживались безжалостных завоеваний. Во все времена применение различных дипломатических методов, как тогда, так и сейчас, касаются безопасности людей и суверенитета государства. Поэтому в дипломатии, возможно, единственный действенный способ перехитрить злодейство-подлость, никоим образом не означает оправдания человека-монстра.

Традиции индийской дипломатии прошлого являются плодотворным продуктом интеллектуальной среды и духовного господства, которые не соответствуют ни одной другой эпохе или времени. Времена меняются. Проблемы выживают. И дипломатам приходится искать новые и свежие рецепты, чтобы возродить и реабилитировать проблемы государственного управления.

Сущностная гармония цели и средства (в соответствии с априорными основаниями государства как этической единицы) укрепляет и вдохновляет. Работающий механизм, мудро задуманный и этически переведенный, придает основным концепциям индийской дипломатии реалистичный и практичный оттенок. В то время как многие индийские дипломаты обладают высокими способностями и понимают, где провести черту в моральных и национальных интересах, изучение Артхашастры и Панчатантры может быть более важным для развития благого управления и всеобъемлющей национальной власти. Ни одно государство не может процветать с недостатками или бедствиями управления, руководства и морали, как это теоретизируется в Артхашастре. Использование ценных теоретических и практических методов, описанных в Артхашастре Каутильи с вариациями и мудростью из Панчатантры и другими древнеиндийскими источниками, могут претендовать на использование в качестве развития теории международных отношений не только в Индии. Это оригинальный вклад и часть южноазиатской традиции, а теперь и глобальной интеллектуальной собственности без каких-либо авторских прав, препятствующих ее свободному использованию. Вышеперечисленные источники древнеиндийской политической мысли обоснованно являются древнейшими источниками, описывающими теорию внешней политики и дипломатии и ее методов, отражающие одну из неповторимых неординарных традиций политической мысли.

Список литературы

1. Krishna Rao M.V. Studies in Kautiliah. – Mysore: H. Venkatramia & Sons, Delhi, 1953.
2. The Panchtantra : Tr. by A. W. Ryder. – Bombay, 1949.
3. Артхашастра. – Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/916422-arthashastra/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Brown D.M. Indian Political Thought From Manu to Gandhi, Jaico Publishing House, 1964.
5. Heinrich Zimmer : Philosophies of India, Edited by Joseph Campbell. – London, 1953.
6. Rai Nihal Chandra, Smriti Prakash, Shahjahanpur, 1890.
7. K. M. Panikkar, The Principles and Practice of Diplomacy. – Bombay, 1956.
8. Shamasastri R. Kautilya's Arsthashastra. – Mysore, 1929.
9. Ghandi M. K. The Gospel of Selfless Action / Ed. Mahadev Desai. – Ahmedabad, 1948.
10. Mehta Y. R. Political Thought. – Manohar Publishers Cain, 1995.

КОНЦЕПЦИЯ САМООРГАНИЗОВАННОЙ КРИТИЧНОСТИ: НА ПРИМЕРЕ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ В ИРАНЕ И АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Воцинский К.Е., студент, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Аннотация. С позиции самоорганизованной критичности не было проведено анализа протестной активности в Иране и Азербайджане, накопившим за последнее десятилетие обширную и малоизученную проблематику со своей уникальной и парадоксальной спецификой.

Ключевые слова: СОК, протестные движения, Иран, Азербайджан, «Арабская весна»

THE CONCEPT OF SELF-ORGANIZED CRITICALITY: ON THE EXAMPLE OF PROTEST ACTIVITY IN IRAN AND AZERBAIJAN

Voshchinsky K.E., student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.

Annotation. From the standpoint of self-organized criticality, no analysis has been carried out of protest activity in Iran and Azerbaijan, which have accumulated over the past decade a vast and little-studied problematic, with its own unique and paradoxical specifics.

Keywords: SOC, protest movements, Iran, Azerbaijan, the Arab Spring

Иран и Азербайджан — это заслуживающие внимания государства с точки зрения протестной активности, в которых кардинальное реформирование политической системы не происходит достаточно большой промежуток времени, в то время как большинство государств были подвержены протестному движению во время «арабской весной». С этой позиции, актуальность исследования обусловлена выявлением этой особенности.

Новизна исследования заключается в том, что с позиции самоорганизованной критичности не было проведено анализ протестной активности в этих государствах, который позволит рассмотреть данную проблему с новой точки зрения. Целью исследования в данной работе является комплексный анализ протестной активности в Иране и Азербайджане с помощью концепции самоорганизованной критичности.

Методологические основания исследования. В качестве методов при проведении исследования применялись следующие: контент-анализ теоретических источников, методы анализа, синтеза, индукции, классификации, абстрагирования, конкретизации, а также исторический метод. Данные методы помогли мне

решить поставленные задачи и реализовать цель данной исследовательской работы.

Общая характеристика протестной активности в Иране и Азербайджане

Протесты в Иране в 2019 по 2020 г. Можно построить протестную схему этого периода: интенсивный экономический кризис в Иране, вызванный санкциями США, отражался гарантиями правительства Ирана в отказе ввода жесткой экономии в государстве — это было связано возможными массовыми волнениями и парламентскими выборами в 2020 году, однако 15 ноября 2019 цены на бензин резко возросли. Протестная активность наблюдалась во множестве городов: Тегеран, Мешхед, Исфахан, Тебриз, Шираз, Санандадж, Карадж и нескольких иных городах. Мотив протеста вызван экономическим прецедентом как в прошлый раз, однако имеет под собой ярко выраженную политическую окраску, вызванную недовольством Верховного лидера Али Хаменеи и президента Хасана Роухани, а также всем политическим режимом, который не справился экономическими потерями.

Высокопоставленные лица государства отмечают, что подобные решения вызваны тем, что прогнозируемые доходы от повышения цен на газ будут использованы исключительно для перечисления пособий 18 миллионам нуждающихся семей. Правительство же не может дать ответ на экономические трудности более слабого уровня из-за серьезного дефицита бюджета, и поэтому ему пришлось поднять цены на газ, хотя и более низкими темпами, чем рекомендовали экономисты. Также подобное решение позволит Ирану продолжать экспортировать топливо в ближайшие годы, несмотря на продолжающийся рост внутреннего потребления бензина, а также поможет бороться с контрабандой топлива и загрязнением воздуха [7].

Этот протест интересен тем, как из экономического протеста происходит переход в политический. Это объясняется непосредственной связью проблем между собой, поднятие цен на топлива и товары — это ошибка правительства, однако связанная с неспособностью правительства решить данную задачу, то есть здесь заключается логическая взаимосвязь: если правительство не может решить проблему, значит никто не может — это говорит о том, что системе не нужен такой административный ресурс с точки зрения протестного движения.

Протесты в Азербайджане 2019. Протестная схема этого периода состоит из маломасштабного протестного движения, которое заключалось в требовании свободы политзаключенных, создания условий для демократических выборов, снятия ограничений на использование электроэнергии и природного газа, восстановления пособий на детей и решения Нагорно-Карабахского вопроса [6].

Этот протест интересен итоговым требованием о решении Нагорно-Карабахского вопроса, который обострился осенью 2020 года. Во всем остальном этот протест дублирует предыдущие, за некоторым исключением, которые связаны с протестами против выборов нынешнего руководителя страны.

Волна протестов в Иране и Азербайджане: сравнительный анализ с «арабской весной»: взгляд с позиции теории самоорганизованной критичности

В сложных системах, к которым относится и человеческая, большинство изменений происходят через катастрофические события, где система самоорганизуется до критического состояния вследствие большого события, запущенного малозначительными событиями. Эта простая модель демонстрируется одним из основателей теории самоорганизованной критичности П. Баком [3, р. 52–53] (Далее – SOC, на примере песчаной кучи, на которую сбрасывают песчинки. В этом действии выражается степенное поведение с точки зрения лавин, которые вызваны или спровоцированы последней песчинкой. Объясняется это так, одна или несколько песчинок падают из-за воздействия одной, сброшенной на песчаную кучу, но время от времени происходит лавина, где падает огромное количество песчинок, и песчаная куча рассыпается. Примечательно в этой модели то, что неизвестно, какая из песчинок может вызвать песчаную лавину, поэтому это полностью нивелирует возможность прогноза события, даже с учетом первоначальных данных о начале лавины, мы не сможем предугадать ее масштабы.

Это отмечает и Г. Бранк, перенося SOC-системы на социальный мир: «Самоорганизующаяся критичность возникает, если чувствительность индивидов или групп к действиям друг друга возрастает с течением времени, и, следовательно, внезапные изменения могут происходить каскадами» [1, р. 427], подразумевается каскад бифуркации — это типичный сценарий перехода от порядка к хаосу, который является непредсказуемым элементом SOC-системы: «То, что запускает особенно важный каскад, часто ничем не отличается от множества других подобных событий, которые вообще не имели никакого влияния» [1, р. 444]. Если возвращаться к песчаной куче, то каждая новая песчинка, падающая в кучу, представляет собой этот самый каскад (дополнительную энергию), заставляющий систему самоорганизовываться до критического состояния.

Распространение каскада на системы не происходит прямолинейно и одновременно, это подтверждается хронологией претесной активностью во время «арабской весны» на Ближнем Востоке. Как отмечают исследователи Ачкикалин и Артун [2, р. 78] «протесты распространяются из одной страны в другую не по упорядоченному пути, а, скорее, по беспорядочному пути и распространяются скачками на короткие и длинные дистанции; например, от Иордании до Бахрейна, от Алжира до Йемена» (рис.). Несомненно, регион является полноценной SOC-системой, где имеется взаимосвязь и взаимозависимость, отражающихся в общих паттернах протестной активности: социальное и экономическое неравенство, безработица, рост цен на топливо и продукты питания, политическая коррупция, недовольство политическим режимом и официальными лицами государства, однако каждый элемент SOC-системы (государство) уникален в своих последствиях, даже при однородной политической атмосфере, переход системы невозможно было предсказать, как и дальнейшие изменения после 2011 в политической структуре стран арабского мира.

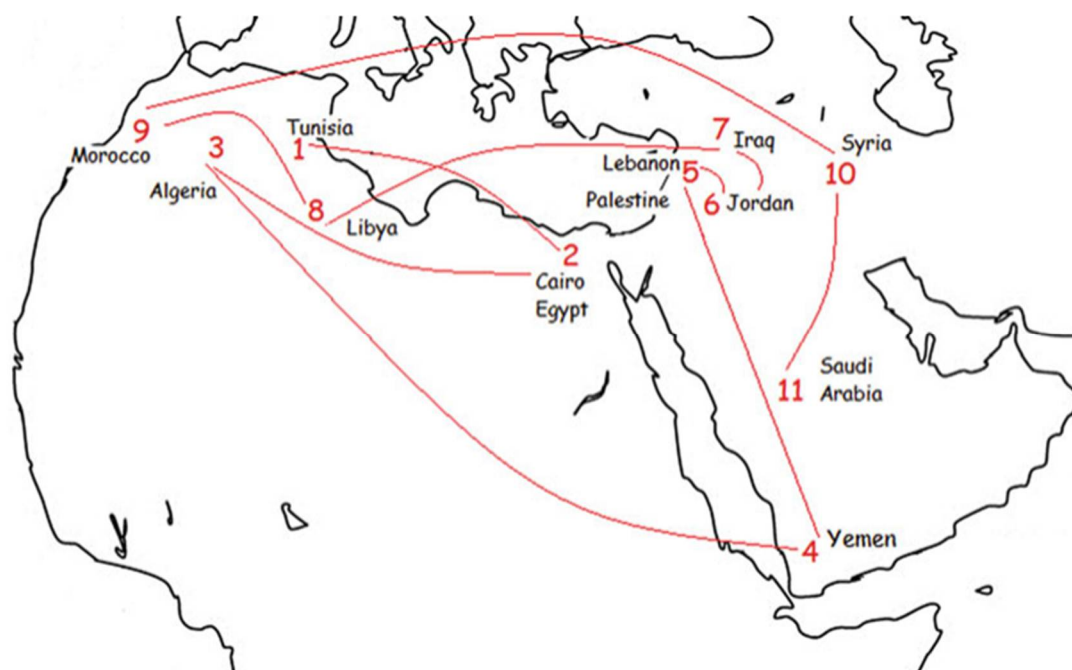

Рис. Ближний Восток. Распространение протестов в хронологическом порядке¹

Необходимо заметить, что подобные тенденции вызваны не фактором внешнеполитического вмешательства, только тем, что «накопившиеся в обществе долгосрочные политические, экономические и социальные причины привели к возникновению протестных настроений. Кроме того, угнетающее правление общества, подавление стремлений людей к самоорганизации, подавление требований свободы и потоков энергии, то есть плотины, которые строятся против потоков, идущих снизу общества, делают систему самоорганизующейся до критичности и приводят к искре для протестов» [2, р. 82].

Иран и Азербайджан же относятся к странам последней волны «арабской весны», в которых протестная активность практически не приводила к каким-либо внутригосударственным изменениям, за исключением Кувейта и Бахрейна, где с некоторой условностью можно обозначить успехи протестного движения – социальные выплаты и некоторые малозначительные реформы. В Иране и Азербайджане, как и в большинстве стран этого периода «арабской весны», протест был полностью подавлен, однако занимательным является тот факт, что при протестной активности в Иране и Азербайджане возникают часто фликкер-шумы.

В этом исследовании рассматривается и действие фликкер-шума с его ролью на протестную активность, это можно считать некоторым элементом прерывистого равновесия. Фликкер-шум – это результат какого-либо внешнего воздействия на систему, в нашем исследовании, он заключается в непосредственном

¹ Источник: Açıkalın, S. N. The Concept of Self-Organized Criticality: The Case Study of the Arab Uprising / Açıkalın, S. N., Artun, E. C. // Chaos, Complexity and Leadership 2017. Explorations of Chaos and Complexity Theory. Ankara : Springer, 2018. P. 73–85.

влиянии на протестную активность. Сам же Бранк объясняет фликкер-шум в подобном аспекте: «В самом широком смысле всплески фликкер-шума – это относительно внезапные сдвиги в чувствительности отдельных людей и групп к поведению друг друга. Каждый быстрый сдвиг называется каскадом сложности. Это происходит потому, что SOC-системы всегда движутся к своему максимальному уровню сложности. В какой-то момент их толкает в каскад то, что в других обстоятельствах было бы незначительным событием, как это иногда происходит с беспорядками, роспуском кабинета министров, войнами, избирательными оползнями и так далее» [1, p. 429]. С этой точки зрения, возникает парадокс того, что реакция на то или иное действие зависит от обстоятельства каскада сложности, один и тот же прецедент не вызывает подобную последовательность в других системах.

К этому относится всем известный акт самосожжения «арабской весны», который является каскадом сложности, влияющим непосредственно на систему. Действительным же показательным примером, описанного выше парадокса действия каскада, является протестная активность в Тунисе и Саудовской Аравии в 2011 году, в которых был зафиксирован акт самосожжения, однако в диаметрально противоположных случаях, где в одних обстоятельствах этот прецедент сработал, а в других нет. Нами предполагается в рассмотрении более масштабный фликкер-шум, который также неравнозначен успеху протестной активности, подразумевается: землетрясение в Иране в 2018 году, военные конфликты в Ливане в 2011 году – вторжение Сирии, в Иране в 2020 году – убийство генерала Сулеймана авиаударом США. Стоит заметить, что фликкер-шум может как привести к социально-политической дестабилизации, так наоборот к социально-политической реформации, как было продемонстрировано в Ливане в 2020 году – взрыв в порту Бейрута, который повлек за собой массовые протестные движения, которые привели к отставке правительства.

Военный конфликт и землетрясение относится к подобного рода крупномасштабным событиям, являясь при этом самым настоящим каскадом сложности, как помечает Бранк: «Такие крупномасштабные события – это именно те случаи, которые обычно выбрасываются практически из всех количественных анализов, потому что они считаются «выбросами», вызванными иным процессом, чем порожденные остальными случаями!» [5, p. 40]. В некоторых случаях мы можем проследить взаимозависимость некоторых следствий каскадов между собой, однако фликкер-шум может непосредственно быть связан с тем явлением, о котором было бы невозможно предположить.

Анализ протестной активности во время «арабской весны» показал некоторые схожие аспекты с рассматриваемыми странами – Иран и Азербайджан, в том плане, что протестная активность в Иране 2019–2020 гг., подобна политической атмосфере Йемена и Судана в 2011 году, это заключается в неудачной экономической реформе правительства, вызвавшей увеличение цен на топливо и продовольственные товары, за тем исключением, что Йемене протест принес свои плоды – подписание указа о передаче полномочий президента вице-президенту, а в Судане – признание независимости Южного Судана, который

никак не связан с требованиями протестного движения, но можно обозначить косвенное влияние на социально-политическую активность, при том, что протест был подавлен. Завершение протестной активности в Иране можно сравнить с Ливаном, где также произошел военный прецедент, не позволивший продолжить протестное движение. Протестная активность в Азербайджане 2019 г., подобна политической атмосфере Египта в 2011 году, это заключается в долгой несменяемости власти, подавлении оппозиции, не проведением свободных выборов и некоторых экономических проблем, за тем исключением, что в Египте произошла смена правительства и отставка президента, но с той условностью, что в 2013 году произошел военный переворот, вызванный политическим кризисом в стране.

Но при этом, все эти первопричины протестной активности в рассматриваемых странах сводятся к тому, о чем говорит Д.С. Жуков: «С точки зрения теории СОК для разъяснения взрывообразных социальных трансформаций (включая революции и иные всплески социополитической активности) в ряде случаев нет необходимости разыскивать некий мощный экстраординарный фактор. Социальные трансформации могут быть обусловлены вполне ординарными – и потому малозаметными, не привлекающими внимание – свойствами систем, микроуровневыми процессами и локальными импульсами» [8, с. 423].

Заключение. В ходе данного исследования были сделаны выводы о том, что Иран и Азербайджан – это два диаметрально противоположных в протестной активности государства, как и все страны «арабской весной», они имеют некоторые общие первопричины и тенденции, но совершенно разные последствия для своих политических систем. Примечательным и уникальным для этих видов стран остается возникновение частых фликкер-шумов при протестной активности.

Список литературы

1. Brunk G. G. Self-organized criticality: A new theory of political behaviour and some of its implications // *British Journal of Political Science*. – 2001. – № 31 (2). – P. 427–445.
2. Açıkalın S. N., Artun E. C. The Concept of Self-Organized Criticality: The Case Study of the Arab Uprising // *Chaos, Complexity and Leadership 2017. Explorations of Chaos and Complexity Theory*. – Ankara : Springer, 2018. – P. 73–85.
3. Bak P. *How Nature Works: The science of self-organized criticality* – № 1. – New York : Springer, 1996. – P. 229.
4. Brunk G. G. Self-organized criticality: A new theory of political behaviour and some of its implications // *British Journal of Political Science*. – 2001. – № 31 (2). – P. 427–445.
5. Brunk G. G. Why are so many important events unpredictable? Self-Organized Criticality as the «Engine of History» // *Japanese Journal of Political Science*. – 2002. – № 3 (1). – P. 25–44.
6. *Protests in Azerbaijan: Interview with Journalist Seymur Kazimov* // CIVILNET. – Режим доступа: <https://www.civilnet.am/news/2019/10/24/Protests-in->

Azerbaijan-Interview-with-Journalist-Seymour-Kazimov/369287 (дата обращения: 25.04.2021).

7. Raz Z. The Gasoline Protests in Iran: Initial Assessments and Implications // Institute for National Security Studies. – Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/resrep19408> (дата обращения: 25.04.2021).

8. Жуков Д. С. Прерывистое равновесие: взгляд с позиции теории самоорганизованной критичности // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2020. – № 10. – С. 416–442.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

Фридсон Е.В., студентка, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: eva.fridson@mail.ru

Аннотация. XXI столетие ознаменовало абсолютно новый уровень развития, главной чертой которого является интенсивное применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Развитие цифрового мира, возможности передовых компьютерных технологий в совокупности с незащищенностью цифровой сферы способствовали возникновению новой разновидности оружия информационного, а обеспечение информационной безопасности стало одной из главных проблем мирового сообщества. В статье рассматривается ряд проблем международно-правового регулирования вопросов информационной безопасности, и формулируются варианты их решения.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационное общество, международная информационная безопасность, информационное пространство, информационно-коммуникационные технологии

THE MAIN ISSUES OF ENSURING INTERNATIONAL INFORMATION SECURITY IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL NEGOTIATIONS

Fridson E.V., student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.
E-mail: eva.fridson@mail.ru

Annotation. The XXI century marked a completely new level of development, the main feature of which is the intensive use of information and communication technologies (ICT). The development of the digital world, the possibilities of advanced computer technologies, combined with the insecurity of the digital sphere, have contributed to the emergence of a new type of information weapons, and ensuring information security has become one of the main problems of the world community. The article considers a number of problems of international legal regulation of information security issues, and also forms a vision of ways to solve them.

Keywords: information security, information society international information security, information space, information and communication technologies

В настоящий период, в нынешних условиях правового развития государства и перехода к цифровым технологиям, как никогда важна проблема обеспечения информационной безопасности на международном уровне. Данная значимость обусловлена одной из основных характеристик современного этапа научно-технического прогресса – глобальной революцией средств массовой информации и повышением роли информационно-коммуникационных технологий (далее – «ИКТ») в современном мире.

На данный момент, в научной литературе нет определения понятия «международная информационная безопасность». Некоторые источники определяют международную информационную безопасность как «состояние международных отношений, при котором невозможно нарушение устойчивого мира и которое исключает возникновение угроз безопасности различных государств и мирового сообщества в целом в информационном пространстве» [2].

Е.С. Зиновьева полагает, что, согласно терминологии ООН, международная информационная безопасность – это состояние защищенности информационной системы от терроризма, преступности и военно-политических угроз [8, с. 14].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что рассматриваемое понятие является комплексным, потому что содержит в себе состояние защищенности информационных сетей, систем и т.п., а также безопасность основных интересов государства, общества и личности в информационном пространстве.

Вследствие формирования ИКТ, достаточно активная популяризация массовых средств коммуникации образовали для мирового сообщества глобальное информационное пространство, но и формируют риски для национальной и международной безопасности [9, 10]. В настоящее время интернет-ресурсы и информационные системы подвергаются огромному количеству различных уязвимостей и угроз, которые влекут за собой новые проблемы безопасности [19]. Российская Федерация, равно как и прочие государства, многократно подвергалась кибератакам на отечественные ресурсы, количество которых возросло на треть в первом квартале 2018 года [17, с. 410].

На сегодняшний день, одними из самых опасных угроз международной информационной безопасности считаются: использование информационных технологий с целью «силового» решения межгосударственных противоречий, непрерывное увеличение масштабов компьютерной преступности, подготовка и осуществление актов кибертерроризма.

Защита конфиденциальности и цифровая безопасность в XXI веке являются приоритетами национальной политики в ряде отраслей цифрового общества и экономики, а также одним из столпов развития устойчивости государственного управления с помощью эффективных мер национальной безопасности, принимаемых властями.

Согласно суждению Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) главной целью для частных лиц, предприятий и правительств

должна быть защита онлайн-пространства, а именно, таких сфер как «Личные данные и конфиденциальность», «Страхование бизнеса от кибератак», «Цифровая безопасность» и другие [6], чтобы повысить уровень доверия и снизить всевозможные риски интернет-преступности без ограничения перспектив, предлагаемые цифровой экономикой [18].

Интернет является одной из самых динамичных сфер информационных технологий, и его развитие в данном ключе, усилило проблемы правового и сетевого регулирования социальных взаимоотношений в глобальной сети. Поскольку Интернет поглощает все, без исключения, сферы жизнедеятельности человека, то количество информации в сети преумножается с каждым днем. Таким образом, Интернет-область имеет необходимость в законном регулировании задач, которые связаны со стремительным распространением информации [3, с. 217]. Поскольку обеспечение информационной безопасности государства на национальном уровне является неотъемлемой частью информационной безопасности государства на международном уровне, то в таком случае, все, без исключения, проблемы, касающиеся международной информационной безопасности, должны рассматриваться в рамках международного права [8, с. 10].

Международная информационная безопасность ориентирована на обеспечение информационной безопасности и развитие международно-правового режима, на базе общепринятых норм и принципов международных соглашений и международного права, которые, во-первых, регулируют правовое положение киберпространства и способов его использования должностными лицами. Все это относится к праву международной информационной безопасности, что является новой сферой международного права [8, с. 14].

И.Э. Кванталиани видит способы устранения угроз международной информационной безопасности в дальнейшем формировании и совершенствовании мер доверия между странами с помощью обмена данными об опасностях международной информационной безопасности, о теории и практике в области обеспечения информационной безопасности, а также о национальных концепциях и стратегиях использования информационно-коммуникационных технологий в конфликтах между государствами [7, с. 146]. Также нельзя не упомянуть позицию в научной литературе, в рамках которой считается важным совершенствовать международную совместную работу в области запрета на разработку, использование и распространение «информационного оружия» [12, с. 117].

Российская Федерация на протяжении долгих лет указывала на потребность взаимодействия и до сих пор является одним из главных инициаторов диалога, а также продвижения правил и норм информационной безопасности, применяя все возможные механизмы, такие как двусторонние переговоры с другими странами и рассмотрения на различных площадках, например, БРИКС и G20, международные организации и региональные интеграционные объединения [1; 4].

Российская Федерация в первый раз в 1998 году внесла на рассмотрение ГА ООН план резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной информационной безопасности»,

и начиная с того момента, стало очевидно желание России сформировать условия для развития системы международной информационной безопасности, а в дальнейшем – доказать, что угрозы и опасности в информационном пространстве можно сравнить по масштабу, а также последствиям, с ущербом использования ядерного оружия. Ведь не спроста, журналисты из разных точек мира сопоставляют вопрос об информационной безопасности с третьей мировой войной. На самом деле, равноправное стратегическое партнерство и взаимодействие – это главное требование поддержания стабильности и порядка в киберпространстве. Точка зрения России по международной информационной безопасности и ее информационная политика в целом, преследуют целью создание объединяющей площадки для конструктивного открытого диалога и практического сотрудничества [13]. Например, благодаря активному участию РФ в вопросе мирного формирования информационной среды и обеспечения международной информационной безопасности, в ООН формируется значимая, с политической и дипломатической точки зрения, переговорная система – рабочая группа открытого состава (РГОС), которая пришла вместо прежде функционировавшей Группы правительственных экспертов (завершила свою работу из-за противоречий между членами) [5; 11]. Невзирая на имеющиеся разногласия, развитие РГОС – огромный результат для российской стороны, которая по-прежнему является основным идеологом продвижения задач международной информационной безопасности.

РФ многократно обращалась к странам-участникам ООН с предложением о формировании международно-правового режима противодействия преступности с применением ИКТ. С того момента, как вопрос был официально поставлен перед ООН, ГА ООН каждый год принимает российскую резолюцию по международной информационной безопасности (с 1971 года их было принято более 40), а положения документа регулярно развиваются и пополняются идеями, которые отвечают безопасности мирового сообщества. Не стал исключением текст резолюции «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях», который закрепил важные положения об исключительно мирном применении ИКТ, действие общепризнанных принципов международного права в киберпространстве, обладание государственным суверенитетом над ИКТ - инфраструктурой на собственной территории, запрет на не подкрепленные обвинения в кибер-нападении и другие [11; 13].

В этой связи нужно выделить тот вклад, который внесла Россия в развитие терминологии ООН по международной информационной безопасности. В ходе «арабской весны», в ответ на революционные действия, когда социальные сети играли роль средства обеспечения интересов и координации деятельности протестных режимов, РФ дополнила ранее существующую «триаду угроз» такими элементами, как: угроза вмешательства во внутренние дела государства с помощью ИКТ, нарушение социальной стабильности, а также разжигание межнациональной, межэтнической розни. Однако, миротворческая концепция по вопросу информационной безопасности России не соответствует

позиции ряда стран во главе с США, которые с опаской относятся к потере контроля и влияния в ИКТ-сфере и ограничить свои возможности, что в итоге приводит к торможению хода принятия и осуществления российских инициатив по данной проблеме.

В настоящий период заметна близкая взаимосвязь между странами относительно вопросов международной информационной безопасности, которая выражается в форме международных соглашений. Например, в мае 2015 года между Правительствами Китайской Народной Республики и Российской Федерации был подписан Договор о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [8, с. 12]. В Соглашении отмечается, что приоритетом китайско-российского сотрудничества является совместная борьба с применением ИКТ в противоправных целях (террористических и т. п.).

20 ноября 2013 года на региональном уровне был подписан Договор о сотрудничестве стран-участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения информационной безопасности [16]. Следом, решением Совета глав правительств СНГ, 28 октября 2016 года, утверждена Стратегия сотрудничества государств-участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 года и План действий по ее реализации [14]. Согласно этой Стратегии понятно, что применение ИКТ – это первостепенная задача улучшения качества жизни населения. Помимо этого, использование информационно-коммуникационных технологий позиционируется как обязательное условие успешного развития различных сфер жизни общества (социально-политическая, культурная, экономическая и т.п.) и системы государственного управления [8, с. 12–13].

Подводя итог, можно сказать, что вопрос о международной информационной безопасности должен пониматься, как фрагмент обеспечения международной безопасности. Нынешняя среда информационно-коммуникационных технологий является, как одним из новейших факторов устойчивого развития общества, так и условием увеличения социальной угрозы, вследствие совершения определенных действий, которые связаны с террористическими деятельностью, реализацией противозаконных намерений, новым пространством международных конфликтов и споров. По этой причине, возможным решением проблем информационной безопасности нам представляется регламентация главных вопросов обеспечения кибербезопасности непосредственно на уровне международных договоров, в том числе, опираясь на стандарты, которые представляет ОЕСД, а кроме того, аккумулировать проблемы регулирования международной информационной безопасности в рамках права международной информационной безопасности – новейшей сферы международного права. Важность информационной безопасности в политическом процессе неоспорима. Что касается российского подхода к исследованию международной информационной безопасности характеризуется детальным рассмотрением ключевых определений, инициативными предложениями на региональном, национальном и международном уровнях. Невзирая на различие интересов между Западом и Россией, вторая, вероятнее всего, сохранит роль инициатора в анализе вопросов

международной информационной безопасности в рамках ООН, на что акцентирует внимание ее активная точка зрения в данном направлении.

Список литературы

1. Бойко С. Формирование системы международной информационной безопасности: российские подходы и инициативы // Международная жизнь. – 2018. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2021>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 4.05.2021).

2. Док. Генеральной Ассамблеи ООН А/55/40. Средства и системы технического обеспечения обработки, хранения и передачи информации. – Режим доступа: <https://moodle.kstu.ru/mod/page/view.php?id=28916>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 13.04.2021).

3. Ефимова Н. А. Эстония: опыт трансформации государственного управления в условиях цифровой экономики // Самоуправление. – 2019. – С. 217–218.

4. Забродин А. Москва поднимет вопрос кибербезопасности на Генассамблее ООН // Известия. – 2017. – 28 августа. – Режим доступа: <https://iz.ru/636710/aleksei-zabrodin/rossiia-podnimet-vopros>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 3.05.2021)

5. Зиновьева Е. С. Дипломатическое наступление России в области информационной безопасности // Говорят эксперты МГИМО. – 2018. – 22 ноября. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/diplomaticheskoerossiivoblastiinformatcionnoy-bezopasnosti/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 22.04.2021)

6. Информационная безопасность в системе национальной безопасности. – Режим доступа: <https://searchinform.ru/informatsionnaya-bezopasnost/osnovy-ib/informatsionnaya-bezopasnost-v-otraslyakh/bezopasnost-informatsionnykh-sistem/informatsionnaya-bezopasnost-v-sisteme-natsionalnoj-bezopasnosti/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 17.04.2021).

7. Кванталиани И. Э. Проблемы международно-правового регулирования вопросов информационной безопасности // Право и государство пресс. – 2013. – № 11 (107). – С. 143–146.

8. Костенко Н. И. Международная информационная безопасность в рамках международного права (методология, теория) // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – № 4. – С. 9–16.

9. Крутских А. В., Стрельцов А. А. Международное право и проблема обеспечения международной информационной безопасности // Международная жизнь. – 2014. – № 11.

10. Кубышкин А. В. Международно-правовые проблемы обеспечения информационной безопасности государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.

11. Международная информационная безопасность: успехи России в ООН // РСМД. – 2019. – 12 февраля. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analyticsandcomments/analytics/mezhdunarodnayainformatsionnaya-bezopasnost->

uspekhi-rossii-v-oon/, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 02.05.2021).

12. Морозов А. В., Полякова Т. А., Мохова О. Ю. Проблемы правового регулирования доступа к информации // Информационная безопасность России в условиях глобального информационного общества. – М., 2003. – С. 117–119.

13. О принятии Генассамблей ООН российской резолюции по противодействию информационной преступности // Официальный сайт МИДРФ. – 2018. 7 декабря. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ru/mezhdunarodnaainformacionnaabezopasnost//assetpublisher/UsCUTiw2pOS3/content/id/3437775>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 29.04.2021).

14. План действий по реализации Стратегии сотрудничества государств участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 года. – Режим доступа: <https://e.120-bal.ru/pravo/35951/index.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 29.04.2021).

15. Прокофьев К. В. Международно-правовые проблемы обеспечения международной информационной безопасности в сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.

16. Соглашение о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420278452>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 12.04.2021).

17. Трансформация публично-правовых средств развития экономики и финансов : монография / под ред. М. А. Лапиной, Г. Ф. Ручкиной. – М. : КНОРУС, 2019. – С. 410.

18. OECD Digital Security and privacy. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/going-digital/topics/digital-security-and-privacy/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 4.05.2021).

19. OECD Guidelines for the Security of Information Systems and Networks: Towards a Culture of Security. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/sti/ieconomy/oecdguidelinesforthesecurityofinformationsystemsandnetworkstowardsacultureofsecurity.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 4.05.2021).

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО СТАТУСА КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Селезнева А.О., студентка, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: naska_10_2000@mail.ru

Аннотация. Вторая половина XX века явилась отправной точкой для процесса урегулирования вопроса о правовом статусе Каспийского моря. Каспийское море является предметом споров для целого ряда стран. Это обусловлено тем, что в его недрах находятся большие запасы нефти и газа, а также проходят многочисленные транспортные пути. Поэтому с распадом СССР остро стал вопрос о территориальном разграничении в данном регионе. Если ранее ключевыми игроками в Каспийском регионе были два государства Иран и СССР, то после 1991 г. среди международных игроков появляются новые четыре государства: Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан. В статье рассматриваются причины, послужившие переговорному процессу в отношении правового статуса Каспийского моря, а также этапы разрешения данного спора.

Ключевые слова: СССР, Иран, Каспийское море, Россия, правовой статус, акватория, морская граница, Конвенция, саммит, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан

THE PROBLEM OF THE LEGAL STATUS OF THE CASPIAN SEA

Selezneva A.O., student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.
E-mail: naska_10_2000@mail.ru

Annotation. The second half of the twentieth century was the starting point for the process of resolving the issue of the legal status of the Caspian Sea. The Caspian Sea is the subject of disputes in many countries. This is due to the fact that in its depths there are large reserves of oil and gas, as well as numerous transport routes. Therefore, with the collapse of the USSR, the issue of territorial division in this region became acute. Earlier the key players in the Caspian region were two states, Iran and the USSR, then after 1991 new four states appear among the international players: Russia, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan. The article discusses the reasons that served the negotiation process regarding the legal status of the Caspian Sea, as well as the stages of resolving this dispute.

Keywords: USSR, Iran, Caspian Sea, Russia, legal status, water area, maritime border, Convention, summit, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan

Каспийское море является крупнейшим полностью замкнутым водоёмом с солёной водой в мире. Оно содержит огромные рыбные ресурсы (70 % мировых запасов осетровых), а также обширные залежи газа и нефти [12]. По данным Минприроды РФ в 2018 доказанные и вероятные запасы в бассейнах Каспийского моря составляли 2,95 миллиарда тонн нефти и 3,1 триллиона

кубометров природного газа [6]. Также через него проходят многие транспортные пути, которые соединяют Европу и Среднюю Азию. На протяжении большей части XX века это была исключительная сфера влияния Ирана и СССР, причем Советский Союз пользовался военно-морским доминированием. Однако, после распада СССР геополитическая ситуация существенно изменилась. Вместо двух государств расширяют сферу своего влияния на Каспийское море уже пять государств: Россия, Иран, Азербайджан, Казахстан и Туркменистан.

Спор о его правовом режиме вызывает множество проблем, затрагивающих основные проблемы международного права (морское право, экологическое право и другие), так как Каспийское море уникально во многих аспектах. Сложность вопроса правового режима Каспия как с политической стороны, так и экономической представляет собой огромную проблему [20].

Определение международно-правового статуса Каспийского моря оставалось одной из самых сложных проблем для приграничных государств в течение многих лет. Проблемы даже были связаны с наименованием водохранилища, так как во времена, когда оно находилось под контролем одного государства, использовался термин «озеро», позже, когда на него претендовало уже пять государств, использовался термин «море». Различия в этой области были предметом не только академических дискуссий, поскольку в нормативно-правовых документах использовался каждый из них.

В работе «Каспийское море: поиск нового правового режима» Сергей Виноградов и Патриция Ваутерс рассматривают данную проблему [21]. Они пишут о том, что классифицируя Каспий как море, это сделало бы его предметом морского права, положения которого преимущественно отражены в Конвенции Организации Объединённых Наций по морскому праву 1982 (ЮНКЛОС) [9].

Однако, если дать ему определение озера, в таком случае, будут применяться положения, касающиеся судоходного и несудоходного использования международных водотоков. Комиссия по международным водотокам могла бы обозначить некоторые правила, которые регулировали бы определённые виды использования Каспия, но уникальные свойства Каспийского моря исключают его классификацию и как моря, и как озера. Каспий, расположенный примерно на 27 метров ниже уровня океана, не является строго морем, так как не имеет прямого выхода в океан. Он также не соответствует определению закрытого или полузакрытого моря в соответствии со статьёй 122 ЮНКЛОС [9]. Очевидно, что международное морское право автоматически неприменимо к этому водному объекту.

Некоторые зарубежные авторы, к примеру А. Гранмаех, признавая трудности в определении Каспия как моря или озера, назвал его «внутренним морем», определением *suī generis* [19]. Этот подход, каким бы привлекательным он ни был, мало что делает для разъяснения правового режима, применимого к Каспию. Поэтому исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что сопоставляя два этих понятия: «море», «озеро», допускается совместный подход к проблеме, в соответствии с которым прибрежные государства могут обращаться к двум наборам идентифицируемых норм международного права при регулировании Каспийского моря.

Однако, чтобы окончательно решить данную проблему, потребовалось немало лет переговорных процессов, которые закончились подписанием 12 августа 2018 года Конвенции о правовом статусе Каспийского моря [1].

Прежде чем переходить к положениям действующей Конвенции 2018 года, нужно рассмотреть все этапы разрешения проблемы установления правового статуса Каспийского моря.

На договорах, заключенных между Ираном и СССР в первой половине двадцатого века, основан текущий правовой статус и режим Каспийского моря: договор РСФСР и Персии 26 февраля 1921 г. [5], договор СССР и Ирана 25 марта 1940 г. [4]. В 1935 г. приказом народного комиссара внутренних дел было обозначено, что Ирану отводилась акватория на крайнем юге моря, за линией Астара-Гасан-Кули, на которой несли службу советские пограничники и, пересечение которой по воде или воздухом производилось лишь с разрешения советской стороны [13]. Таким образом, Каспий на девять десятых фактически был внутренним морем СССР [7].

Однако не во всех договорах утверждалось, что Каспийское море было поделено на советский и иранский сектор. Исходя из этого, линия Астара-Гасан-Кули не признавалась как формальная морская граница между СССР и Ираном. Поэтому теоретически, любое прибрежное государство имеет возможность ставить нефтедобывающие платформы в любой точке моря, ссылаясь на советско-иранские договоры. Отсюда и кроются все истоки юридической проблемы статуса и раздела Каспия.

С 1991 г. на мировой арене появились новые суверенные государства □ Россия, Азербайджан, Туркменистан и Казахстан, которые также начали принимать участие в разделе зоны Каспийского моря. В связи с этим, было крайне важно установить правовой статус. Это породило неопределённость в отношении правопреемства правовой системы новыми странами в соответствии с принципом правопреемства государств в международном праве. Таким образом, она оспаривала существующие права и обязанности Советского Союза и Ирана относительно Каспия. Три независимые республики: Азербайджан, Туркменистан и Казахстан настаивали на разделении бассейна Каспийского моря из-за большого количества запасов нефти и газа вдоль их берегов, и поэтому они выразили несогласие с преемственностью соглашений между Ираном и Россией [22]. Российский подход основывался на двух фундаментальных моментах. Каспийское море является уникальным внутренним водным объектом и с международной точки зрения не может рассматриваться как море. Хотя Каспийское море имеет географические характеристики моря, с его солёной водой и его размерами, почти идентичными размерам Чёрного и других морей, оно не может считаться морем, потому что оно закрыто и не имеет естественной связи с мировым океаном. Здесь Конвенция ООН по морскому праву, подписанная в декабре 1982 года и вступившая в силу 16 ноября 1994 года, неприменима [9].

Первым инициатором переговорного процесса по решению данной проблемы выступил Казахстан. В 1994 году был предложен первый проект

Конвенции, в котором говорилось, что режим Каспийского моря (1921 г. и 1940 г.) не отвечает изменившейся политической ситуации, поэтому необходимо совместно разработать новый правовой статус Каспия и также, положение о том, что для достижения данной цели нужно сформировать структуру регионального сотрудничества [11].

После того, как Казахстаном был выдвинут проект Конвенции, остальные четыре государства разработали свои проекты, которые кардинально различались (см., напр.: Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Проект Республики Казахстан) [11]. Более того, произошло разделение мнения по поводу правового статуса. Россия, Иран и Туркменистан выступали за то, чтобы сохранить режим «общего пользования». Это означает, что Каспий не делится между прибрежными государствами, имеющими равные права принимать участие в использовании любой части его ресурсов без согласования со всеми другими государствами. Данная позиция обосновывается на международных договорах, относящихся к Каспийскому морю. Позиция Азербайджана и Казахстана касательно этого вопроса, состоит в том, что Каспийское море – замкнутое море, поэтому его разделение возможно с применением Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. То есть государственная граница устанавливается на ширине территориальных вод, а также устанавливаются границы исключительной экономической зоны каждого государства.

Начиная с 1998 г. было положено начало в разрешении территориального спора: соглашение о разделе северной части Каспийского моря между Россией и Казахстаном [17], январь 2001 г. – декларация о сотрудничестве на Каспийском море о разделении дна на сектора на основании срединной линии (Россия и с Республика Азербайджан) [2], ноябрь 2001 г. – соглашение о разделе дна Каспийского моря и природных ресурсов в нем вдоль срединной линии (Казахстан и Азербайджан) [15], 14 мая 2003 г. – соглашение о разделе части Каспийского моря (Россия, Азербайджан и Казахстан) [16]. Однако данные соглашения не смогли кардинально изменить сложившуюся ситуацию, но на этом разрешение спора не закончилось. Начиная с 2002 г., начинают проводиться саммиты прикаспийских стран [14].

Первый саммит прошёл в Ашхабаде. Его итогом стало обсуждение ключевых проблем региона, выдвигались конкретные предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы водоёма.

В ходе второго саммита, который прошёл в Тегеране в 2007 г., была подписана декларация [3]. Прежде всего был решён вопрос обеспечения стабильности в Каспийском регионе: государства договорились не использовать друг против друга вооруженные силы и не позволять другим государствам использовать свою территорию для проведения военных операций. Терроризм, торговля наркотиками или оружием были определены серьезной угрозой для мира. Более того, подтверждалось, что правовой статус Каспийского моря можно обозначить, лишь придя к всеобщему консенсусу, а до этого времени вышеозначенные страны могут беспрепятственно осуществлять рыбную ловлю,

грузоперевозки и мореплавание. Саммит в Тегеране считается поворотным моментом в каспийском споре.

Третий саммит прикаспийских стран состоялся в Баку в 2010 году. В ходе него было подписано два документа: соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности и декларация о продолжении переговорного процесса для создания итоговой конвенции [18].

Четвертый саммит состоялся в Астрахани 29 сентября 2014 года. Главы государств встретились для обсуждения вопросов, поднятых на предыдущих саммитах, а также вопросов, связанных с транспортными коридорами Север – Юг и железнодорожными узлами [8].

Пятый саммит, состоявшийся 12 августа 2018 года, стал последним и самым успешным. В этот период была подписана Конвенция, которая устанавливает правовой статус Каспийского моря [10]. Новый режим Каспия представляет собой компромисс, так как основная площадь моря остаётся в общем пользовании стран-участниц, но при этом устанавливаются суверенные права для каждой из них в соответствующих «территориальных водах», «секторах морского дна и недр». В Конвенции также говорится о том, что Каспийское море теперь определяется как «водоём, окружённый сухопутной территорией сторон». Поэтому Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву 1982 года не применима к нему [9].

Каждая сторона устанавливает территориальные воды шириной не более 15 морских миль и рыболовные районы шириной не более 10 морских миль вблизи этих территориальных вод. Внешняя граница территориального моря является государственной границей [10].

Плавание, проход и выход из Каспийского моря осуществляется исключительно судами под флагом каждой страны.

Также в Конвенции рассматриваются вопросы экологического характера. Более того, особое место уделяется совместной борьбе с международным терроризмом, незаконной поставкой и продажей оружия, психотропных и наркотических веществ, предупреждением незаконной миграции людей и другие преступления [10].

Очевидно наличие большого количества проблем, причем как правовых, так и политических. Каспийское море, будучи носителем огромных залежей и запасов нефти и газа, благодаря своим географическим характеристикам и биологическому разнообразию выступает как стратегически важный объект, что способствует повышенному вниманию не только прикаспийских, но и внерегиональных, западных государств, преследующих свои меркантильные интересы.

Если ранее правовой статус Каспийского моря определялся Советско-иранскими договорами 1921 и 1940 годов, то после распада СССР ситуация кардинально изменилась. Прошлые договоры были не применимы к новым реалиям. Ни в одном из них не предусмотрено морских границ или линий делимитации в Каспийском море между советской и иранской частями. Кроме того, предыдущие договоры касаются исключительно регулирования судоходства и рыболовства, но не затрагивают вопрос о суверенитете морского дна или

делимитации ресурсов морского дна. Весь вопрос сводится к вопросу о том, как демаркировать или разделить море между прибрежными государствами с учетом прошлых договоров и нынешних реалий.

Однако стоит заметить, что стремление к разрешению спорных вопросов по правовому статусу Каспийского моря привело к довольно ощутимым результатам. Так, между странами-участниками решения соответствующего вопроса были достигнуты соглашения на четырех саммитах, предшествующих подписанию Конвенции и, наконец, подписание Конвенции в результате работы пятого саммита. Кроме того, на смену более ранним отдельным заявлениям, декларациям и кратким протоколам предыдущих совещаний был принят к действию международно-правовой документ, имеющий обязательный характер.

Таким образом, были предприняты серьезные шаги по определению правового статуса Каспийского моря. Подписанная Конвенция включает в себя суть «конституции» Каспийского моря, поэтому окончательное соглашение предоставило возможность всем государствам более эффективно и цивилизованно взаимодействовать как внутри, так и за пределами Каспийского региона, и, таким образом, избежать острых противоречий и конфликтов между собой.

Список литературы

1. Ахмадиев А. К., Брылов Д. С. «Каспий: Особенности использования недропользования и вопросы геополитики» // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2020. – Т. 6 (16), № 4. – С. 36–48.

2. Бакинская декларация и совместное заявление о принципах сотрудничества на Каспии – шаги к определению нового правового статуса Каспийского моря. – Режим доступа: <https://helpiks.org/7-39202.html>, свободный (дата обращения: 10.04.2021).

3. Декларация Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902070999>, свободный (дата обращения: 10.04.2021).

4. Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном от 25 марта 1940 года // Сборник торговых договоров, конвенций и соглашений СССР, заключенных с иностранными государствами до 1-го января 1941 г. / сост. Ф. Р. Горбов ; под ред. Д. Д. Мишустина. – М. : Международная книга, 1941. – 408 с.

5. Договор РСФСР и Персии 26 февраля 1921 г. – Режим доступа: <http://doc20vek.ru/node/233>, свободный (дата обращения: 28.03.2021).

6. Бровкина М. Золотое дно. Разработка каспийского шельфа принесет России миллиарды кубометров нефти и газа // Российская газета rg.ru. – 18.09.2018. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/09/18/reg-ufo/skolko-na-kaspii-meetsia-zaparov-nefti-i-gaza.html>, свободный (дата обращения: 26.03.2021).

7. Как поделить море. Рассказываем про документ, призванный положить конец спорам на Каспии // ТАСС. 01.10.2019. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/6949435>, свободный (дата обращения: 03.04.2021).

8. Коммюнике по итогам Четвертого каспийского саммита (Астрахань, 2014 г.). – Режим доступа: https://www.mid.ru/problematika-bassejnakaspijskogomora//asset_publisher/FX0KRdXqTkSJ/content/id/3163774, свободный (дата обращения: 11.04.2021).

9. Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/konventsija-organizatsii-obedinennykh-natsii-po-morskomu-pravu/>, свободный (дата обращения: 28.03.2021).

10. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря от 12.08.2018. – Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/supplement/5328>, свободный (дата обращения: 12.04.2021).

11. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Проект Республики Казахстан // Архив МИД Республики Казахстан. – Алматы, 1994. – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/miid?lang=kk>, свободный (дата обращения: 28.03.2021).

12. Махмудова М. З. Биологические ресурсы Каспийского моря: экономический аспект. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/biologicheskie-resursy-kaspiyskogo-morya-ekonomicheskii-aspekt/viewer>, свободный (дата обращения: 26.03.2021).

13. Морская граница Астраханского края // Виперсон. – 17.12.2015. – Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/morskaya-granitsa-astrahanskogo-kraja>, свободный (дата обращения: 10.04.2021).

14. Путин и четыре президента после 20 лет подготовки разделят Каспий // РБК 10.08.2018. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/10/08/2018/5b6d584e9a79471a71bec08b>, свободный (дата обращения: 19.04.2021).

15. Соглашение между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой о разграничении дна Каспийского моря между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой от 29 ноября 2001 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3996, свободный (дата обращения: 10.04.2021).

16. Соглашение между Российской Федерацией, Азербайджанской Республикой и Республикой Казахстан о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря. – Режим доступа: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=1688, свободный (дата обращения: 11.04.2021).

17. Соглашение о разделе северной части Каспийского моря между Россией и Казахстаном. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12129566>, свободный (дата обращения: 10.04.2021).

18. Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море (Баку, 18 ноября 2010 г.). – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70104428/>, свободный (дата обращения: 11.04.2021).

19. Granmayeh A. Legal history of the Caspian Sea // The Caspian: Politics, energy and security. – 2004. – № 9. – C. 17–47.
20. Janusz B. The Caspian Sea Legal Status and Regime Problems. – 2005 // RUSSIA AND EURASIA PROGRAMME. – 2005. – № 1. – C. 1–8.
21. Sergei Vinogradov and Patricia Wouters. The Caspian Sea: Quest for a New Legal Regime // Leiden Journal of International Law. – 2004. – № 9. – C. 87–98.
22. Sohbet Karbuz. The Legal Status of the Caspian Sea: Implications on Caspian Resources Development and Transport // Energy Policy Turkey. – 2016. – № 2. – C. 62–69.

РЕЦЕНЗИИ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СЛУЧАЙНОСТИ: РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ НАССИМА ТАЛЕБА «ЧЁРНЫЙ ЛЕБЕДЬ. ПОД ЗНАКОМ НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ» (2006)

Голова Д.В., студентка, Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dasha.golova.98@bk.ru

Аннотация. В данной рецензии предпринимается попытка анализа книги Нассима Талеба «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости», в которой автор рассказывает о том, как случайные события, которые никто не может предвидеть и предсказать, могут влиять на мир. За последнее время человечество пережило ряд тяжелейших потрясений: 11 сентября 2001 года, война в Осетии, мировой финансовый кризис. Все эти события, представляющиеся нам сейчас закономерными, казались абсолютно невозможными, пока они не произошли. Автор называет такие непредсказуемые происшествия Черными лебедями. Он убежден: именно они дают толчок как истории в целом, так и существованию каждого отдельного человека. И чтобы преуспеть, надо знать, как с ними обращаться. Данная рецензия будет интересна политологам, социологам и экономистам, историкам.

Ключевые слова: Черный лебедь, масштабируемость, Среднестан, Крайнестан, события

A NEW LOOK AT RANDOMNESS - REVIEW OF NASSIM TALEB'S BOOK "THE BLACK SWAN. UNDER THE SIGN OF UNPREDICTABILITY" (2006)

Golova D.V., student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.
E-mail: dasha.golova.98@bk.ru

Annotation. This review attempts to analyze Nassim Taleb's book "The Black Swan. Under the sign of unpredictability", in which the author talks about how random events that no one can foresee and predict can affect the world. Recently, humanity has experienced a number of severe shocks: September 11, 2001, the war in Ossetia, the global financial crisis. All these events, which now seem natural to us, seemed absolutely impossible until they happened. The author calls such unpredictable incidents Black Swans. He is convinced that they give impetus to both history as a whole and the existence of each individual. And to succeed, you need to know how

to handle them. This review will be of interest to political scientists, sociologists and economic historians.

Keywords: Black swan, scalability, Srednestan, Extremestan, events

В 2009 году в издательском доме «КоЛибри» была опубликована монография американского экономиста, имеющего ливанские корни Нассима Талеба под названием «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости» [1]. Этот труд очень быстро стал бестселлером и занимал эту позицию списке «New York Times» целых 17 недель. На сегодняшний день эта книга переведена на 27 языков и до сих пор пользуется популярностью. По этой причине была составлена данная рецензия.

Основным понятием, которое используется и тиражируется автором является масштабируемость. Под ним автор понимает способность некоторого экономического результата очень сильно увеличиваться (т.е. масштабироваться) без каких либо видимых затрат. В качестве примера такого масштабирования может быть распространение CD-дисков с записями музыканта. Если у музыканта появляется популярность и тираж его дисков увеличивается, то здесь можно говорить об эффекте, при котором конечный результат становится выше, чем исходные затраты музыканта. Если же звукозаписывающие устройства отсутствуют, то расширение числа своих слушателей может быть достигнуто только путем дополнительного исполнения программы: чем больше исполнений, тем больше слушателей. В данном примере можно говорить о немасштабируемом явлении, при котором конечный результат зависит от произведенных затрат.

Далее в своей книге Талеб распределяет все социальные явления на две группы: немасштабируемые и масштабируемые.

Немасштабируемые явления распределяются стандартным образом и описываются при помощи горбообразной кривой Гаусса. Вторые же явления распределяются степенной кривой Парето. Следовательно, общность всех масштабируемых явлений образует некое множество, обозначенное Талебом как Среднестан (Мидлстан). А совокупность немасштабируемых событий в свою очередь образует множество, названное автором Крайнестаном (Экстермистаном).

Чтобы понимать какие события относятся к масштабированным, а какие к немасштабированным, необходимо понимать их сущность. Так, по мнению автора, масштабированные явления – это зачастую события природного характера, вторые же имеют социальную основу, т.е. они созданы людьми [1, с.74]. В качестве банального примера приводится следующее: немасштабируемым явлением может служить вес людей, а масштабируемого – их доход. Если вес выступает чисто *физической* характеристикой человека, то его доход – *информационной*. И это действительно так, ведь банковский счет – вещь виртуальная, т.е. абстрактная цифра, которую даже нельзя ощутить или потрогать. [1, с.75].

Если рассматривать проблемы, затрагиваемые в книге с позиции элитологии – раздела социологии, который занимается изучением основания и критериями

дифференциации общества, то отметим следующее. У Талеба есть концепция, согласно которой все виды деятельности человека, в том числе и его профессии (так или иначе принадлежность к тому или иному социальному пласту), можно отнести к двум мирам – Среднестану и Крайнестану. В мир Среднестана автор относит людей со стандартными профессиями: дантисты, учителя, рабочие, врачи и т.п. В этих сферах деятельности по большому счету не может произойти нечего сверхощутимого. В них нельзя за маленькое время добиться серьезных финансовых результатов. К примеру, работа дантиста (даже если это длительный период, к примеру, три года) и принесет ему стабильный, но скромный успех – дом, машина, возможность отдыха и т.д. Крайнестан – это мир профессий, где возможно очень быстро взлететь, но и также можно прогореть (ученые, биржевые игроки, писатели и т.п.). В этом мире действует свой закон: «победитель получает все». В Среднестане властвует определенная *унификация* и *усреднение*, а вот в Крайнестане – колоссальная *дифференциация* и *неравенство*.

Получается, что скромность Среднестана обусловлена высокой стабильностью и там собраны все статистические профессии и события, а невероятный успех Крайнестана – это концентрация высокого риска системы. Таким образом, автор подводит нас к традиционному тезису, заложенному в экономической теории: большие инвестиции – высокие риски. Являясь меньшинством общества, этот слой играет огромную, часто решающую роль в социальном процессе. А если это так, то именно в мире Крайнестана имеют место быть особые события, обозначаемыми Талебом как Черные лебеди. Название придумано автором после того, как он узнал о буквальном происхождении черных лебедей. Раньше миру был известен только один вид лебедей – белые. Но в XVII веке одна Голландская экспедиция направляется в Австралию, где и открывает новый, для европейцев, вид лебедей – черных.

Эти события имеют следующие свойства: непредсказуемость, наличие серьезных последствий и исторической обусловленностью [1, с.270]. Автор отмечает, что эти Черные лебеди ответственны почти за все события, происходящие в мире. Логика Черного лебедя делает то, чего вы не знаете, гораздо более важным, чем то, что вы знаете. Ведь если вдуматься, то многие Черные лебеди явились в мир и потрясли его именно потому, что их никто не ждал [1, с. 10].

В качестве примера автор приводит следующее: абсолютно непредвиденные террористические акты 11 сентября 2001 года буквально перевернули мир, заставляя людей Крайнестана решительно действовать – гонка вооружений в США, война в Ираке с его дроблением на несколько частей, война в Афганистане с расширением исходящего из него во все уголки мира наркотрафика, возникновение глобального терроризма и т.п.

Нарисованная картина дает возможность логически посмотреть на эволюцию истории: мировые события разделены на два описанных выше сегмента – Среднестан и Крайнестан. В Крайнестане концентрируются все возможные риски социальной системы, и именно по этой причине оттуда периодически и вылетают Черные лебеди, оказывающие воздействие на всю мировую систему.

Время идет и мир становится сложнее, следовательно, доля Крайнестана с его всевозможными рисками, увеличивается.

Автор разделяет все эти события на три вида – случайные, редкие и непредсказуемые. Их необходимо четко разделять и нельзя путать. Случайными являются события, заранее нам известные, но определить какое именно из них наступит мы можем лишь предполагать. Пример: игральная кость имеет шесть граней, но какая из них ляжет в конкретный момент времени – не известно. Талеб утверждает, что все социальные явления нельзя отнести к случайным. Они по своей природе *закономерны* или *детерминированы*. Но такие детерминированные события могут быть очень редкими, в связи с этим мы можем даже не подозревать об их существовании и их трудно спрогнозировать. Если ранее такое событие никогда нам не встречалось, то по логике, его можно отнести к *непредсказуемым* или *невероятным* (фактически невозможным).

Следовательно, когда оно происходит, то его зачастую воспринимают как чудо, хотя по факту его нельзя таковым называть. Так вот, если случайные события хоть как-то прогнозируемы, то очень редкие события на практике оказываются непредсказуемы.

Но из сказанного выше можно выделить некое противоречие: если общественные события выступают в качестве детерминантов, то, как правило, они подчиняются некоторым закономерностям, и получается что их можно предвидеть. Эта неточность снимается при помощи изучения гиперболического распределения, упорядочивающего и структурирующего все общественные события. Однако и здесь имеется ряд некоторых моментов, которые Талеб выделяет в явном виде и именно поэтому образуется новый взгляд на детерминированную случайность.

Отметим, что вводя понятие масштабирования, Талеб отмечает, что не нужно накладывать на него никаких ограничительных свойств. Другими словами, увеличение определенного результата может быть бесконечным. Это означает, что растущий хвост гиперболы является бесконечным и область значений не определена.

При практическом рассмотрении при построении статистического гиперболического распределения постоянно уменьшается, ограничиваем область значений кривой некоторым верхним пределом, уже наблюдавшимся ранее. Таким образом, происходит процесс «усечения» гипотетической кривой при помощи «отрезания» определенной части увеличивающегося хвоста. [1, с.421]. Следовательно, можно наблюдать подмену большинства *возможных* событий на большинство *наблюдаемых* событий, что в свою очередь, играет не самую лицеприятную роль в осознании действительности. Конечно же, эффект «усечения» распространяется и на уменьшающийся хвост гиперболы.

Произведя «усечение», автоматически выпадают большое количество событий, являющиеся одновременно и редкими и очень сильными. К примеру, на сегодняшний день высший предел личных доходов исчисляется суммой в 100 млрд. долларов, потому что эту сумму еще не превысил ни один человек на земле. Этот факт не означает, что спустя какое-то время не появится человек,

который имеет богатство в триллион долларов. Хотя сейчас это в принципе невозможно. И вот тогда мы и столкнемся с Черным лебедем, вероятность которого, как это ни удивительно, уже была запрограммирована в части гиперболы, которая якобы не имеет смысла.

Получается, что *ошибки в представлении о будущем могут возникнуть даже не столько из-за неправильной прогнозируемости выводов, сколько из-за боязни самых этих выводов на область заоблачных значений*. Таким образом, и сами Черные лебеди являются результатом наших ограниченных представлений о мире.

Представляет интерес и то, как Талеб понимает процесс познания. По его мнению это итеративный процесс построения определенной фрактальной (гиперболической) зависимости методом «надстройки» все новых и новых хвостов, которые не имели ранее для этого данных. Причиной этого выступает тот факт, что некоторым событиям необходимо большое количество времени для раскрытия себя. И как следствие – неправильная оценка мощности имеющегося всплеска [1, с. 421]. По причине редкости имеющихся всплесков на первый план выступает психологический процесс, когда наблюдатель теряет бдительность и может принять за нормальное то распределение, которая оказывается гиперболическим.

Также в своей книге, говоря о процессе масштабируемости социальных явлений, Талеб совершает градацию Черных лебедей и вводит понятие Серых лебедей. Так, вполне успешное нечастое событие, которое дает весьма положительный эффект, такой как, к примеру, огромный тираж книги автора, является для него положительным Черным лебедем. Такое же событие, но дающее уже негативный эффект как финансовый крах компании для ее руководства *негативным* Черным лебедем (или «плохим», злым). Сама же борьба с Черным лебедем в общем провальна, но в некоторых случаях, по мнению автора, можно добиться локального успеха, т.е. когда некоторые редкие события мы все же можем ожидать, не зная при этом их свойств и параметров. Эти события получили название Серых лебедей. К примеру, когда-нибудь может быть выпущена книга, которая превзойдет по тиражам «Гарри Поттера», но когда это произойдет и произойдет ли неизвестно.

Таким образом, исследуя концепцию Талеба, можно сделать ряд интересных выводов. Во-первых, это роль лидера и существующих элит. Если рассматривать мировую экономику, то на первый план здесь выходит США, в экономическом господстве которых в последнее время многие сомневаются. Автор здесь высказывает мысль о том, что *кто оседлал масштабируемые явления, тот и будет получать все мировые бонусы*. И с этой позиции США имеет выгодные позиции – страна генерирует идеи, позволяя другим странам и народам доводить их до практической реализации. Следовательно, США выступает производителем масштабируемых продуктов, в то время как другие страны – немасштабируемых.

Если перенести эту теорию в масштабы одного индивидуума, то она будет звучать так: если человек хочет добиться невероятных успехов, то он

должен выбирать масштабируемые профессии и события, иначе человек останется в среде серой массы середнячков. На пути масштабируемых проектов, нужно быть готовым к огромному риску. И здесь уже выбор за каждым.

Во-вторых, есть и методологическое следствие из концепции Талеба, которое состоит в том, что не нужно очень сильно усердствовать при прогнозировании результатов. Необходимо просто предполагать некоторые критические события, быть к ним морально готовым и при их наступлении действовать быстро и эффективно. Другими словами, необходимо просто наблюдать, доверять интуиции, не допускать «плохих» Черных лебедей (т.е. опасных событий с катастрофическими последствиями) и следовать в сторону «хороших» Черных лебедей (т.е. событий с потенциально большими положительными результатами).

Таким образом, прочитав книгу автора, отметим, что она достаточно интересна и может быть полезна по нескольким причинам. Во-первых, Талеб весьма умело собрал весь свой опыт в качестве финансового трейдера, включая практические навыки и теоретические представления. В частности, он специализировался на сложных финансовых инструментах – деривативах, которые требуют хорошего знания математики и очень тщательного аккуратного управления. Отметим, что по данной теме он защитил докторскую диссертацию [1, с. 55], и, несмотря на то, что его нельзя отнести к кагорте академических исследователей, Нассим Талеб все-таки не сторонится этой среды и свободно в ней ориентируется.

Во-вторых, книга Талеба затрагивает фундаментальные аспекты функционирования экономических и социальных систем. Фактически автор делает попытку переосмыслить природу социальной случайности. Не удивительно, что по ходу дела Талеб ниспровергает чуть ли не всю экономическую науку с ее высокого пьедестала, отрицает реалистичность гауссовой кривой и подвергает уничтожающей критике деятельность современных аналитиков. Подобный замах на догмы, успевшие стать классическими, требует самого пристального внимания.

Список литературы

1. Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – М. : КоЛибри, 2009. – 528 с.

ИСТОКИ И СМЫСЛ СОВРЕМЕННОГО АНТИАМЕРИКАНИЗМА (АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ ПОЛА ХОЛЛАНДЕРА)

Паршков Е.А., магистрант, Астраханский государственный университет
414056, Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: parskovj@mail.ru

Аннотация. В политике, как и в физике, всякое действие рождает противодействие. В ответ на коммунизм, фашизм, глобализм возникают антикоммунизм, антифашизм, антиглобализм. Своего рода исключением из правил является антиамериканизм. Являясь реакцией на рост американского влияния, он вместе с тем представляет собой самостоятельный, сложный и глубоко противоречивый феномен. Антиамериканизм – сложный политико-идеологический, социально-психологический и культурно-исторический феномен массового сознания, характеризующий политическую культуру современного общества в его отношении к США. Он выражается в негативном отношении к американской внешней политике, ее образу жизни, культуре и в меньшей степени к самим американцам. Вполне «уживается» с высокой оценкой и потреблением всего «американского». В настоящей статье делается попытка политологического анализа монографий Пола Холландера «Антиамериканизм рациональный и иррациональный» и «Политические пилигримы». В статье рассматривается социальное происхождение автора и его отношение к настроениям прогрессивной американской интеллигенции, которые он определил как «анти-анти-коммунизм». Книга может представлять интерес для социологов, политологов и философов, а также для всех, кого привлекает блеск мудрости и изящество стиля.

Ключевые слова: антиамериканизм, высшее образование в США, средства массовой информации США, церкви

THE ORIGINS AND MEANING OF MODERN ANTI-AMERICANISM (ANALYSIS OF PAUL HOLLANDER'S CONCEPT)

Parshkov E.A., master's student, Astrakhan State University
414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st.
E-mail: parskovj@mail.ru

Annotation. In politics, as in physics, every action creates a reaction. In response to communism, fascism, and globalism, anti-communism, anti-fascism, and anti-globalism arise. Anti-Americanism is a kind of exception to the rule. As a reaction to the growth of American influence, it is also an independent, complex and deeply controversial phenomenon. Anti-Americanism is a complex political-ideological, socio-psychological, and cultural-historical phenomenon of mass consciousness that characterizes the political culture of modern society in its relation to the United States. It is expressed in a negative attitude to American foreign policy, its way of life, culture, and to a lesser extent to the Americans themselves. Quite "gets

along" with the high rating and consumption of all "American". This article attempts a political science analysis of Paul Hollander's monographs "anti-Americanism rational and irrational" and "Political pilgrims". The article examines the social origin of the author and his attitude to the sentiments of the progressive American intelligentsia, which he defined as "anti-anti-communism". The book may be of interest to sociologists, political scientists, and philosophers, as well as to anyone who is attracted to the brilliance of wisdom and elegance of style.

Keywords: anti-Americanism, higher education in the USA, massmedia in the USA, churches

Прежде чем говорить об антиамериканизме, стоит сказать о причине, его породившей – «американизме», который появился на свет одновременно с возникновением США. Американизм – это представление о том, что Америка должна избавить Старый Свет от той скверны, в которой он погряз. Авторы Декларации независимости и Американской конституции были одержимы мессианством, считали себя избавителями человечества от зла и пороков. Они хотели построить в Америке общество, целиком и полностью основанное на христианской морали и на любви к ближнему, а потом эту политическую модель экспортировать в Европу.

Антиамериканизм — достаточно старое явление, которое, как и многие другие стереотипы такого рода, отличаются своей многоликостью, разнообразием и внутренним противоречием. Антиамериканизм стар так же, как сами Соединённые Штаты Америки. Для многих европейских переселенцев в Новый Свет Америка была неким «новым Иерусалимом», новым обществом, свободным от язв феодальной и монархической Европы. Однако эти идеи и оценки имели множество влиятельных противников.

Среди академических и практических политологов существует определенное согласие относительно того, что глобальный антиамериканизм в последние десятилетия находится на подъеме. Эти настроения достигли пика при администрации президента Джорджа Буша-младшего, политика которого была крайне непопулярна как в мире в целом, так и в странах Европы, традиционно считающихся союзниками США. При этом сам феномен отрицательного отношения к американскому обществу или к государственной политике Соединённых Штатов имеет более чем двухсотлетнюю историю. Так, среди европейских интеллектуалов тенденция к критическому восприятию американской культуры прослеживается уже с начала XIX в. После Второй мировой войны природа антиамериканизма в значительной степени изменилась, во многом следуя за ростом влияния США в мировой политике. Негативное отношение к Америке сейчас можно встретить во всех частях света, причем главным объектом критики обычно оказываются конкретные экономические и политические практики, ассоциирующиеся в массовом сознании с США и американцами (Жирков, 2014, с. 136).

Понимание феномена антиамериканизма является актуальной задачей для академических и практических политологов по крайней мере по двум

причинам. Первое связано с ролью Соединенных Штатов в политике современного мира. Дело в том, что геополитическое лидерство США, с которым не спорят даже его оппоненты, во многом основано на «мягкой силе»: привлекательность США для имиджа рядовых граждан и политических элит многих стран позволяет ей использовать дипломатию, в то время как другим международным акторам придется прибегать к принуждению. Таким образом, разрушение позитивного имиджа США подрывает одну из ключевых основ американской гегемонии на международной арене. Поэтому понимание природы и происхождения антиамериканизма очень важно для самих Соединенных Штатов и для тех, кто хочет бросить вызов их лидерству в мире.

Вторая причина изучения актуальности антиамериканских настроений напрямую связана с российским обществом. Широко распространено мнение, что после крушения советского режима проамериканские настроения россиян стали уступать место антиамериканским настроениям. Академическое исследование антиамериканизма в Российской Федерации обращает внимание на значительные колебания уровня негативного отношения российского общества к США. Эту неустойчивость часто объясняют ситуативными изменениями во внешней политике, в значительной степени игнорируя всепроникающие факторы антиамериканских настроений.

МЕТОДОЛОГИЯ

Стоящая перед настоящим исследованием задача заключается в анализе работ П. Холландера, посвященных анализу американского мирового доминирования и развития идей антиамериканизма, как ответной реакции на это доминирование. Исходя из описанной нами актуальности, объектом данной работы будет являться антиамериканизм, а в качестве предмета выступать оценка этого явления в трудах известного американского социолога П. Холландера. Для решения поставленной задачи были выбраны методы анализа и герменевтики, взяты отдельные приемы компаративистики и историографии.

ИСТОКИ И СМЫСЛ АНТИАМЕРИКАНИЗМА

В общем, антиамериканизм сродни антисемитизму или русофобии: он иррационален и абсурден, него против нет действенного противоядия, ибо в ряде случаев он представляет собой классический перевод стрелок для консолидации нации вокруг правителя и разжигания квазипатриотической истерии, в других – является формой психологической защиты масс или самореализации политиков и общественных деятелей наиболее помойного уровня. А нередко – просто вкусовщина: неприятие манер американцев приводит к ложному выводу об их порочности, как это произошло в случае Диккенса.

Однако корни антиамериканизма гораздо глубже. Он во многом коренится в потребностях народа, особенно правителей, в народных заблуждениях, в объекте ненависти и зависти, на который можно переключить все беды общественного недовольства и обвинений.

Известный американский социолог Пол Холландер (03.10.1932, Будапешт – 09.04.2019) опубликовал целый ряд работ, связанных с изучением общественно-политического климата в Соединенных Штатах. Он неоднократно обращался

к проблеме антиамериканизма и связанных с ним проблем оценки американского доминирования в мире. (Жирков, 2014, с. 134–148) Его книги получили весьма широкую известность: «Политические паломники: западные интеллектуалы в поисках хорошего общества» (1981), «Антиамериканизм: критика дома и за рубежом» (1992), «Политическая воля и личные убеждения: упадок и падение советского коммунизма», (1999) «Недовольство: постмодерн и посткоммунист» (2002) «Конец обязательств» (2006) «Единственная суперсила» (2009) «Экстравагантные ожидания» (2011) «От Бенито Муссолини до Уго Чавеса: интеллектуалы и век почитания политического героя» (2016)...

Книга «Политические пилигримы» Пола Холландера посвящена феномену утопического восприятия. На самом деле это история западных интеллектуалов, ищущих идеальное общество. По их мнению, выбор бесчеловечных и духовных капиталистических систем лежит на стране социалистического лагеря. Во время визитов на Кубу, в Китай, Советский Союз и Вьетнам западные гости игнорировали природу тоталитарных режимов в этих странах и восхищались энтузиазмом людей, образцовыми больницами, детскими садами, фабриками и даже тюрьмами, не подозревая, что они всего лишь участвовали в гениальном шоу под названием «техникой гостеприимства» - гостеприимство потемкинской деревни.

Автор утверждает, что причиной самообмана западных интеллектуалов в прошлом были не только реальные проблемы их собственных обществ (такие как Великая депрессия конца 1920-х и начала 1930-х годов, война во Вьетнаме и расовый конфликт в США 1960-х годов), но и идеализм, нереалистичные ожидания и надежды найти социальную систему, в которой царили бы гармония, счастье и равенство. Пол Холландер развенчивает утопию следующим образом: «Мое исследование подтверждает, прямо или косвенно, что ни одна политическая партия, ни одна идеология не способна решить все проблемы человека, хотя есть искушение восхищаться далекими странами, претендующими на то, что они-де способны решить все» (Холландер, 2001, с. 201–202).

Его книга «Антиамериканизм» – одно из фундаментальных современных исследований по этому вопросу – уже выдержала несколько изданий, что является прекрасной рекомендацией для российского читателя. В ней автор пристально рассматривает причины возникновения и разновидности антиамериканизма в самой Америке, а также причины стойкости этого явления, основываясь на огромном фактологическом материале. В результате перед нами открывается еще одна, ранее неизвестная Америка (Krastev, 2004, p. 23).

Попытки понять и объяснить феномен антиамериканизма предпринимались достаточно давно. Всвоей монографии П. Холландер «Антиамериканизм», автор доказывал, что нелюбовь к США зиждется на четырех столпах: 1) в потребности найти «козла отпущения»; 2) в сверхдержавности США; 3) в ассоциировании США со всеми проявлениями модернизации; 4) антиамериканизм постоянно подпитывается внешнеполитическими ошибками США (Холландер, 2000, с. 217).

П. Холландер отмечает, что имеется ничтожно мало государств, внешняя политика которых приводит к возникновению ненависти ко всему, населяющему их народу, целиком. В XIX веке подобную нелюбовь вызывали колониальные державы – Великобритания, Франция, в меньшей степени Германия и Россия. В XX веке на авансцену выступили Япония, Китай, Израиль, Индия, арабские государства.

ДВА ТИПА АНТИАМЕРИКАНИЗМА П. ХОЛЛАНДЕРА

П. Холландер предлагает выделять два типа антиамериканизма. Первая из гипотез базируется на предположении о неоднородности антиамериканских установок. Классическое разделение антиамериканизма на «иррациональный» и «рациональный» принадлежит американскому исследователю Полу Холландеру. Смысл этого различия ясен: если в одном случае речь идет о враждебности ко всему так или иначе связанному с Америкой, то во втором – о несогласии с политикой правительства США или о критике каких-то аспектов американского общества, которая может быть вполне оправданной.

Другое различие связано с предполагаемыми корнями двух типов антиамериканизма: если иррациональный антиамериканизм может быть обусловлен некими психологическими реакциями, то рациональный должен интерпретироваться как политическая позиция. Таким образом, первая гипотеза исследования состоит в том, что существует эмпирическое различие между двумя типами антиамериканизма (Холландер, 2000, с. 321).

Книга Пола Холландера «Антиамериканизм» посвящена не Зюганову, Ампилову и Лимонову, как можно было бы подумать, прочитав его название. Лишь небольшая часть книги посвящена особенностям Западной Европы, Мексики, Канады и других американских противников. Но главные герои книги – сами американцы, не простые, а «статусные»: профессора, писатели, кинорежиссеры, журналисты. Всех их, по мнению автора, объединяет одно-они не любят свою Родину, не уверены, что их собственные интересы созвучны государственным интересам, они наоборот, готовы броситься в объятия любого критика их Родины: от Фиделя Кастро до никарагуанских сандинистов.

«Агрессия, крайний индивидуализм и эгоцентризм – это краеугольные камни, основа американского образа мышления и мировосприятия. Воспитанные «с молодых ногтей» на принципах достижения личного жизненного успеха в самом буквальном смысле, любой ценой, жители нашей страны вполне закономерно перестают видеть в окружающих равных себе по ценности индивидуумов. Происходит тотальное расчеловечивание, в результате которого другие люди легко превращаются для истинного американца не только в фишки на его игровом поле или детали нужного ему механизма, но и в мишени на стрельбище. Самое страшное, что эта зараза, подобно трупному яду, распространяется из США по всему миру» (Холландер, 2000, с. 347).

В ряде случаев антиамериканизм выражается прежде всего в негативном отношении к внешней (а иногда и внутренней) политике США. Наиболее полно эту идеологию сформулировал Шарль Де Голль в своей знаменитой фразе: «Можете быть уверены, что американцы совершат все глупости, которые

смогут придумать, плюс ещё несколько таких, какие и вообразить невозможно». Однако ещё Жорж Клемансо в начале XX века заявил: «Америка – единственная страна, которая от варварства перешла прямо к упадку, минуя стадию цивилизации».

Но что касается демократии, то миру у американцев учиться нечему. Циничным автократиям, правда, можно перенять у американского истеблишмента поразительную способность оболванивать собственное население: если с пеленок постоянно вдалбливать человеку, что он живет в самой свободной стране, то ему будет казаться, что он действительно живет в самой свободной стране.

Большинство американцев не замечает, что их страна – это не демократия, а корпорократия (так эксперты называют общество, в котором власть принадлежит корпорациям). Многие зарубежные аналитики, а также немногие думающие американцы, часто именуют американскую пародию на демократию «псевдодемократией» (Дубин, 2002, с. 156–157).

Автор явно отказывается объяснять этот тип соотечественников, это связано с деталями его биографии. Пол Холландер родился в Венгрии и в юности испытал все преимущества жизни в стране, где строился социализм. В 1950-е годы ему не разрешили поступить в университет, затем отправили вместе с семьей в деревню, затем отправили служить в строительный лагерь, позже ему разрешили вернуться в Будапешт и работать строителем. Только в конце 1956 года, после того, что сам П. Холландер назвал Венгерской Октябрьской революцией, убежал от советских танков через австрийскую границу, его дальнейшая судьба складывалась совершенно иначе: Лондонская школа экономики, докторская степень по социологии в Принстонском университете, (с 1959 года он в США) ведение семинаров в Гарвардском университете и, наконец, преподавательская должность в Массачусетском университете в Амхерсте.

Человеку с такой биографией, конечно, должны быть странны и глубоко непонятны настроения прогрессивной американской интеллигенции, которые он определили как «антиантикоммунизм». П. Холландеру они показались еще и интересным предметом для изучения; результат – две толстые обстоятельные книжки (Гаевой, 2013, с. 203–206).

Понятно, почему П. Холландер ценит демократическую свободу не только как ученый, но и как личность. Он не признает, что правило «хорошего вкуса», которое призывает уважать права диктаторов (например, в форме пыток или ареста политических заключенных). Как показал П. Холландер на многих примерах, эти правила были установлены в значительной части «образованного» сообщества в Соединенных Штатах, которое считало, что сандинисты в Никарагуа закрыли оппозиционную газету в 1980-х годах (потому что она выступала против революции!), изгоняли индейцев мискито (потому что это временно!), арестованных политических оппонентов (все они пособники бывшей диктатуры!), перенос выборов (ведь формальная демократия – не главное!). Но в своей собственной стране, где такого нет, такие люди видят признаки надвигающегося фашизма, произвола, дискриминации и прочих ужасов (Гаевой, 2013, с. 203).

П. Холландер приводит много примеров агрессии американских радикалов против тех, кто с ними не согласен - их избивали, угрожали и устраивали «кошачьи концерты» на лекциях (я могу себе представить, как трудно самому доктору Холландеру, потому что в его колледже больше левых, чем в среднем по американским университетам). А слова учителя одной из средних школ Бруклина, что темнокожие диктаторы, угнетают людей не меньше, чем белых в ЮАР (это было в 1989 году), вызвали массовую резню в этой школе и отстранение «провинившихся» от работы. Авторы «аполитичной корректности» фактически связывают многие признаки американской политкорректности с антиамериканизмом, который вызвал шок у россиян, оказавшихся за границей: постоянная борьба со злобными расистами, воинствующий феминизм, лихорадочный поиск угнетенных для их защиты (а в категорию «униженных и оскорбленных» входит значительная часть населения страны). Сам Холландер, однако, показывает ограниченность этого направления: оно ограничено левыми интеллектуалами (Андреев, 2011, с. 127–129).

Каковы причины антиамериканизма у американцев, причем зачастую весьма успешных и образованных? П. Холландер ищет ответы в психологических характеристиках людей: смятение, тревога и негодование критиков американского общества – больше американцев, чем иностранцев – происходят из источника разочарования в их собственных неустанных и тщетных усилиях найти смысл жизни. Поэтому постоянно перебрасываемся с одного левого идола на другого, стоит отметить, что нынешний тоже компромиссный (O’Conner, 2005, p. 183).

В «Антиамериканизм» П. Холландер демонстрирует высокую степень терпимости в демократических обществах, к такому, прямо скажем, девиантному поведению значительной его части. Санкции налагаются на радикалов только тогда, когда они совершают насильственные преступления (например, захватывают здания в знак очередного протеста), однако они очень мягкие и обычно не влияют на их дальнейшую карьеру. Конкретные примеры приведены в книге. На мой взгляд, такое поведение американцев вовсе не свидетельствует о слабости демократии, напротив, о ее чувстве власти.

«Антиамериканизм» – прежде всего книга об американской общественности, прогрессивной и радикальной. «Внешнему» антиамериканизму – как и за что не любят Америку в остальном мире – посвящено не больше четверти ее объема. Не потому, конечно, что тут нечего изучать, наоборот (автор, взяв одним из эпиграфов слова Курта Воннегута «Ни одну страну в мире не ненавидят так, как нашу», не очень их оспаривает) – просто ему не занимательно. Остальные шестьсот страниц мелким шрифтом – про своих (Холландер, 2000, с. 403–404).

По жанру это не может не напомнить «Образованщину» Солженицына или «Русофобию» Шафаревича – гораздо более обстоятельно и академично, но все равно от ощущения, что «как будто про нас», не отделаться. Книга была закончена почти десять лет назад, когда Америка еще не скорчилась под гнетом политкорректности и не увязла в мультиткультурализме (о них П. Холландеру

пришлось дополнительно рассказывать в предисловиях к следующим изданиям), но все равно картина получается впечатляющая.

Захваченные прогрессивными радикалами университеты, заискивание перед потерявшими всякое чувство меры феминистками, разных направлений активистами, выбравшие уничтожающую критику - самый выгодный и продаваемый товар – газетчики и литераторы – все такие радости американской общественной жизни подробно описаны и разложены по полочкам (Дубин, 2002, с. 156–157).

И все же главный вывод вопроса о том, какие же именно факторы – специфические или универсальные – отвечают за распространение антиамериканизма в мире. Регрессионный анализ показывает наличие стабильных связей между антиамериканизмом и переменными как социально-экономического, так и культурного плана. Более того, эти переменные объясняют 55 % дисперсии культурного антиамериканизма и 45 % дисперсии антиамериканизма политического. Это означает, что понять антиамериканизм, сфокусировав внимание исключительно на особенностях внутренней политики той или иной страны, заведомо невозможно. Антиамериканизм подчиняется кросс-национальным закономерностям и поэтому должен исследоваться с помощью сравнительных методов (Андреев, 2011, с. 127–129).

Американское общество культивирует в высшей степени индивидуалистическую социальную установку, т. е. равнодушие, эгоизм, гедонизм, отсутствие сострадания и чувства общества. С другой стороны, часто утверждают, что люди не могут в достаточной мере контролировать свою собственную жизнь, что американское общество слишком гомогенизировано.

Излюбленный сюжет П. Холландера, с которого и начались его исследования – «политический туризм» прогрессивных западных интеллектуалов в страны своей мечты и надежды: Советскому Союзу, Китаю и Кубе посвящена отдельная книга, «Политические пилигримы», Никарагуа – одна из глав в «Антиамериканизме». Тоже очень красочно. Скажем, поездка высокопоставленного чиновника рузвельтовской администрации в послевоенный Магадан, когда были срочно срыты сторожевые вышки и ограда с колючей проволокой на въезде в город, в магазины на один день завезли немислимые деликатесы всех сортов (вроде их даже можно было купить), а жен нквдшных офицеров переодели в белые халаты и привезли на пригородную ферму изображать доярок – в результате визитер увидел на редкость благостную картину, «что-то среднее между TVA и HudsonBayCompany»; и еще немало умильного (Гаевой, 2013, с. 203–206). Нелюбовь к США приняла глобальные масштабы и имеет весьма необычные проявления.

Автор попытался доказать, что нелюбовь к США зиждется на четырех столпах: во-первых, в потребности найти «козла отпущения», во-вторых, в сверхдержавности США, в-третьих, в ассоциировании США со всеми проявлениями модернизации. В-четвертых, антиамериканизм постоянно подпитывается внешнеполитическими ошибками США. Здесь П. Холландер отмечает, что имеется ничтожно мало государств, внешняя политика которых приводит

к возникновению ненависти ко всему, населяющему их народу, целиком. В XIX веке подобную нелюбовь вызывали колониальные державы – Великобритания, Франция, в меньшей степени Германия и Россия. В XX веке на авансцену выступили Япония, Китай, Израиль, Индия, арабские государства (Жирков, 2014, с. 134–148)

ВЫВОДЫ

В дискуссиях об антиамериканизме в большинстве случаев отсутствует точное объяснение того, что влечет за собой сантимерт (кромее обшей неприязни), что привело к широкому и импрессионистическому использованию этого термина, что привело к неточным впечатлениям от многих выражений. охарактеризован как антиамериканский.

Антиамериканизм, если описать его одним-двумя словами? Многие мыслители считают, что антисемитизм - это в основном ожесточенное противостояние между язычниками и евреями, которые изобрели кодекс этики и привязали необузданные порывы свободных варваров к цепи Десяти Заповедей. Точно так же антиамериканизм – это прежде всего страх перед недобросовестными рыночными факторами и дестабилизирующими потрясениями, которые потенциально могут подорвать статус-кво; другими словами, страх перед модернизацией и «созидательным разрушением», буйством рыночных факторов.

Америка является и наиболее передовым и самым отсталым обществом. Ее культура или привлекает, или отталкивает, но никого не оставляет равнодушной. Официальное общество и многие простые американцы отрицают даже само существование определенных общественных классов, но страну раздирает глубокая и все усиливающаяся социальная дифференциация.

Недаром главным врагом США является стабильность идеологических правителей и мыслителей, застоявшихся в богатых и процветающих странах. Но взоры всех жертв угнетения в мире обратились к Соединенным Штатам: только оттуда они надеются спастись. Не случайно иранская молодежь, борясь под игом аятоллы, молилась не за Францию, а за Соединенные Штаты. Неслучайно китайские студенты в 1989 году воздвигли не копию Триумфальной арки в Париже на площади Тяньаньмэнь, а статую Свободы Нью-Йоркской гавани, с ее факелом, дорога к освобождению, всех униженных и оскорбленных нашей планеты.

Для многих людей страх перед Америкой – это просто страх перед «гигантом». «Большое» многим кажется опасным. Американцам приписываются черты, которыми они зачастую либо вовсе не обладают (алчность, снобизм), либо обладают в той же степени, что и все западные люди (меркантилизм, приверженность массовой культуре, «бездуховность»).

Одна из особенностей антиамериканизма в том, что он более распространен среди интеллектуалов, нежели обывателей. Простой народ чаще всего не имеет на этот счет четко выраженной позиции, он не способен к столь продуманной и изощренной аргументации.

Список литературы

1. Андреев Р. В. Антиамериканизм в современной России: общие тенденции и специфические черты // Вестник Пермского государственного университета. Серия «Политология». – 2011. – № 3 (15). – С. 127–129.
2. Гаевой Г. Е. Проявление антиамериканизма в Германии в период администрации Буша // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 372. – С. 203–206.
3. Дубин Б. Антиамериканизм в европейской культуре после Второй мировой войны // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2002. – № 3. – С. 156–157.
4. Жирков К. А. Антиамериканизм как рессентимент и политическая позиция: поиск универсальных закономерностей // Полития. – 2014. – № 3. – С. 134–148.
5. Холландер П. Антиамериканизм рациональный и иррациональный. – СПб. : Лань, 2000. – 864 с. – (Мир культуры, истории и философии).
6. Холландер П. Политические пилигримы: путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928–1978. – СПб. : Лань, 2001. – 592 с.
7. Krastev I. The Anti-American Century? // Journal of Democracy. – 2004. – № 2.
8. O’Conner B. The Rise of Anti-Americanism. – NY: Psychology Press, 2005. – P. 183.

НАУЧНАЯ ЭЛИТА

ЮБИЛЕИ

Нашему другу и коллеге Александру Николаевичу Чумакову 1 октября 2020 г. исполнилось 70 лет! Он известный российский философ, теоретик и организатор науки; специалист в области социальной философии, философии и методологии глобальных исследований. Доктор философских наук, профессор факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, член Президиума Российской экологической академии. Главный редактор журнала «Век глобализации». Автор более 650 научных работ в области философии и глобалистики, более 30 монографий, учебников, справочных изданий, в том числе на английском, китайском, немецком, французском, польском и других иностранных языках.

Постоянный участник и организатор Российских и Всемирных философских конгрессов. Инициатор издания, редактор и автор статей серии фундаментальных международных трудов по глобалистике. Лауреат Международной Премии Мира Гузи (2015).

С 1984 г. – Ученый секретарь секции общественных наук при Правлении Всесоюзного общества «Знание». В 1987 г. был избран Главным ученым секретарем Философского общества СССР и перешел на работу старшим научным сотрудником в Институт философии Академии Наук СССР. С 1991 по 2019 гг. постоянно переизбирался на должность Первого Вице-президента Российского философского общества. В 1991 г. в Институте общественных наук защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора философских наук по теме «Социально-философские аспекты глобальных проблем». В 1993 году присвоено учёное звание профессора.

Заслуженный профессор Финансового университета при Правительстве РФ, Почетный доктор Башкирского государственного университета, Приглашенный профессор Линк Кампус университета (Link Campus University; Рим, Италия), Приглашенный профессор Пекинского педагогического университета (Пекин, Китай).

Родился Александр Николаевич в 1950 году в семье рыбака в с. Северное, Каспийского района Астраханской области)(ныне Лаганский район Республики Калмыкия). В 1972 году он окончил промышленного, технического колледжа в городе Хадыженск в Краснодарском крае. С 1972 по 1975 год работал мастером бурения скважин на полигонах ядерных испытаний в Семипалатинске и Новой Земле. В 1975 году его приняли на подготовительное отделение философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, который он окончил с отличием в 1981 году. Также он окончил аспирантуру МГУ, получив степень кандидата наук в 1984 г. и доктора наук в 1991 г. Докторская диссертация Чумакова была посвящена теме «Социально-философские аспекты глобальных проблем». С 1990 года Чумаков является ведущим научным сотрудником и руководителем группы «Глобалистика» в Институте Российской академии наук. Он стал профессором в 1993 году, а с 2008 года работал профессором кафедры глобальных процессов МГУ. В настоящее время он преподаёт в университете несколько специализированных курсов, в том числе курс «Глобалистика». С 2009 года Чумаков также работал заведующим кафедрой философии в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации.

А.Н. Чумаков постоянно выступает с докладами и лекциями в России и за рубежом. Им прочитано более 70 докладов на конференциях. У него 20 членств в редколлегиях журналов (он является членом редакционного совета и нашего журнала), 38 членств в редколлегиях сборников, 18 членств в программных комитетах, 3 членства в диссертационных советах, 5 диссертаций, 20 выступлений в СМИ.

Был одним из главных инициаторов и организаторов семи Российских философских конгрессов: I (Санкт-Петербург, 1997); II (Екатеринбург, 1999); III (Ростов-на-Дону, 2002); IV (Москва, 2005); V (Новосибирск, 2009); VI (Нижний Новгород, 2012); VII (Уфа, 2015). Он был участником XI Всемирного социологического конгресса (Дели, 1986), а также участником, приглашенным докладчиком и руководителем секций, симпозиумов и круглых столов на последних семи Всемирных философских конгрессах: XVIII (Брайтон, 1988);

XIX (Москва, 1993); XX (Бостон, 1998); XXI (Стамбул, 2003); XXII (Сеул, 2008); XXIII (Афины, 2013); XXIV (Пекин, 2018).

Во время XXI Всемирного философского Конгресса (Стамбул, 2003) А.Н. Чумаков организовал уникальный проект – возвращение «Философского парохода». Для доставки 150 российских философов из Новороссийска в Стамбул был специально зафрахтован теплоход «Мария Ермолова». Во время работы конгресса корабль стал гостиницей на воде и привлек к себе значительное внимание иностранных участников Всемирного философского форума. Затем состоялось символическое возвращение «Философского парохода» в Россию.

После окончания XXII конгресса (Сеул, 2008) он организовал другую масштабную философско-просветительскую акцию: 83 российских и зарубежных философов прибыли на теплоходе “Dong Chung Ferry” из Южной Кореи во Владивосток. Затем они, на специально застрахованном «Философском поезде» проехали от Владивостока до Москвы с остановками в крупнейших городах России: Хабаровске, Чите, Улан-Удэ, Иркутске (с выездом на Байкал – по Ангаре на теплоходе), Красноярске, Новосибирске, Екатеринбурге и Казани, где читали лекции, проводили творческие встречи, рассказывали об итогах конгресса.

Александр Чумаков является ведущим российским представителем глобализма, который, по его словам, «представляет собой светское течение мысли, направленное на формирование мировоззрения, выходящего за рамки разделения между Россией и Западом, обеспечивая новую философскую основу для их интеграции и окончательного единства».

Редакция ежегодника «АСТРАПОЛИС»

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ОТ ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ

Мустафа Исаевич Билалов, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания ДГУ: «Он соразмеряет смысл жизни с Абсолютом».

Мы с Александром Николаевичем почти ровесники, люди одного поколения, одного призвания, одного мировоззрения... Многое нас объединяет и в биографиях – деревенское происхождение, служба в армии, вузы, стройотряды, окончательный профессиональный выбор, РФО... Даже семейное счастье нам обустроили одни девочки – обошлись без потомка – носителя фамилии, мальчика. Но, пожалуй, «университеты жизни» Александра Чумакова были «покруче»: солдатская служба от и до, рабочий на буровой, МГУ, затем трудолюбивого, целеустремленного и честолюбивого молодого человека ждала всероссийская известность - три с лишним десятка лет руководства в Российском философском обществе с самого основания, главный редактор энциклопедии по глобализации и специализированного журнала...

Не раз был профессор Чумаков в Дагестане с высокой научно-образовательной миссией. Возможно, все это и составило каркас полного смысла жизни Александра Николаевича... Дела и поступки, которые имеют конкретно-исторический характер, соразмеримы в широком социальном контексте. Мы живем в мире, когда на авансцену истории выходят широкие массы радикально настроенных и недостаточно духовно развитых людей. Деформированы основополагающие смысложизненные ориентиры – дружба, любовь, совесть, достоинство и т.п. В сознании индивидов доминирует «установка иметь, но не быть», на первый план выходит гордыня и тщеславие.

Человек Чумаков был и остается иным, смысл своей деятельности он соразмерял с Абсолютом: идеалом высокой философии, гражданским обществом, которое «в России должно быть непременно построено», верностью дружбе, доброй памятью добрым делам...

В нашем поколении, в XX веке, восприятие возрастных градаций было устойчивым – до 20 лет человек формировался, с 21 до 40 – реализовывался, с 40 до 60 считался ответственным поколением общества. Дальнейшая его судьба не считалась общественно значимой. Ныне возросшая продолжительность жизни увеличило эту цифру зрелого и ответственного возраста еще лет на 20–30... Так что, дорогой наш Александр Николаевич, ты только в самой ответственной физической и духовной форме. Дерзай и твори, обретай и реализуй подлинный смысл своей счастливой жизни!...

Малюкова Ольга Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), выпускница философского факультета МГУ 1981 года.

Само появление этой заметки во многом связано с многогранной деятельностью Александра Николаевича Чумакова, юбилей которого его друзья и соратники отмечают в этом году. Именно ему отечественные философы обязаны воссозданием собственного профессионального сообщества РФО, именно он создал современную интеллектуальную философскую среду коммуникации, именно он познакомил отечественных философов друг с другом. Действовал Александр Николаевич при этом средствами сетевого маркетинга: организовывал философские Конгрессы, создал информационный Вестник РФО, вывозил отечественных философов на всемирные философские Конгрессы, организовывал философские десанты и совещания в различных городах РФ.

Если попробовать перечислить все города и страны, то получится солидный список: Астрахань, Афины, Бостон, Владивосток, Екатеринбург, Калуга, Нижний Новгород, Новороссийск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Стамбул, Уфа, Ярославль и т.д. Как следствие, в каждом городе появлялась ячейка РФО. За эти тридцать лет мы привыкли к тому, что многие философы хорошо знакомы друг с другом, что к любому члену РФО можно обратиться с просьбой и тебе ответят, и помогут.

А начиналось все как обычно, даже не с маленького ручейка, а с 1 сентября 1976 года, когда я, Малюкова Ольга Владимировна, пришла в первую

поточную аудиторию первого корпуса гуманитарных факультетов на свое первое университетское занятие. С Александром Николаевичем Чумаковым мы оказались в одной группе, и как-то очень быстро стали вместе сидеть на лекциях. Сколотилась небольшая компания – Ольга Зубец, Саша Чумаков и я: две семнадцатилетние девочки-москвички и двадцатипятилетний парень, после занятий ходили в столовую, а затем в библиотеку. Саша к 1 сентября был уже опытным студентом, знал всякие местные правила, и у него было чему поучиться.

После первой сессии выяснилось, что все мы сдали ее на «отлично», хотя никто специально никому не помогал, мы даже иностранные языки учили разные – английский, французский и немецкий. А первая сессия – это очень серьезный показатель, только что ты был душой общества, а вот ты уже троечник или задолжник. А наш коллектив и вторую, и все последующие сессии сдавал и сдавал на «отлично». Уже началась специализация, нас развели по разным группам, но на лекциях мы учились вместе до самого окончания университета. Конечно, такой уровень коммуникации предполагал хорошее знание своих товарищей, и уже в то время мне было ясно, что из Саши может получиться толковый руководитель, если только позволит «социальный лифт». К счастью, позволил. Он стал одним из первых на нашем курсе доктором наук и профессором. В 2016 году к 35-летию окончания философского факультета по предложению А.Н. Чумакова и под его руководством мы организовали первую встречу выпускников нашего курса. Почему так поздно? А потому, что все наши сокурсники, благодаря Саше, все эти годы общались в формате РФО. А на эту встречу пришли и те, кто не попал в этот формат. В 2021 году исполняется 40 лет со времени окончания факультета, некоторые сокурсники опять предлагают встретиться во время проведения Конгресса РФО. Кто станет организатором подобного мероприятия? Я полагаю, что либо за это возьмется Александр Николаевич, либо ..., поживем – увидим. В любом случае, юбилей – это начало нового этапа жизни и творчества, а для меня Саша так же молод, умен и красив, как и в годы нашей совместной учебы.

Михаил Анатольевич Пронин, руководитель исследовательской группы «Виртуалистика» (www.virtualistika.ru), старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН (<http://iph.ras.ru>), кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник.

«20 лет на Чумаковских галерах»

Река памяти моей из прошлого века несёт уж и меня к причалам остановок и портам подведения итогов. Одни из притоков её - поток эпохи А.Н. Чумакова в Российском философском обществе (РФО). Сегодня это суводь поодаль от стрежня жизни, что крутится в памяти моей.

Я член РФО с 2000 года: за плечами вояжи на Ростов-на-Дону, Новосибирск, Москву, Нижний Новгород, Уфу – понятно, куда и зачем, – на общероссийские философские конгрессы! Здесь же и Первый – незабываемый, долгожданный – Белорусский конгресс. В давние века за участие в пяти крестовых

походах посвящали в рыцари, какой никакой, но уже ветеран философского, временами, казалось бы, броуновского движения. Да, жизнь на первый взгляд случайно, но и то лишь на первый! - выплёскивала меня вместе с философским обществом из российского философского чугунка в большой мир!

Я участник рейдов российского философского корпуса за рубеж: брал с корабля на abordаж Босфор. Десантировался с воздуха в Сеуле и уходил из него морем, а затем философским поездом опоясывал матушку Россию от Владивостока до Москвы. Варяжил в греки: покорил акрополь в Афинах и совершил набеги на острова. Батрачил нежданным русским добровольцем на Великой китайской стене (скептикам могу прислать фото).

Ведаю, что философская немезида мне предуготовила уж и далёкий Мельбурн в неведомой мне Австралии.

Всё это моя жизнь! Философская жизнь моя и моих собратьев по РФО.

Конечно, РФО это политика, это омофор её президента В.С. Степина со своими внутренними стратегическими задачами установления приоритетов, направлений главного удара, мест проведения всех философских операций. Тут ни отнять, ни прибавить. Но все мы знаем, что у верховного главнокомандования РФО был настоящий Генеральный штаб в годы войны с философией – да, тихой, да, незаметной, но войны! И штаб этот возглавлял Александр Николаевич Чумаков: синяки ему и шишки!

Пирог и пышки вкушали мы, кто поддавался на магию его организационных идей и порывов. Именно Чумаков превращал сухую философскую мысль рациональных решений в живую жизнь российского философского общества.

Я, как человек, чьё членство в различных общественных организациях (политических, профессиональных, экологических и культурных) превысило годы моей жизни – параллелизм в этом деле никто не отменял, – как управленец (вторая специальность с моей кандидатской диссертацией "организация тыла вооружённых сил"), в свободное от научной и философской жизни профессионально занимающийся управленческим консультированием и тренингами (свидетель кончины трёх профессиональных ассоциаций управленцев высочайшего уровня); как врач по образованию (первая специальность в кандидатской "внутренние болезни") могу утверждать клинически. Социальная патанатомия общественных объединений и организаций, которые я пережил, похоронил и имел возможность препарировать, приводит меня к одному неутешительному заключению: порок эпистемы у выдающихся руководителей состоит в том, что они полагают, что общественными объединениями или ассоциациями можно руководить так же, как и бизнес-организациями или институтами. Но это разные сущности! И онтологически, и этически! Член общества не сотрудник, но всегда у состоявшегося руководителя есть ожидание, что он-то кошек пасти сумеет.

На этот счёт у меня есть давняя работа «Профессиональные объединения, которые мы можем себе позволить» (ИнтерТренинг: журнал для тренеров и консультантов НКО. 2004. № 7. С. 4–6). На моей странице Института

философии РАН есть ссылка на PDF, по которой изредка меня находят успешные управленцы, у которых "неожиданно в этот раз не получилось". Обычно встречу просят после третьей неудачной попытки в очередной раз создать общественное объединение. Это к тому, что знаю, о чём пишу здесь.

Жизнь философа как мыслителя, писателя, преподавателя, исследователя и как члена философского сообщества – это всё разные жизни. В них по-разному можно быть счастливым. Знаю многих успешных, состоявшихся и известных коллег, что чураются, сторонятся, не понимают жизни в профессиональных союзах и объединениях. Полагаю, здесь всё ясно!

Теперь вернёмся к юбилею!

С высоты совместно покорённых философских вершин, возвращаясь домой – просто некуда деться, – могу сказать, что гений Александра Николаевича, как вице-президента РФО, блистал в его умении работать с этой самой живой сущностью общественного объединения людей, для которых философия - часть их жизни, сама их жизнь, их жизненный выбор. Это его умение, страсть и включённостью в создание общего философского антропоценоза порождали чудо. Не только я сам себе завидовал, участвуя, вкушая и, временами, скромно помогая: история моего письма в крупную фармацевтическую компанию с просьбой поддержать наш философский поезд спонсорской помощью в виде поставки нескольких ящиков (злые языки уж бают о доброй сотне) философского напитка - требует отдельного пера. Скажу лишь, что поддержка была оказана надлежащим образом: о чём имеется архив копий циркуляров, что получал президиум РФО от руководства компании-спонсора. И письмо было хорошо написано, раз руководитель его зачитал директорам с комментарием - "вот как надо просить"! И мужество у Чумакова было на месте, чтобы подписать это обращение. Нестандартность, невозможность – это не те преграды, что могут смутить Александра Николаевича.

Поэтому завидуют нам и покорители Куршевелей (фр. Courchevel), что в бессильной злобе не могут себе позволить роскоши парашютов, поездов и прочих наших философских способов времяпровождения: ни по продолжительности, ни по интеллектуальности "симпозионов", ни по пестроте характеров и портретов. И это не фигура речи: проверено на себе и на куршевелянах; рассказывал им, как надо работать, отдыхая, и отдыхая работать и в жанрах былины/сказания, и притчи, и анекдота.

Вот вам одна из историй, когда я ощутил, что значит быть "на чумаковских галерах".

Хотите – верьте, хотите – нет, но дело было так!

Как-то бороздя просторы греческих морей – год, напомним, стоял тогда 2013, год конгресса в Афинах, – посещали мы по два острова в день! С раннего утра один, а после позднего обеда уже остров второй. Впечатлений захлёб, чтобы успеть ухватить и переварить – надо ж поделиться с ватагой коллег по Среднеземноморскому круизу! Ложились далеко за полночь, а ни свет ни заря, а ещё точнее – до зари, – уже подъём, завтрак, не редко не пристань, а баркасы и на новый остров... На бегу, сходу берём очередную крепость: преодолеваем обязательный поворот налево – кто не в теме, прошу прощения! Очередной

"лучший местный экскурсовод" – у нас длинные руки! Чумаков обеспечивал самых-самых лучших! – врёт, как очевидец и участник прошлых штурмов... Профессора от философии внимают, затаив дыхания и вращая глазами от ужасов штурмов и хитростей философии фортификации... Затем экскурсоводы гонят бегом в правильные места к правильным пчёлам: возьмите то же вино "GoldenSamos"!.. Не удивительно, но заморская прожжённость в эксклюзиве, она же широта, хотите философского, хотите жизненного миропонимания, помогает и дома! Вина "Золотой" и "Серебряный" Дербент гостеприимная Махачкала шёпотом с придыханием уважения достаёт, закатывая глаза, из закров дорогом гостям, которые знают, что хотят! Не знаешь, где найдёшь!

Случались чудеса и покруче! В одном из древнейших храмов служитель, ничего не говоря, берёт меня под руку, открывает ризницу, усаживает на деревянный трон и оставляет побыть наедине со святынями: "глаза в глаза" с главой святого апостола Фомы... Экскурсия прошла без меня. Но потом участники подходили и делились: экскурсовод сказал, что мол, вот ризница, она всегда закрыта, но там находятся святыни христианского мира... Подхожу, смотрю в окошечко и вижу... Личное оставим для другого случая.

День уж на пятый череды подобных чудес, сидя в баркасе, возвращающемся от острова на наш лайнер, вдруг мой взгляд выхватывает из груди пассажира совершенно спокойного, довольного и расслабленного Чумакова: сидит у форштевня, смотрит вперёд. В тот миг, как обычно пишут известные мемуаристы в зачитанных до дыр завистливыми читателями воспоминаниях, я ощутил себя рабом на чумаковских галерах! Что я пять дней физически гребу сквозь гущу впечатлений и шторм невообразимых событий!.. Что я плыву в мире, придуманном Александром Николаевичем!

Конечно, экспедиции РФО – это встречи с новыми для меня людьми. Сегодня уже любимыми и дорогими моему сердцу: скажу лишь об уже ушедшем Сергее Васильевиче Полатайко из Санкт-Петербурга. Это мой сосед по каюте на философском пароходе "Мария Ермолова" в Стамбуле: встреча, мужская дружба и судьба на короткие 17 лет. Мы с ним поднялись в квартале рядом с Французским пассажем в порту на крышу - отдельная история. И я сфотографировал крыши Стамбула - вернее, православные храмы на крышах домов русских эмигрантов первой волны.

На какой кафедре или в каком институте подобное можно пережить? Только объединения дают возможность увидеть мир, жизнь в удивительных ракурсах! Но это всё скрыто: чтобы извлечь чудо из общественного человека – виртуального в понимании такового школой виртуалистики Н.А. Носова (и здесь нужны слова благодарности Александру Николаевичу за поддержку нестандартного научного и философского направления) – руководителю надо иметь человеческий посыл шире, сильнее и глубже профессионального! Мало того, что Чумаков обладает этим даром, он им блестяще, осознанно (не по наитию) и произвольно (не случайно, воспроизводимо) пользуется!

Эпоха Александра Македонского для меня, благодаря Александру Николаевичу Чумакову, не пустое историческое эхо.

Вячеслав Иванович Кудашов, доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск)

С Александром Николаевичем Чумаковым мы познакомились на первом Всероссийском философском Конгрессе в Санкт-Петербурге. Вместе гуляя у Финского залива, мы азартно обсуждали перспективы развития философского общества в новом столетии. Какими манящими они тогда казались! Александр Николаевич всегда был настоящим мотором философского сообщества, креативным лидером и центром притяжения всех сочувствующих движению РФО на огромном постсоветском пространстве. Его идеи "философского парохода" из Новороссийска в Стамбул, "философского поезда" из Владивостока в Москву и огромный труд по их воплощению сделали РФО значимым явлением мировой философии. Я искренне рад быть его товарищем и сподвижником и всегда восхищаюсь его умением совмещать глобальное мышление и конкретность практических действий!

Леонид Яковлевич Подвойский, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Астраханского государственного университета

Это просто замечательно, что порой в жизни случаются встречи и знакомства с такими людьми, подружившись с которыми, понимаешь, насколько беднее интеллектуально и эмоционально была бы твоя собственная жизнь без дружбы и общения с ними. Александр Николаевич для меня как раз из таких друзей. Краткая история нашего знакомства выглядит следующим образом. Познакомились мы с ним в студенческие годы в МГУ им М.В. Ломоносова. Я тогда еще не предполагал, что через некоторое время окажусь в Астрахани на ПМЖ, как говорят, и таким образом стану, образно говоря, его земляком. Потом примерно в году 1985 или 1986 (точно не помню) мы встретились в Астрахани, можно сказать, на официальном уровне. Я в то время работал лектором областного комитета КПСС и курировал некоторые направления работы областной организации общества «Знание», а Александр Николаевич с коллегой приехали в Астрахань с целью читать лекции по линии Всесоюзного общества «Знание». Встретились, по-деловому пообщались, разошлись... Предметно мы стали общаться с 2000 года, когда я стал председателем Астраханского отделения Российского философского общества.

В начале XXI века Александр Николаевич через Валерия Михайловича Адрова подал нам идею проведения Международной научной конференции «Россия и Восток. Философские проблемы геополитических процессов: Каспийский регион на рубеже III тысячелетия» (апрель 2001 года). Это была первая конференция такого масштаба на базе нашего университета в новом столетии/тысячелетии. Кстати, именно Александр Николаевич в выступлении с докладом на этой конференции высказал мысль о создании журнала «Каспийский регион» (окончательное название было сформулировано позже). Потом у меня были с ним встречи в Москве, в Махачкале, опять в Астрахани (я был знаком с его мамой и сестрой – светлая им память!). А еще были и есть звонки

и переписка по электронной почте: и деловая, и чисто дружеская. Хочу заметить, что даже по переписке видно, какой это организованный, ответственный и внимательный человек – отвечает в тот же день, в крайнем случае, на следующий день. И это при его огромной занятости и переписке!

Вот именно благодаря своей организованности, мобильности, ответственности, вниманию, доброжелательности, предприимчивости, уму, обаянию, интеллигентности и какому-то магнетизму ему и удалось быть одним из вдохновителей и организаторов нескольких Российских философских конгрессов, символического возвращения «философских кораблей» на Родину и многого чего еще! В том, что Российское философское общество (РФО) является вторым по численности в мире после Американской философской ассоциации (АРА), безусловно, есть немалая заслуга Александра Николаевича.

Александр Николаевич – человек многогранный и неординарный. Помимо больших достижений в научной и организаторской деятельности, он неплохо «владеет пером», удачно рифмуя серьезные мысли, играет на гитаре, поет. Не удивлюсь, если окажется, что он еще и рисует (просто разговор об этом как-то не заходил).

А еще нас с ним сближает увлечение коллекционированием афоризмов и ярких высказываний философов, ученых, писателей. Это сейчас все просто – открыл компьютер и нашел все, что захотел. А раньше надо было найти интересную, глубокую мысль в книге или журнале и переписать ее в блокнот. Хорошо это знаю, потому что у самого до сих пор сохранились такие блокноты. Поэтому я с удовольствием, радостью за него, и даже с некоторой завистью узнал, что он издал прелестную книжицу «Не нами сказано, не нам и забывать». Я с интересом смотрел, как проходила презентация этой книги (он меня заранее предупредил и дал ссылку). Довольно многое из того, что там есть, я уже знал, но, как говорится, вразной. Он же эти высказывания систематизировал, и они как-то по-новому зазвучали. Книгу эту Саша мне подарил (прислал по почте) с такой надписью:

«"...Здесь есть ирония, серьезное
и дегтя ложка,
Чтоб ты расслабился немножко".

Иногда нет-нет, да и открываю его книжицу для расслабления... Помогает – проверено! Мечтаю сделать (издать), не повторяясь, нечто подобное, ибо «его пример, другим наука...»!

Об Александре Николаевиче можно много еще сказать, но на сей раз ограничимся этим. Будут у нас впереди юбилеи и еще! Саша, горжусь дружбой с тобой и надеюсь, что она продлится и дальше. Хочу особенно подчеркнуть, что, общаясь с тобой, чувствуешь правоту евтушенковских слов:

«И безо всяких «надо»,
просто без ничего
дружба – не чувство стада –
чувство себя самого».

Уверен, что впереди у Александра Николаевича еще много интересных дел, начинаний, проектов, достижений, побед и свершений! Здоровья, благополучия и удачи, друг мой Александр!

В мае 2020 г. исполнилось 70 лет нашему коллеге и большому другу *Леониду Яковлевичу Подвойскому*. Он родился на Брянщине 26 мая 1950 г. в семье сельского кузнеца. Свой тернистый путь в философию он проложил через философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, выпускником которого стал в 1981 г. В настоящее время Леонид Яковлевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Астраханского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования РФ, ветеран труда. В Астраханском государственном университете он работает с 1982 г. Более десяти лет возглавлял кафедру философии. С 2000 г. Леонид Яковлевич является председателем Астраханского отделения Российского философского общества.

В настоящее время Леонид Яковлевич ведет лекционные и практические занятия со студентами и магистрантами многих факультетов АГУ (социальных коммуникаций, исторического, иностранных языков, филологии и журналистики, юридического, факультета бизнеса и экономики). Им читаются основные учебные курсы по следующим дисциплинам: философия, философия права, философия и методологии науки, современные концепции философии науки, политическая культура, политическая философия и социология, современная политическая философия, политическая этика.

Лекционные и семинарские занятия Л.Я. Подвойским проводятся на высоком методическом и научном уровне с использованием разнообразных приемов активизации учебного процесса. Он по прежнему активно занимается научно-исследовательской работой.

Л.Я. Подвойский – член редколлегии журнала «Каспийский регион: политика, экономика, культура»; ответственный редактор альманаха «Вопросы элитологии: философия, культура, политика»; ответственный редактор ежегодника «АСТРАПОЛИС: Астраханские политические исследования»; зам. главного редактора энциклопедического словаря «Элитология культуры: культурная элита России XX века» (2017 г.); член редколлегии энциклопедического словаря «Иностранцы на службе у России: «элита пришельцев» (2018 г.).

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ОТ ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ

Мощелков Евгений Николаевич (*доктор политических наук, завкафедрой Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова*)

Дорогой Леонид Яковлевич! Сердечно от себя лично и от всех наших однокурсников по философскому факультету МГУ имени М.В. Ломоносова поздравляю тебя с твоим 70-летним юбилеем. После окончания Alma Mater мы с тобой жили и работали в разных городах, но обстоятельства жизни сложились так, что мы никогда не теряли друг друга из виду, постоянно встречались то в Астрахани (на моей родине), то в Москве, то просто общались по телефону или по почте. Обучение в 1970-е гг. на философском факультете заложило нам мощный фундамент для профессиональной деятельности и роста. Знаю, что в Астраханском государственном университете, где ты служишь уже много лет, тебя очень уважают и ценят как одного из лучших преподавателей философских дисциплин, как надежного наставника молодежи. От души желаю тебе крепкого здоровья, счастья, благополучия, хороших и благодарных студентов.

Чумаков Александр Николаевич (*доктор философских наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, факультет глобальных процессов, главный редактор журнала «Век глобализации»*)

Годы, а тем более, десятилетия – самое надежное естественное сито, которое отсеивает все непрочное, временное и меркантильное в человеческих отношениях. Вот почему с годами, когда все больше расширяется круг коллег и знакомых – настоящих друзей становится, как правило, меньше. Для меня большая честь, что к числу моих именно таких друзей принадлежит и Леонид Подвойский. Мы познакомились с ним еще будучи студентами философского факультета МГУ. Но дружеские отношения пришли с годами, когда после окончания университета он стал преподавателем философии на моей родине – в Астрахани, а я занялся оргработой в Философском обществе СССР, а потом и России. И уже тот факт, что даже в самые трудные 1990-е годы он не только не оставил преподавание философии, но и возглавил созданную им областную философскую организацию, говорит о многом. Теперь, когда он достиг возраста Сократа, любому вполне очевидно, что философия – это его призвание и судьба! Но и это не все. Он яркая, креативная личность, в которой чудесным образом сочетаются талантливый педагог и оригинальный мыслитель,

неординарный поэт и большой знаток, ценитель меткого слова, наконец, просто отзывчивый и добрый человек – образец интеллигентности и высокой культуры. Остается пожелать Леониду Яковлевичу, достигшему философского акмэ, крепкого здоровья, талантливых учеников и новых творческих успехов!

Баева Людмила Владимировна (*доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Астраханского государственного университета*)

Мне посчастливилось многие годы работать с Леонидом Яковлевичем и как с руководителем кафедры, и как с председателем Астраханского отделения философского общества. Мы провели немало интереснейших заседаний общества по различной тематике, а Леонид Яковлевич всегда умел настроить участников дискуссий на позитивный лад. Доброта – пожалуй главная характеристика, которую в первую очередь можно отнести к нему.

Леонид Яковлевич – человек редкого таланта педагога, в этом у кафедры философии была возможность убедиться, когда мы все вместе работали в рамках экспериментальных лекций, где участвовала команда из преподавателей. Леонид Яковлевич использовал методы сценарных постановок, поэтического творчества, обучал философии на основе биографий выдающихся деятелей. Но не только это выделяло его занятия, они были проникнуты особой теплой, дружеской атмосферой, уважением к каждому студенту. В результате студенты просто обожали Леонида Яковлевича, посвящали ему стихи, рисовали портреты, делали коллажи.

На кафедре философии – он самый любимый и уважаемый человек, душа коллектива, с прекрасным чувством юмора, манерами истинного джентльмена, неиссякаемым творческим потенциалом. Его научные работы всегда написаны прекрасным слогом, поскольку он истинный ценитель и знаток родного языка.

У Леонида Яковлевича немало заслуг и он пользуется большим уважением всего факультета, я уверена, что именно он является тем человеком, который двигает нас всех вперед, в направлении Истины, Добра и Красоты, которым он сам служит всю свою творческую жизнь.

Вартумян Арушан Арушанович (*доктор политических наук, профессор, зам. директора по научной работе Института сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск); действительный член Академии политической науки; профессор отделения кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога*)

Подвойский Леонид Яковлевич относится к такому типу русского интеллигента, который вошел в наше сознание через кинематограф, театр и литературу. Внешний облик нашего юбиляра напоминает и «дядю Ваню» и «императорского Ваше Благородие», и «Карамазова», и веселого, неунывающего «барина».

Внутренний мир Леонида Яковлевича поражает своей энциклопедичностью и хорошим образованием старой школы ГУ. Ему не совсем уютно среди

нас, порой чувствуешь барскую снисходительность общения дворянина с «крепостными учеными».

Верный друг, отличный товарищ, преданный коллега, компанейский оратор и певун, «демократ в пятом поколении» - таким его знает, помнит и рукоплещет научное сообщество Юга России.

Гришин Николай Владимирович (*доктор политических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета*)

Леонид Яковлевич Подвойский – особенный человек в моей жизни. Мы познакомились осенью 1993 г., когда я был студентом первого курса исторического факультета, и с тех пор он по отношению ко мне сменил так много социальных ролей, как, вероятно, более никто из моих знакомых. Сначала – преподаватель философии, затем – научный руководитель студенческих работ, курсовых, дипломной работы. Первый мой заведующий кафедрой, когда я сам стал работать ассистентом на кафедре философии. Коллега по работе в нескольких ВУЗах, товарищ в футбольной команде. И, самое главное, наставник, товарищ и друг в личных отношениях.

Одно из качеств Леонида Яковлевича – это удивительное умение совмещать чуткость, мягкость с определенной строгостью и требовательностью к людям. Хотя он очень добрый и открытый человек, это никогда не расслабляет и не расхолаживает людей, которые его окружают.

Когда я был студентом, мы жили на переломе эпох. Старые институты социализации – комсомол, колхозы, стройки и т.д. – исчезли. Неограниченная свобода при полном отсутствии новых социальных институтов. Никто особенно не представлял, что делать. Леонид Яковлевич в этот момент очень активно помогал мне найти себя. Он первым в форме эксперимента привлек меня к опыту преподавания у своей же группы, когда я был еще на первом курсе. Давал мне читать много книг. Первую я хорошо помню: «Не умирай прежде смерти» Евгения Евтушенко об августовском путче 91 года. Он старался расширить мои горизонты, по его инициативе я оказывался на ТВ, на радио, в газетах. И даже организовал первое мое собеседование с потенциальным работодателем в одном из астраханских вузов.

Я благодарен Леониду Яковлевичу за его чуткость, понимание, отзывчивость. Рад, Леонид Яковлевич, что свой юбилей Вы встречаете в окружении друзей и коллег, которые Вас искренне уважают и любят. Вы достойны много.

Билалов Мустава Исаевич (*доктор философских наук, профессор, завкафедрой философии, Дагестанский государственный университет*)

Благодарю редакцию «Каспийского региона» за честь выразить свои пожелания в адрес юбиляра, но ограничиться одним-двумя абзацным поздравлением я не могу, хотя по своей солидности 70 лет – не 85 и не 90. Просто личность за этим юбилеем – незаурядная и масштабная. Философ от бога, педагог на зависть, организатор неформализированной науки и нешаблонного образования – никто из окружения Леонида Яковлевича Подвойского, и кто его знает, не усомнится в этих словах!

Масштаб личности Л. Подвойского - в особой метрической системе. Это не интервал, и не диапазон, охваченных его деятельностью должностей и служебных функций. Это Масштаб души, он Платон-современник нашей жизни. Художник-эстет, поэт-оратор, этик с рафинированной культурой. Платоносфера Леонида Яковлевича многомерна, лежит в основе единения времен, ментальностей, религий, идентичностей, она открыта миру и творит смыслы, любовь, дружбу...

Леонид Яковлевич обогатил меня целой географией единения в моем сердце Дагестана, Кавказа, Каспия, Астрахани, Волги и России... Под деловым научно-образовательным сотрудничеством сообщества наших друзей философов не одно десятилетие закладывался основательный фундамент человеческих отношений – мы два комсомольца, два капитана, два председателя, два заядлых болельщика любимого «Спартака», два патриота родины...

Ты, Леонид Яковлевич, гордость Российского философского общества, наша сила, наш импульс, наш животворный эйдос! Оставайся таким еще многие годы! Новых юбилеев, здоровья, счастья!

Усманов Рафик Хамматович (*доктор политических наук, профессор, заведующий кафедры политологии и международных отношений, директор департамента Евразии и Востока Астраханского государственного университета*)

С Леонидом Яковлевичем Подвойским я знаком уже свыше 30 лет. Более тесные, дружеские отношения у нас сложились в последние десятилетия в силу общих интересов и совместного сотрудничества на кафедре, где он является ведущим преподавателем по политической этике и политической культуре. Знаю, что Леонид Яковлевич прошел непростой путь становления преподавателя. Так, например, сразу после окончания философского факультета Московского государственного университета ему пришлось поработать в различных структурах государственной власти и познакомиться с реальными процессами, происходящие в нашем обществе. Именно поэтому и благодаря этому, в полной мере его талант, высокая эрудиция как философа раскрылись в период научно-педагогической деятельности в Астраханском государственном университете. Хочу отметить очень характерный показатель высокого уровня профессионала-педагога Леонида Яковлевича – это любовь, уважение и высокий рейтинг со стороны студентов. Более того, многие аспиранты, кандидаты наук и даже доктора часто обращаются к Леониду Яковлевичу за консультацией и советом по различным вопросам своих исследований в гуманитарной сфере.

Подвойский Л.Я. за время работы в вузе воспитал целую плеяду талантливых учеников. Сегодня я могу с полной уверенностью заявить, что он уже давно достиг звания и степени профессора. Кроме всех этих качеств, Леонид Яковлевич еще обладает и глубокими познаниями в области русской культуры, что привело его к увлеченности поэзией. Широкий кругозор, отзывчивость, внимание к коллегам и друзьям, любовь к своей профессии характеризует Леонида Яковлевича как настоящего современного российского интеллигента.

Среди профессорско-преподавательского состава общепризнано, что Подвойский Леонид Яковлевич сегодня является достойным представителем нашего научного сообщества, который своим многолетним и плодотворным трудом вносит существенную лепту в историю Астраханского государственного университета.

Романова Анна Петровна (*доктор философских наук, профессор, директор института по исследованию проблем юга России и Прикаспия Астраханского государственного университета*), **Топчиев Михаил Сергеевич** (*кандидат политических наук, старший научный сотрудник Лаборатории по исследованию. Социально-политической и культурной динамики народов Нижнего Поволжья Астраханского государственного университета*)

Дорогой Леонид Яковлевич! Мы познакомились практически тридцать лет назад, когда мы с семьей уехали из Грозного перед самой войной и меня приняли на работу в Астраханский педагогический институт им. А.М. Кирова, а Вы вернулись туда из обкома партии. Кафедра философии стала нам родной и ваша жизнь все эти годы непосредственно связана с ней. Ряд лет вы руководили кафедрой, и все эти годы мы чувствовали поддержку и уверенность, что мы не одни и все проблемы разрешатся. За это время мы стали не просто коллегами а друзьями, и даже родственниками - Вы крестили моего сына, поддерживали нас в трудные минуты.

Ваша эрудиция, высокий уровень культуры, ваша любовь к поэзии и Платону привнесли в жизнь нашего факультета особую атмосферу высокой культуры. За это вас очень любят студенты. Вашими стихами наслаждаются все женщины университета. Вы в носите в нашу бюрократическую жизнь капельку романтики. Для нас вы являетесь олицетворением стабильности: если вы на работе – значит все нормально, все будет хорошо.

Мы с Михаилом желаем Вам долгой и активной жизни, здоровья, и всегда помнить о том, что мы на Вас равняемся

Косов Геннадий Владимирович (*доктор политических наук, профессор, Пятигорский государственный университет*)

С детства слышал песни о Волге, читал о ней в рассказах и повестях и мечтал увидеть ее воочию. Прошло много лет после детства, и астраханским Вергилием, проведшим меня, как я думал по своей наивности, к Волге, стал Леонид Яковлевич.

Поздно вечером, проехав по ставропольскому чернозёму, калмыцкой степи, преодолев многочленные ерики, канавы и бездорожье, за дружеским ночным чаепитием последовало предложение рано утром, на зорьке искупаться в Волге. Кто же отказывается от такого предложения...

Едва провалившись в объятия Дрёмы, услышал стук. Пробивающиеся сквозь пыльные стекла солнечные лучи высветили в дверном проёме силуэт до неприличия бодрого человека. «Изыди, дай поспать», – хотелось сказать ему, но уважение к старшему и детская мечта о Волге закупорили в горле поток

эмоций. «Он двинулся, и я ему вослед», – всплыли тогда в голове слова бессмертного Данте.

Выйдя на воздух, окунувшись в непривычно зудящее мошкой и начинающее раскаляться под астраханским солнцем утро, я последовал за Проводником. Это был невероятно долгий и одновременно короткий Путь, Путь, проторенный поэтом, философом, Путь, наполненный смыслами, образами, аллегориями, анекдотами, платоновскими Тенями и Идеями.

«Смотри», – сказал он. «Се есть Волга!... Плыви». И я поплыл... «Мечты сбываются!» – подумал я. До изнеможения поборовшись с течением и выбравшись на берег, я оказался... нет, не в сумрачном лесу, а около стадиона, по дорожкам которого прохаживались боттичеллевские Венеры, будоража в созерцателях струны флорентийского неоплатонизма. И вот уже поднявшись на высшую степень созерцания и постижения Эмпирий, я услышал в потоке поэтических образов: «Ну вот, теперь ты знаешь, что такое Большая Болда. Это конечно не Волга, но она в нее впадает. А завтра, если будешь вести себя хорошо, сходим и на Волгу». А вот о походе с астраханским Вергилием на саму Волгу я расскажу через тридцать лет, когда он будет праздновать свой юбилей с веком наравне.

Глазков Александр Петрович (*доктор философских наук, профессор, заведующий кафедры философии Астраханского государственного университета*)

Леонид Яковлевич Подвойский является старейшим и опытейшим преподавателем нашей кафедры философии. Будучи чутким и интеллигентным человеком он соединяет в себе много замечательных качеств, которые помогают ему в деятельности преподавателя и наставника современной молодежи. Среди всех достоинств, которыми обладает наш юбиляр, а их у него множество, я бы выделил отзывчивость. Отзывчивый, готовый «подставить плечо», если вдруг возникает трудная ситуация на работе или в личной жизни, это замечательная черта характера Л.Я. Подвойского. Эта черта характера помогает ему и в профессиональной преподавательской деятельности, которой Леонид Яковлевич посвятил уже более 30 лет.

Если говорить о профессиональной деятельности, то я хотел бы остановиться на стиле чтения лекций Л.Я. Подвойским. Мне посчастливилось во время нашего эксперимента преподавания философии в больших потоках неоднократно наблюдать, как он читает свою часть лекции. Леонид Яковлевич соединяет в себе творческий нетривиальный подход и глубокое знание лекционного материала, что с первых же минут захватывает внимание аудитории. Замечательно здесь то, что в его лекциях соединяется философия и поэзия. Леонид Яковлевич очень любит поэзию, и сам является замечательным поэтом. Поэтому нет ничего неожиданного в том, что включает в свои лекции произведения поэтов и в том числе и свои собственные стихотворения, которые удивительно и очень точно на вдохновенном поэтическом уровне передают главную мысль, главную идею лекции. Это не только и не столько иллюстрация учебного

материала, хотя, безусловно, она таковой все же является, это передача философской мысли поэтическим языком. Не случайно философия начиналась как поэзия и первые философы Греции – это поэты, которые писали поэмы «*τὰ φυσικά*», «о природе». Когда мы читали все вместе лекции в больших потоках, и слово предоставлялось Леониду Яковлевичу, зал заранее затаивал дыхание. На каждые поворот мысли, на каждый философский сюжет, который затрагивался в лекции, у Леонида Яковлевича был проникновенный стих, который вдруг открывал новый неожиданный ракурс понимания, новые глубины смыслов, которые скрывались за казалось бы сухим и абстрактным языком философской лекции. Удивительно как много стихов Л.Я. Подвойский знает наизусть!

С большим удовольствием присоединяюсь к поздравлениям с юбилеем Леонида Яковлевича и желаю ему крепкого здоровья и долголетия, долголетия профессионального и творческого.

Резаков Равиль Гарифович (*доктор педагогических наук, профессор Московского городского педагогического университета*)

Наступает юбилейное время, когда на день рождения друга, от его близкого окружения все ждут слов, размышлений – почему они рядом с ним. Оценивать всегда трудно, а оценивать себя, своё отношение вдвойне.

И так, мой друг Леонид Подвойский! Интеллигентный, порядочный, энциклопедически образованный, скромный, заботливый и очень серьезный человек. Он любящий отец и любимый многими студентами Учитель в мире философских знаний. А если вы хотите услышать популярные и народные песни в хорошем качестве, то тогда к нам, на дружеское застолье, где тамадой будет наш именинник. Меня с Юбиляром объединяет много общих «подвигов»: организация и проведения мониторинга выборов руководителей нашей любимой Астрахани, проведение исследований социально-экономических предпочтений областной молодежи, совместные исследования в области философии и социологии образования, нашедшие отражения в совместных публикациях. А также любовь к его малой Родине – Брянщине.

Это достоинства, а теперь о недостатках – мы оба равнодушны к прекрасному полу и праздному времяпровождению... – для него это богиня Афина, моя – Клио, а праздность заключается в том, что мы оба любим мечтать, проводить время в философских, светских беседах о сложности бытия, сетовать, что невозможно прочитать все интересные книги и познакомиться со многими исследованиями умных и профессионально грамотных ученых, и получать удовольствие от этих бесконечных, нескончаемых дружеских встреч. Это нас объединяет, сплачивает и делает наш союз неразлучным, по крайней мере до устранения недостатков, которые можно трактовать несколько по-другому. Мне очень не хватает этих встреч.

Желаю Юбиляру, моему верному другу – Леониду Яковлевичу Подвойскому – долгих счастливых и светлых дней на профессиональном поприще, любви близких, уважения учеников и коллег!

Кармазина Наталья Михайловна (*заместитель декана факультета физической культуры и спорта Астраханского государственного университета*)

Для меня Леонид Яковлевич Подвойский не просто коллега, но и настоящий друг, и просто хороший человек. А ещё мы с ним земляки, ведь родились мы на нашей милой родной Брянщине, а встретились и подружились в Каспийской столице – городе Астрахани. И дружба наша случилась исключительно благодаря общительному и внимательному характеру Леонида Яковлевича. Он – человек, который умеет ценить дружбу, и я ему за это очень благодарна. Я считаю его талантливым и творческим человеком, самые оригинальные поздравления на моих днях рождениях – от него! А какие романсы он поёт!..

В некоторых моментах немножко бывает нерасторопен, и поэтому иногда попадает в забавные ситуации, но с присущим ему чувством юмора всегда находит достойный выход. Очень радуется и восхищает его умение готовить, причем это не просто обычные блюда, но всегда какие-то эксперименты, что ещё раз подтверждает его творческий характер.

В этот юбилейный для Леонида Яковлевича год хочу пожелать доброму и умному, талантливому и внимательному, весёлому мужчине, чтобы всё добро, которое он дарит окружающим его людям, непременно возвращалось к нему.

Карабущенко Павел Леонидович (*доктор философских наук, профессор, Астраханский государственный университет*)

Многие годы дружбы связывает нас с Леонидом Яковлевичем. За это время он раскрылся как неординарная личность, человек широкой души и доброго сердца. Это человек огромной внутренней культуры (даже ненормативная лексика в его устах звучит интеллигентно и ненавязчиво), большой человеческой доброты и порядочности, образец русского интеллигента второй половины XX – начала XXI столетия.

Его творческая научная деятельность – пример для многих начинающих ученых. Как философ он может найти и прочувствовать актуальную тему, спланировать свой эксклюзивный подход её исследования, сформулировать неожиданные оригинальные идеи и выводы. Творческая лаборатория Леонида Яковлевича - это целый мир идей от античной классики до современной отечественной философской мысли. Это человек энциклопедических знаний и мастер семинарских и лекционных занятий.

Меня всегда восхищало умение Леонида Яковлевича работать с текстом, его феноменальное чутье (просто на генетическом уровне!) особенности русского слова, умение находить различные оттенки и значения научных и философских смыслов. Научные работы его всегда отличаются строгостью стиля и точностью слова. Я благодарен судьбе за общение с Леонидом Яковлевичем, и как с человеком, и как со специалистом. Больших творческих успехов и долгих лет жизни.

В мае 2020 г. исполнилось 50 лет члену редколлегии журнала «Каспийский регион: политика, экономика, культура» доктору политических наук, профессору Геннадию Владимировичу Косову.

Геннадий Владимирович родился 17 мая 1970 г. В 1994 г. окончил Ставропольский государственный педагогический университет по специальности «история и социально-политические дисциплины». В 1999 г. защитил кандидатскую диссертацию «Декабризм в социальной истории России» по специальности «отечественная история». В 2006 г. защитил докторскую диссертацию по политическим наукам «Экологические основания современного политического процесса».

В настоящее время он является профессором и заведующим кафедрой международных отношений и зарубежного регионоведения Севастопольского государственного университета. Сфера научных интересов: политизация неполитических факторов, региональный политический процесс.

Геннадий Владимирович является научным руководителем аспирантов, председателем диссертационного совета по политическим наукам при Пятигорском государственном университете, членом экспертных клубов «Эльбрус» и «Пятигорск». Преподает дисциплины «Мировая политика», «Региональные политические процессы», «Принятие внешнеполитических решений в РФ». Автор более 200 научных и учебно-методических работ, в том числе 15 монографий и 18 учебных пособий. С марта 2014 г. Геннадий Владимирович является эксперт-политологом, руководителем Ставропольского филиала Фонда развития гражданского общества (ФОРГО).

Г.В. Косов – активный участник многих региональных, всероссийских и международных конференций по различным вопросам социально-политических и культурно-философских проблем, проходивших во многих городах России, в том числе и в Астрахани. В течение ряда лет Геннадий Владимирович был членом диссертационного совета по защите докторских

и кандидатских диссертаций Д. 212.009.12 при Астраханском государственном университете.

Неоднократно он выступал в качестве председателя ГЭК по защите магистерских и дипломных выпускных квалификационных работ магистрантов и студентов кафедры политологии и международных отношений.

Редакция ежегодника АСТРАПОЛИС сердечно поздравляют Вас, уважаемый ГЕННАДИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ со славным юбилеем! Надеемся на сохранение дружеских отношений, дальнейшее продолжение сотрудничества и от всей души желаем Вам крепкого здоровья, семейного благополучия, научных и творческих успехов, удачи, радости, политического оптимизма и философского восприятия жизни!

АСТРАПОЛИС

Астраханские политические исследования

2021

(11)

Материалы публикуются в авторской редакции.
Техническое редактирование,
компьютерная правка *Ю.А. Васильевой*

Заказ № 4367. Тираж 10 электрон. оптич. дисков
Уч.-изд. л. 15,8. Объем данных 2,78 МБ.

Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
тел. (8512) 24-64-95, 24-68-37
E-mail: asupress@yandex.ru